РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия для X класса

Составила
А. РАУМАН

RK
„Pedagoogiline Kirjandus"

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ X КЛАССА

ЭСТОНСКИХ СРЕДНИХ ШКОЛ

I ТЕТРАДЬ

Составила **А. Рауман**

Kohustuslik kontrollieksemplar

RK

„PEDAGOOGILINE KIRJANDUS“

TALLINN 1948

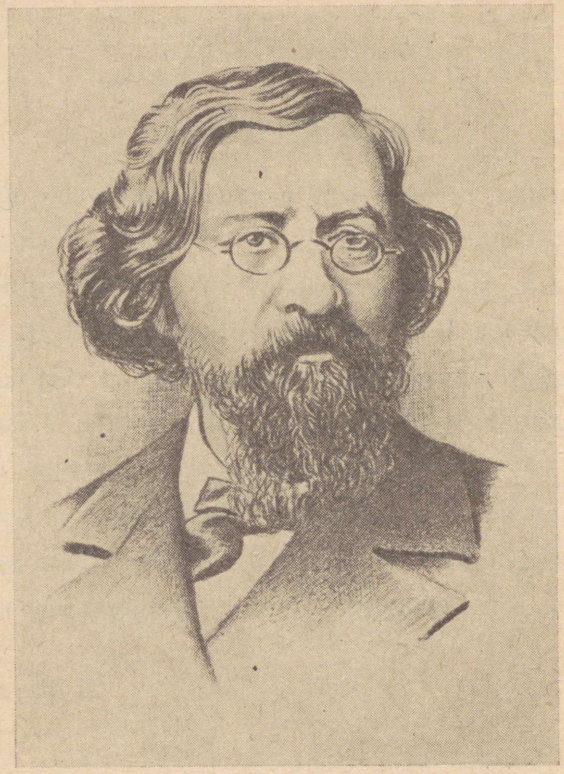
Bibliotheca
Universitatis
Tartuensis
1949:0752
18846

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящая хрестоматия предназначена для изучения русской литературы в X классе средней школы ЭССР.

Материал из произведений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого соответствует материалу, помещенному в „Хрестоматии по литературе“ для X класса, ч. I, Б. Сээта и И. Вяйнасте, издания, 1947 г. на эстонском языке. Словарь к настоящей хрестоматии составлен на базе словаря учебников Л. Махони „Живая речь“ II и III, новые слова даны под текстом на той странице, где они встречаются впервые.

А. Рауман.



Николай Гаврилович Чернышевский

1828—1889

Из романа „ЧТО ДЕЛАТЬ“.

XXIX.

Осóбенный человек.

... Таких людей, как Рахмéтов, мало: я встретил до сúх пор только восемь образцóв этой порóды (в том числе двух женщин); они не имели сходства ни в чём, кроме одной черты́. Между ними были люди мягкие и люди суро́вые, люди мрачные и люди весёлые, люди хлопотли́вые и люди флегмати́ческие [1], люди слезли́вые (один с суровым лицом, насме́шливый до наглости; другой с деревя́нным лицом, молчали́вый и равноду́шный ко всему; оба они при мне рыда́ли несколько раз, как истери́ческие [2] женщины, и не от своих дел, а среди разговоров о разной разности; наедине́, я уве́рен, плакали часто) и люди, ни от чего не переставáвшие быть спокойными. Сходства не было ни в чём, кроме одной черты,

[1] *Флегматический* — вялый, спокойный.

[2] *Истерический* — нервнобольной.

осóбенный — eriline
до сих пóр — siiaajani, senini
образéц (*р. п.* образцá) — näidis; eeskuju
схóдство — sarnasus
чертá — joon
хлопотли́вый — askeldav, hoolitsev
слезли́вый — nutlik, nutune (hääl)
насме́шливый — pilkav
нáглость (*ж. р.*) — häbematus
равноду́шный — ükskõikne
рыдáть (-áю, -áешь); зарыдáть* (*буд.* -áю, -áешь, -áют) — valjusti v. härdasti nutma hakkama
истери́ческий — hüsteeriline
наедине́ — üksipäini
я уве́рен — ma olen kindel
не переставáвший — kes ei lakanud (olemast)

но она одна уже соединя́ла их в одну поро́ду и отделя́ла от всех остальны́х люде́й. Над теми из них, с которыми я был близо́к, я смея́лся, когда́ быва́л с ними наедине́; они́ серди́лись или не серди́лись, но тоже смея́лись над собо́ю. И действи́тельно, в них было́ мно́го заба́вного, всё гла́вное в них было́ забавно́, всё то, почему́ они́ были́ людьми́ осо́бой поро́ды. Я люблю́ смея́ться над таки́ми людьми́ . . .

Генеало́гия [1] гла́вных лиц моего́ расска́за: Ве́ры Па́вловны, Кирса́нова и Лопухо́ва, не восхо́дит, по пра́вде говоря́, дальше де́душек с ба́бушками, и разве́ с бо́льшими натя́жками мо́жно приста́вить сверху́ ещё каку́ю-нибу́дь праба́бушку (праде́душка уже́ неизбе́жно покры́т мра́ком забве́ния, и́звестно то́лько, что он был муж прабабушки и что его́ зва́ли Кири́ллом, потому́ что де́душка был Гера́сим Кири́ллыч). Рахме́тов был из фами́лии, и́звестной с XIII ве́ка, то-есть одно́й из древне́йших не то́лько у нас, а и в це́лой Евро́пе . . . Оте́ц его́ служи́л без уда́чи и без паде́ний, в 40 лет вы́шел в отста́вку

[1] *Генеалогия* — родословие.

соедини́ть (-я́ю, я́ешь, -я́ют); соедини́ть* (*буд.* -ню́, -ни́шь, -ня́т) — ühendama, liitma

отделя́ть (-ля́ю, -ля́ешь, -ля́ют); отдели́ть* (*буд.* -лю́, -ли́шь, -ля́т) — eraldama, lahutama

осталь|но́й — ülejäänud

заба́вный — naljakas, veider

натя́жка — pinguldus, pingutus

приставля́ть (-ля́ю, -ля́ешь, -ля́ют); приста́вить* (*буд.* -влю, -вишь, -вят) — juurde lisama

праба́бушка — vana-vanaema

праде́душка — vana-vanaisa

неизбе́жно — vältimatult, paratamatult

мрак — pimedus

забве́ние — unustus

древне́йший — põliseim, vanim, iidseim

уда́ча — õnnestumine

отста́вка — erru laskmine, erusolek

генерал-лейтена́нтом и посели́лся в одном из своих поме́стий, разбро́санных по верхо́вью Медве́дицы. Поместья были, одна́кож, не очень велики́, всего душ тысячи две с полови́ной, а детей на деревенском досу́ге явилось много, человек восемь; наш Рахметов был предпосле́дний, моложе его была одна сестра; потому наш Рахметов был уже человек не с богатым насле́дством: он получил около 400 душ да 7000 десяти́н земли. Как он распоряди́лся с ду́шами и с 5500 десятинами земли, это не было известно никому, не было известно и то, что за собою оставил он 1500 десятин, да не было известно и вообще то, что он помещик и что, отдавая в аренду оставленную за собою до́лю земли, он имеет всё-таки ещё до 3000 руб. дохода, этого никто не знал, пока он жил между нами. Это мы узнали после, а тогда полага́ли, конечно, что он одной фамилии с теми Рахметовыми, между которыми много богатых помещиков, у которых, у всех однофами́льцев вместе, до 75 000 душ по верховьям Медведицы, Хопра́, Суры, Цны, которые бессме́нно бывают у́ездными предводи́телями тех мест, и не тот, так другой постоя́нно бывают губе́рнскими предводителями то в той,

---

посели́ться* (*буд.* -лю́сь, -ли́шься); поселя́ться (-ля́юсь, -ля́ешься) — elama asuma
поме́стье — mõis
разбро́санный — laialipillatud
верхо́вье — ülemjooks
одна́кож — siiski, ikkagi
досу́г — jõudeolek
предпосле́дний — eelviimane
насле́дство — pärand
десяти́на — tiin
распоряжа́ться (-жа́юсь -жа́ешься) распоряди́ться* (*буд.* -жу́сь, ди́шься) — toimima, korraldama
в аре́нду — rendile
до́ля — osa
полага́ть (-га́ю, -га́ешь) — oletama, arvama
бессме́нно — vahetpidamata, pidevalt
у́ездный — maakonna-
предводи́тель — juht, pealik
постоя́нно — alatasa

то в другой из трёх губерний, по которым текут их крепостны́е верхо́вья рек. И знали мы, что наш знакомый Рахметов проживает в год рублей 400; для студента это было тогда очень немало, но для помещика из Рахметовых уже слишком мало; потому каждый из нас, мало забо́тившихся о подо́бных спра́вках, положил про себя без справок, что наш Рахметов из какой-нибудь захире́вшей и обеспоме́стившейся ветви Рахметовых, сын какого-нибудь сове́тника казённой пала́ты, оста́вившего детям небольшой капита́лец. Не интересоваться же в самом деле было нам этими вещами.

Теперь ему было 22 года, а студентом он был с 16 лет; но почти на 3 года он покида́л университет. Вышел из 2-го курса, поехал в поместье, распоряди́лся, победив сопротивле́ние опекуна́, заслужив ана́фему от братьев и дости́гнув того, что мужья́ запрети́ли его сёстрам произноси́ть его имя; потом скита́лся по России разными манерами: и сухим путём, и водою, и тем и другою по-обыкнове́нному и по-необыкновенному, — например, и

крепостно́й — pärisomandlik, pärisori
проживать (-живаю, -живаешь) — kulutama
забо́тившийся — hoolitsenud
подо́бный — sellekohane, sarnane
спра́вка — teade
положи́л про себя́ — oletas iseeneses
захире́вший — kidurdunud
обеспоме́стившийся — mõisast ilma jäänud, vaesunud
ветвь (*ж. р.*) — haru
сове́тник — nõunik
казённый — kroonu
пала́та — palat
в самом де́ле — tõepoolest
покида́ть (-аю, -аешь) — lahkuma
сопротивле́ние — vastuseismine, vastupanu
опеку́н — hooldaja
ана́фема — needmine
дости́гнув — saavutanud
запреща́ть (-щаю, -щаешь); запрети́ть* (*буд.* -щу́, -ти́шь) — keelama
произноси́ть его имя — suhu võtma tema nime
скита́ться (-аюсь, -аешься) — rändama
ра́зными мане́рами — igasugusel viisil

пешком, и на расши́вах [1], и на ко́сных лодках, имел много приключе́ний, которые все сам устра́ивал себе; между прочим, отвёз двух человек в Казанский, пятерых в Московский университет, — это были его стипендиаты, а в Петербург, где сам хотел жить, не привёз никого, и потому никто из нас не знал, что у него не 400, а 3000 руб. дохода.

Это стало известно только уже после, а тогда мы видели, что он долго пропадал, а за два года до той поры, как сидел он в кабинете Кирсанова за толкова́нием Ньютона на Апокали́псис, возвратился в Петербург, поступил на филологи́ческий факультет, — прежде был на есте́ственном и только.

Но если никому из петербургских знакомых Рахметова не были известны его ро́дственные и де́нежные отноше́ния, зато все, кто его знал, знали его под двумя про́звищами: одно из них — „ригори́ст“ [2], его он принимал с обыкновенною своею лёгкою улыбкою мрачнова́того удово́льствия. Но когда его называли Ники́тушкою или Ло́мовым, или по полному про́звищу Никитушкою Ломовым,

---

[1] *Расшива* — старинное название большой лодки.

[2] *Ригорист* — суровый, последовательный сторонник определённой идеи. На языке Чернышевского — революционер.

расши́ва — vanaaegne suur lodi
ко́сная ло́дка — kaldlootsik
между про́чим — muuseas
пропада́ть (-а́ю, -а́ешь); пропа́сть* (*буд.* -ду́, -дёшь) — kaduma
толкова́ние — tõlgendus, arutelu
есте́ственный факульте́т — loodusteaduskond
ро́дственный — sugulus-
де́нежный — rahaline
про́звище — hüüdnimi
принима́ть (-нима́ю, -а́ешь); приня́ть* (*буд.* -му́, -мешь) — vastu võtma
мрачнова́тый — süngevõitu
удово́льствие — lõbu, mõnu

он улыбался широко и сладко и имел на то справедли́вое основа́ние, потому что не получил от природы, а приобрёл твёрдостью воли право носить это славное между миллионами людей имя. Но оно греми́т славою только на полосе в 100 вёрст шириною, идущей по восьми губерниям; читателям остальной России надобно объясни́ть, что это за имя. Ники́тушка Ломов, бурла́к, ходивший по Волге лет 20—15 тому назад, был гигант геркуле́совской силы; 15 вершко́в ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил 15 пудов, хотя был человек только пло́тный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за четырёх человек. Когда судно приставáло к городу, и он шёл на рынок, по-во́лжскому на базар, по дальним переу́лкам раздавались крики парней: „Никитушка Ломов идёт, Никитушка Ломов идёт!“ и все бежали на улицу, веду́щую с при́стани к базару, и толпа народа вали́ла вслед за своим богатырём.

Рахметов в 16 лет, когда приехал в Петербург, был с этой стороны обыкновенным ю́ношею довольно высокого роста, довольно крепким, но далеко не замечательным

справедли́вый — õiglane
основа́ние — alus
приобрета́ть (-та́ю, -та́ешь); приобрести́* (*буд.* -рету́, -ретёшь) — omandama
твёрдость — tugevus, kindlus
во́ля — tahe
греме́ть (-млю́, -ми́шь) — kõlama, kõmisema
полоса́ — riba, vöönd
гига́нт — hiiglane
15 вершко́в ро́стом — (üle 2 arssina) 15 verssokki pikk (s. o. üle 2 m)
пло́тный — tüse
приставáть (-стаю́, стаёшь); приста́ть* (*буд.* -ста́ну, -ста́нешь) — randuma
по-во́лжскому — Volga-äärsel viisil e. kombel
переу́лок — põiktänav
веду́щий — viiv, juhtiv
вали́ть — murruna voolama
вслед за — kannul
ю́ноша — nooruk

по силе: из десяти встре́чных его све́рстников двое, наве́рно, сла́дили бы с ним. Но на половине 17-го года он вздумал, что нужно приобре́сть физическое богатство, и начал работать над собою. Стал очень усе́рдно заниматься гимнастикою; это хорошо, но ведь гимнастика только совершéнствует материал, надо запаса́ться материалом, и вот, на время, вдвое бóльшее занятий гимнастикою, на несколько часов в день, он становился чернораббчим по работам, тре́бующим силы: возил воду, таскал дрова, рубил дрова, пили́л лес, теса́л камни, копа́л землю, кова́л железо; много работ он проходил и часто менял их, потому что от каждой новой работы, с каждой переме́ной, получают новое разви́тие какие-нибудь му́скулы. Он принял боксёрскую дие́ту: стал кормить себя, — именно кормить себя, — исключительно веща́ми, имеющими репутацию укрепля́ть физическую си́лу, больше всего бифштéксом, почти сырым, и с тех пор всегда жил так. Через год после нача́ла этих заня́тий он отпра́вился в своё

встре́чный — vastujuhtuv
све́рстник — samaealine
наве́рно — tõenäoliselt
сла́дить* (*буд.* сла́жу, сла́дишь) — jagu saama
усе́рдно — usinasti
совершéнствовать (-вую -вуешь); усовершéнствовать* (*буд.* -вую, -вуешь) — täiustama
запаса́ться (-а́юсь, -а́ешься); запасти́сь* (*буд.* запасу́сь, запасёшься) — varuma
тре́бующий — nõudev
пили́ть (пилю́, пи́лишь) — saagima
теса́ть (тешу́, те́шешь) — tahuma
копа́ть (-а́ю, -а́ешь) — kaevama
кова́ть (кую́, куёшь) — taguma (rauda)
переме́на — vahetus; vahetaeg (koolis)
разви́тие — arenemine, areng
му́скул — lihas
и́менно — nimelt
исключи́тельно — eranditult
вещь (*ж. р.*) — aine
име́ющий — omav
почти́ — peaaegu
сыро́й — toores
с тех по́р — siitpeale
заня́тие — harrastus, tegevus
отпра́виться* (-влюсь, -вишься) — minema

стра́нствование и тут имел ещё больше удо́бства заниматься развитием физической силы: был па́харем, плотником, перево́зчиком и работником всяких здоровых про́мыслов; раз даже прошёл бурлаком всю Волгу, от Дубовки до Рыбинска. Сказать, что он хочет быть бурлаком, показалось бы хозяину су́дна и бурлакам ве́рхом неле́пости, и его не приняли бы; но он сел просто пассажи́ром, подружи́вшись с артелью, стал помогать тянуть ля́мку и через неделю запря́гся в неё, как сле́дует настоящему рабочему; скоро заметили, как он тянет, на́чали пробовать силу, — он перетягивал трои́х, даже четверы́х самых здоровых из своих товарищей; тогда ему было 20 лет, и товарищи его по лямке окрести́ли его Никитушкою Ломовым, по памяти героя, уже сошёдшего тогда со сце́ны. На следующее лето он ехал на пароходе; один из простонаро́дья, толпи́вшегося на па́лубе, оказа́лся его прошлогодним сослужи́вцем по лямке, а таким-то образом его спу́тники-студенты узнали, что его следует звать Никитушкою Ломовым. Действительно, он приобрёл и, не щадя́ времени, поддерживал в себе непоме́рную силу.

стра́нствование — rännak
удо́бство — *siin:* soodsus
пло́тник — puusepp
перево́зчик — ülevedaja
про́мысел — *siin*: tööala
верх — tipp
неле́пость — mõttetus
пассажи́р — reisija
подружи́вшийся — sõbrustanud
ля́мка — tõmbeköis
запряга́ться (-а́юсь, -а́ешься) — rakenduma
как сле́дует — nagu kord ja kohus
окрести́ть* (*буд.* окрещу́, окре́стишь) — ristima
сошёдший — lahkunud
сце́на — lava, stseen
толпи́вшийся — tunglev
оказа́ться* (*буд.* окажу́сь, ока́жешься) — osutuma
таким-то о́бразом — nõnda
спу́тник — kaasmatkaja, reisikaaslane
щадя́ — säästes
не щадя́ — säästmata
подде́рживать (-живаю, -живаешь) — toetama, *siin*: säilitama
непоме́рная — erakordne

„Так нужно, — говорил он, — это даёт уваже́ние и любовь простых людей. Это полезно, может пригоди́ться".

Это ему засе́ло в голову с половины 17-го года, потому что с этого времени и вообще начала́ развиваться его особенность. 16 лет он приехал в Петербург обыкновенным, хорошим, кончившим курс гимназистом, обыкновенным добрым и честным юношею, и провёл месяца три, четыре по-обыкновенному, как проводят начинающие студенты. Но стал он слышать, что есть между студентами особенно умные го́ловы, которые думают не так, как другие, и узнал с пято́к имён таких людей, — тогда их было ещё мало. Они заинтересова́ли его, он стал искать знакомства с кем-нибуть из них; ему случилось сойти́сь с Кирсановым, и началось его перерожде́ние в особенного человека, в будущего Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушал он Кирсанова в первый вечер, плакал, прерыва́л его слова восклица́ниями прокля́тий тому, что должно погибнуть, благослове́ний тому, что должно жить. — „С каких же книг мне начать читать?" Кирсанов указал. Он на другой день уж с 8 часов утра ходил по Невскому, от Адмиралте́йской до Полицейского моста, выжидая, какой немецкий или французский книжный магазин первый откроется, взял что нужно, и читал больше трёх суток сряду, — с 11 часов утра четверга́ до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвёртой ночи нехвати́ло силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу ча-

---

пригоди́ться* (*буд.* пригожу́сь, пригоди́шься) — tarvis minema

засе́сть в го́лову — meelde püsima jääma, pähe tulema ja jääma

сойти́сь* (*буд.* -ду́сь, -дёшься) — kokku sattuma

прерыва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — katkestama

сов 15. Через неделю он пришёл к Кирсанову, потре́бовал указа́ний на новые книги, объяснений; подружи́лся с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хотя ему было только 17 лет, а им уж по 21 го́ду, они уже не считали его молодым человеком сравни́тельно с собою, и уж он был особенным человеком.

Какие зада́тки для того лежали в его прошлой жизни? Не очень большие, но лежали. Отец его был человек деспоти́ческого характера, очень умный, образо́ванный и ультраконсерватор [1], — в том же смы́сле, как Марья Алексеевна, ультраконсерватор, но честный. Ему, конечно, было тяжело́. Это одно ещё ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала от тяжёлого характера мужа, да и видел он, что́ в деревне! За несколько времени перед тем, как вышел он из университета и отправился в сво́ё поместье, потом стра́нствование по России, он уже принял оригинальные при́нципы и в материальной, и в нра́вственной, и в умственной жизни, а когда он возвратился, они уже разви́лись в законченную систему, которой он держался неукло́нно. Он сказал себе: „Я не пью ни капли вина. Я не прикаса́юсь к женщине". А нату́ра была кипу́чая. „Зачем это? Такая кра́йность

[1] *Ультраконсерватор* — крайний консерватор.

потре́бовать* (*буд.* -бую, -буешь) nõudma
сравни́тельно с собою — enesega võrreldes
зада́ток (*р. п.* зада́тка) — käsiraha
в том же смы́сле — samas mõttes
нра́вственный — moraalne
неукло́нно — kõikumatult, kõrvalekaldumatult
прикаса́ться (-юсь, -ешься) — puutuma
нату́ра — loomus
кипу́чая — tuline, keev

вовсе не нужна". — „Так нужно. Мы требуем для людей по́лного наслажде́ния жизнью, — мы должны своею жизнью свиде́тельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворе́ния своим личным страстя́м, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристра́стию, по убежде́нию, а не по личной на́добности".

Поэтому же он стал и вообще вести самый суровый образ жизни. Чтобы сделаться и продолжать быть Никитушкою Ломовым, ему нужно было есть говя́дину, много говядины, — и он ел её много. Но он жалел каждой копейки на какую-нибуть пи́щу, кроме говядины; говядину он велел хозяйке брать самую отличную, нарочно для него самые лучшие куски, но остальное ел у себя дома всё только самое дешёвое. Отказался от белого хлеба, ел только чёрный за своим столом. По целым неделям у него не бывало во рту куска сахару, по целым месяцам никакого фрукта, ни куска теля́тины или пулярки. На свои деньги он не покупал ничего подо́бного: „Не имею права тратить деньги на при́хоть, без которой могу обойти́сь", — а ведь он воспитан был на роско́шном столе и имел тонкий вкус, как видно было по его замечаниям о блю́дах, когда он обедал у кого-нибудь за чужим столом; он ел с удовольствием многие из блюд, от

наслажде́ние — nauding
удовлетворе́ние — rahuldus
страсть (*ж. р.*) — kirg
пристра́стие — erapoolikus
убежде́ние — veendumus
на́добность — vajadus
образ жи́зни — eluviis
говя́дина — loomaliha, veiseliha
пи́ща — toit
теля́тина — vasikaliha
пуля́рка — nuumatud kana
подо́бный — sellesarnane
при́хоть — tuju, kapriis
обойти́сь* (*буд.* обойду́сь, обойдёшься) — läbi saama
роско́шный — tore, luksuslik
блю́до — roog

которых отка́зывал себе в своём столе, других не ел и за чужим столом. Причи́на различе́ния была основа́тельная: „То, что ест, хотя по временам, простой народ, и я могу есть при случае. Того, что никогда недосту́пно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хотя несколько чувствовать, насколько стеснена́ их жизнь сравнительно с моею". Поэтому, если подавались фрукты, он абсолютно ел яблоки, абсолютно не ел абрикосов; апельсины ел в Петербурге, не ел в провинции, — видите, в Петербурге простой народ ест их, а в провинции не ест. Паштеты ел потому, что „хороший пирог не хуже паштета, и слоёное те́сто знакомо простому народу", но сардинок не ел. Одевался он очень бедно, хоть любил изя́щество, и во всём остальном вёл спарта́нский образ жизни: например, не допуска́л тюфяка́ и спал на во́йлоке, даже не разре́шая себе свернуть его вдво́е.

Было у него угрыза́ние со́вести, — он не бросил курить: „без сигары не могу думать; если действительно так, я прав: но, быть может, это сла́бость воли". А дурны́х сигар он не мог курить, — ведь он воспитан был в аристократической обстано́вке. Из 400 руб. его расхода до 150

отка́зывать себе́ (-ываю, -ываешь) — loobuma
причи́на — põhjus
различе́ние — vahetegemine
основа́тельный — põhjendatud, põhjalik
недосту́пно — pole kättesaadav
жизнь стеснена́ — elu on kitsas
слоёное те́сто — lehttaigen
изя́щество — elegantsus, peenus
допуска́ть — lubama
тюфя́к — madrats
во́йлок — vilt
не разреша́я — lubamata
свернуть* (*буд.* сверну́, свернёшь) — käänama
вдво́е — kahekorra
со́весть (*ж. р.*) — südametunnistus
угрыза́ние со́вести — südametunnistuse piin
дурно́й — halb
обстано́вка — *siin*: miljöö

выходило у него на сигары. „Гнýсная слабость“, как он выража́лся. Только она и давала некоторую возможность отбива́ться от него: если уж начнёт слишком доезжа́ть своими обличе́ниями, доезжа́емый скажет ему: „да ведь совершенство невозможно — ты же куришь“, — тогда Рахметов приходил в двойну́ю силу обличения, но бо́льшую половину укори́зн обраща́л уже на себя, облича́емому всё-таки доставалось меньше, хоть он не вовсе забывал его из-за себя.

Он успевал делать страшно много, потому что и в распоряже́нии временем положил на себя точно такое же обузда́ние при́хотей, как в материальных вещах. Ни четверти часа в месяц не пропадало у него на развлече́ние, отдыха ему не было нужно. „У меня занятия разнообра́зны: перемена занятия есть отдых“. В кругу́ приятелей, сборные пункты которых находились у Кирсанова и Лопухова, он бывал никак не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться в тесном отношении к нему: „Это нужно: ежедне́вные случаи дока́зывают пользу иметь тесную связь с каким-нибудь кругом людей, — надобно иметь под руками всегда открытые исто́чники для разных справок“. Кроме как в собраниях этого кружка, он никогда

гнýсный — nurjatu
сла́бость — nõrkus
выража́ться (-а́юсь, -а́ешься) — tähendama, väljendama
отбива́ться от него́ — end kaitsma tema eest
доезжа́ть — ahistama, ründama
обличе́ние — paljastus
доезжа́емый — *siin:* rünnatav
укори́зна — süüdistus, etteheide
обраща́ть (-ща́ю, -ща́ешь) на себя — suunama endale
облича́емый — paljastatav
распоряже́ние — *siin:* jaotus
обузда́ние — taltsutus
развлече́ние — meelelahutus
разнообра́зный — mitmekesine, mitmekülgne
в кругу́ — ringis
ежедне́вный — igapäevane
дока́зывать (-ываю, -ываешь) — tõendama
исто́чник — allikas

ни у кого не бывал иначе, как по делу, и ни пятью минутами больше, чем нужно по делу; и у себя никого он не принимал и не допускал оставаться иначе, как на том же пра́виле: он без околи́чностей объявлял гостю: „Мы переговорили о вашем деле; теперь позвольте мне заняться другими делами, потому что я должен дорожить временем".

В первые месяцы своего перерождения он почти всё время проводил в чтении, но это продолжалось лишь немного более полгода; когда он увидел, что приобрёл систематический образ мыслей в том духе, принципы которого нашёл справедли́выми, он тотчас же сказал себе: „Теперь чтение стало делом второстепе́нным; я с этой стороны готов для жизни", и стал отдавать книгам только время, свободное от других дел, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, он расширял круг своего знания с изуми́тельной быстротой: теперь, когда ему было 22 года, он был уже человеком очень основательной учености. Это потому, что он и тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти — никакой: исключи́тельно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: „По каждому предме́ту капита́льных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижа́ется, по́ртится то, что всё гораздо полнее и яснее в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная тра́та времени. Берём русскую беллетри́стику. Я говорю: прочитаю прежде всего

пра́вило — põhimõte, reegel
околи́чность (*ж. р.*) — keerdkäik
дух — vaim
справедли́вый — õige
второстепе́нный — teisejärguline
изуми́тельный — hämmastav
предме́т — ala
разжижа́ть (-жа́ю, -жа́ешь) — lahjendama
по́ртить (по́рчу, по́ртишь) — rikkuma
тра́та — raiskamine
беллетри́стика — ilukirjandus

Гоголя. В тысячах других повестей я уже вижу по пяти строкам с пяти разных страниц, что не найду ничего, кроме испóрченного Гоголя, — зачем я стану их читать? Так и в науках, — в науках даже ещё резче эта граница“... „Каждая прочтённая мною книга такова, что избавля́ет меня от на́добности читать сотни книг“, — говорил он.

Гимнастика, работа для упражнения силы, чтение — были личными занятиями Рахметова; но по его возвращении они брали у него только четвёртую долю его времени, остальное время он занимался чужими делами, или ничьи́ми в особенности делами, постоянно соблюда́я то же правило, как в чтении: не тратить времени над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых уже и без него изменя́ются второстепенные дела и руководимые люди. Например, вне своего круга он знакомился только с людьми, имеющими влия́ние на других. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никакими спо́собами не мог даже войти в разговор с ним. Он говорил: „Вы меня извините, мне некогда“, и отходил. Но точно так же, никакими средствами не мог избежа́ть знакомства с ним тот, с кем он хотел познакомиться. Он просто явля́лся к вам и говорил, что ему было нужно, с таким предисло́вием: „Я хочу быть знакомым с вами;

испóрченный — rikutud
избавля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — vabastama
на́добность — vajadus
соблюда́я — jälgides, kinni pidades
изменя́ться (-ня́юсь, -ня́ешься) — muutuma
име́ть (-е́ю, -е́ешь) — omama
влия́ние — mõju
спо́соб — viis
избежа́ть* (-бегу́, -бежи́шь) — vältima
яви́ться* (явлю́сь, я́вишься) — ilmuma
предисло́вие — sissejuhatus

это нужно. Если вам теперь не время, назна́чьте другое". На мелкие вещи дела он не обращал никакого внимания, хотя бы вы были ближайшим его знакомым и упра́шивали его вни́кнуть в ваше затрудне́ние: „Мне некогда", говорил он и отвора́чивался. Но в важные дела вступался, когда это было нужно по его мнению, хотя бы никто этого не желал: „Я должен", говорил он...

Вот как он говорил и вёл свои дела, а дел у него была бе́здна, и всё дела, не каса́вшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали; но какие дела у него, этого кружок не знал. Видно было только, что у него множество хлопот. Он мало бывал дома, всё ходил и разъезжал, больше ходил. Но и у него беспреста́нно бывали люди, то всё одни и те же, то всё новые: для этого у него было положено: быть всегда дома от 2 до 3 часов; в это время он говорил о делах и обедал. Но часто по нескольку дней его не бывало дома. Тогда, вместо него, сидел у него и принимал посетителей один из его приятелей, пре́данный ему душою и те́лом и молчаливый, как могила.

Года через два после того, как мы видим его сидящим в кабинете Кирсанова за Ньютоновым толкова́нием на Апокалипсис, он уехал из Петербурга, сказавши Кирсанову и ещё двум-трём самым близким друзьям, что ему здесь нечего делать больше, что он сделал всё, что мог, что

назна́чить* (назна́чу, назна́чишь) — määrama
упра́шивать (-ваю, -ваешь) — paluma, manguma
вни́кнуть* (-ну, -нешь) — süvenema
затрудне́ние — raskus, kitsikus
отвора́чиваться (-ваюсь, -ваешься) — *siin:* selga pöörama
вести́ свои́ дела́ — oma asju ajama
бе́здна — sügavus, *siin:* lõpmata
каса́вшийся — puutunud
беспреста́нно — ilmast ilma, lakkamatult
пре́данный — ustav
те́ло — ihu, keha
толкова́ние — tõlgendus

больше делать можно будет только года через три, что эти три года теперь у него свободны, что он думает воспо́льзоваться ими, как ему кажется нужно для будущей де́ятельности. Мы узнали потом, что он проехал в своё бывшее поме́стье, продал оставшуюся у него землю, получил тысяч 35, заехал в Каза́нь и Москву, роздал около 5 тысяч своим семи стипендиатам, чтобы они могли кончить курс, тем и кончалась его достове́рная история. Куда он девался из Москвы, неизвестно. Когда прошло несколько месяцев без всяких слухов о нём, люди, знавшие о нём что-нибудь кроме известного всем, перестали скрывать вещи, о которых по его про́сьбе молчали, пока он жил между нами. Тогда-то узнал наш кружок и то, что у него были стипендиаты, узнал большую часть из того о его личных отношениях, что я рассказал, узнал множество историй, далеко, впро́чем, не разъясня́вших всего, даже ничего не разъяснявших, а только делавших Рахметова лицом ещё более зага́дочным для всего кружка, историй, изумля́вших своею стра́нностью или соверше́нно противоре́чивших тому поня́тию, какое кружок имел о нём, как о человеке совершенно чёрством для личных чуств, не имевшем, если можно так выразиться, личного сердца, которое билось бы ощуще́ниями личной жизни. Рассказывать все эти истории было бы здесь неуме́стно.

воспо́льзоваться* (*буд.* -зуюсь, -зуешься) — kasutama
де́ятельность — tegevus
достове́рный — kindel, usaldatav
про́сьба — soov, palve
впро́чем — muide
разъясня́вший — see, kes selgitas
зага́дочный — saladuslik
изумля́вший — hämmastanud
стра́нность (*ж. р.*) — kummalisus
соверше́нно — täielikult
противоре́чивший — vasturääkiv
поня́тие — kujutelm, mõiste
чёрствый — kalk
ощуще́ние — aisting, tunne
неуме́стно — (on) ebasünnis, ebakohane

Приведу́ лишь две из них, по одной на каждый из двух родов: одну ди́кого сорта, другую — сорта, противоре́чившего прежнему понятию кружка о нём. Выбираю из историй, рассказанных Кирсановым.

За год перед тем, как он во второй и, вероя́тно, окончательный раз пропа́л из Петербурга, Рахметов сказал Кирсанову: „Дайте мне поря́дочное коли́чество ма́зи для заживле́ния ран от острых ору́дий“. Кирсанов дал огромнейшую ба́нку, думая, что Рахметов хочет отнести лекарство в какую-нибудь артель плотников или других мастеровы́х, которые часто подверга́ются поре́зам. На другое утро хозя́йка Рахметова в страшном испу́ге прибежала к Кирсанову: „Ба́тюшка ле́карь, не знаю, что с моим жильцом сделалось: не выходит долго из своей комнаты, дверь за́пер, я заглянула в щель: он лежит весь в крови́; я как закричу, а он мне говорит сквозь дверь: „Ничего, Аграфёна Антоновна“ — какое, ничего! Спаси, батюшка лекарь, боюсь смертного случаю. Ведь он такой до себя безжа́лостный“. Кирсанов поскака́л. Рахметов о́тпер дверь с мрачною широкою улыбкою, и посетитель увидел вещь,

---

привести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — tooma
род — *siin:* laad, liik
ди́кий — metsik, meeletu
вероя́тно — arvatavasti
пропа́сть* (*буд.* -паду́, -падёшь) — kaduma
поря́дочный — *siin:* tubli
коли́чество — kogus
заживле́ние — parandamine
ору́дие — *siin:* terariist
ба́нка — purk
мастерово́й — käsitööline
подверга́ться поре́зам — haavu saama, olla haavatasaamise ohus
испу́г — ehmumine
ба́тюшка — isake
ле́карь (*м. р.*) — tohter
безжа́лостный — halastamatu
поскака́ть* (*буд.* -скачу́, -ска́чешь) — kihutama
отпере́ть* (*буд.* отопру́. отопрёшь) — avama

от которой и не Аграфёна Антоновна могла развести́ руками: спина и бока всего белья́ Рахметова (он был в одном белье) были обли́ты кровью, под кроватью была кровь, войлок, на котором спал, также в крови; в войлоке были натыканы сотни мелких гвозде́й шля́пками с-и́споди, остриями вверх, они высо́вывались из войлока чуть не на полвершка́; Рахметов лежал на них ночь. „Что это такое, помилуйте, Рахметов?“ с ужасом проговорил Кирсанов. — „Проба. Нужно. Неправдоподо́бно, конечно: однако же, на всякий случай нужно. Вижу, могу“. Кроме того, что видел Рахметов, видно из этого также, что хозяйка, вероятно, могла бы рассказать много разного любопы́тного о Рахметове; но, в ка́честве простоду́шной и простопла́тной, старуха была без ума от него, и уж, конечно, от неё нельзя было бы ничего доби́ться. Она и в этот-то раз побежала к Кирсанову потому только, что сам Рахметов позволил ей это для её успокоения: она слишком плакала, думая, что он хочет убить себя.

Месяца через два после этого — дело было в конце мая — Рахметов пропада́л на неделю или больше, но тогда никто этого не заметил, потому что пропадать на несколько дней случалось ему нередко. Теперь Кирсанов рассказал следующую историю о том, как Рахметов про-

---

развести́ руками — käsi laotama
спина́ — selg
обли́ты — üle kallatud, niisutatud
натыканы — pistetud
гвоздь (*м. р.*) — nael
шля́пками с-и́споди — peadega alaspidi
остриё — teravik
высо́вываться (-ваюсь, -ваешься) — välja ulatuma
помилуйте — halastage, *siin:* mõtelge ometi
неправдоподо́бно — (on) mittetõenäoline
любопы́тный — *siin:* huvitav
в ка́честве простоду́шной и простопла́тной — lihtsameelsena ja truualamlikuna
доби́ться* (*буд.* добью́сь, добьёшься) — saama, saavutama

вёл эти дни. Они составля́ли эротический эпизод в жизни Рахметова. Любовь произошла́ из собы́тия, досто́йного Никитушки Ломова. Рахметов шёл из Первого Парголова[1] в город, задумавшись и больше глядя в землю, по своему́ обыкнове́нию, по сосе́дству Лесного института. Он был пробуждён от разду́мья отчаянным криком женщины; взглянул: лошадь понесла даму, ката́вшуюся в шарабане; дама сама пра́вила, и не спра́вилась, во́жжи волочи́лись по земле — лошадь была уже в двух шагах от Рахметова; он бро́сился на середину дороги, но лошадь уж пронесла́сь мимо, он не успел поймать повода́, успел только схватиться за заднюю ось шараба́на — и остановил, но упал. Подбежал народ, помогли даме сойти с шарабана, подняли Рахметова; у него была несколько разбита грудь, но главное, колесом вы́рвало ему порядочный кусок мяса из ноги. Дама уже опо́мнилась и приказала отнести его к себе на дачу, в какой-нибудь полуверсте́. Он согласи́лся, потому что чувствовал сла-

[1] *Первое Парголово* — дачная местность под Петербургом.

составля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — moodustama, koostama
произойти́* (*буд.* -зойду́, -зойдёшь) — tekkima, toimuma
собы́тие — juhtumus, sündmus
досто́йный — väärikas
по своему́ обыкнове́нию — oma harjumuse kohaselt
по сосе́дству — naabruses
пробуждён — äratatud
разду́мье — mõtiskelu
ката́вшаяся — sõitev
пра́вить (-влю, -вишь) — juhtima
спра́виться* (*буд.* -влюсь, -вишься) — jagu saama, toime tulema
во́жжи — ohjad
волочи́ться (-чу́сь, -чишься) — lohisema
бро́ситься* (*буд.* -шусь, -сишься) — söösma
поймать* (*буд.* -ма́ю, -ма́ешь) — kinni püüdma, kinni haarama
повода́ — ohjad
ось (*ж. р.*) — telg
вы́рвать (*буд.* вы́рву, вы́рвешь) — välja rebima
опо́мниться* (*буд.* -нюсь, -нишься) — toibuma
согласи́ться* (*буд.* -глашу́сь, -гласи́шься) — nõustuma

бость, но потребовал, чтобы послали непремéнно за Кирсановым, ни за каким другим мéдиком. Кирсанов нашёл ушиб груди неважным, но самого Рахметова уж очень ослабевшим от потери крови. Он пролежал дней десять. Спасённая дама, конечно, ухаживала за ним сама. Ему ничего другого нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею, — ведь всё равно, время пропадало бы даром, — говорил и разговорился. Дама была вдовá лет 19, женщина не бедная, и вообще совершенно незавúсимого положения, умная, порядочная женщина. Óгненные речи Рахметова, конечно, не о любви, очаровáли её. „Я во сне вижу его, окружённого сиянием“, — говорила она Кирсанову. Он также полюбил её. Она, по платью и по всему, считала его человеком, не имеющим совершенно ничего, потому первая признáлась и предложила ему венчáться, когда он, на 11-й день, встал и сказал, что может ехать домой. „Я был с вами откровéннее, чем с другими; вы видите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбý с своею“.— „Да, это правда, — сказала она, — вы не можете жениться. Но пока вам придётся бросить меня, до тех пор любите меня“. — „Нет, и этого я не могу принять, — сказал он, — я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки, они и так не скоро развя́жутся у меня, — уж связаны. Но развяжу. Я дол-

---

непремéнно — tingimata
вдовá — lesk
незавúсимый — iseseisev, sõltumatu
порядочный — korralik
óгненный — leegitsev, tuline
очаровáть* (*буд.* -чарýю, -чарýешь) — võluma
сия́ние — sära
признáться* (*буд.* -наю́сь, -наёшься) — *siin:* armastust avaldama
венчáться (-чáюсь, -чáешься) — end laulatama
откровéннее — avalikum, siiram
судьбá — saatus

жен любить". Что было потом с этой дамою? В её жизни должен был произойти́ перело́м; по всей вероятности она и сама сделалась особенным человеком. Мне хотелось узнать. Но я этого не знаю, Кирсанов не сказал мне её имени, а сам тоже не знал, что с нею: Рахметов просил его не видаться с нею, не справля́ться о ней. „Если я буду полага́ть, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится". Узнав такую историю, все вспомнили, что в то время, месяца полтора или два, а может быть и больше, Рахметов был мрачнова́тее обыкновенного, не приходил в азарт против себя, сколько бы ни коло́ли ему глаза его гнусною слабостью, то-есть сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льсти́ли именем Никитушки Ломова. А я вспомнил и больше: в то лето, три, четыре раза в разговорах со мною он, через несколько времени после первого нашего разговора, полюбил меня за то, что я смеялся (наедине с ним) над ним, и в ответ на мои насме́шки вырыва́лись у него такого рода слова: „Да, жалейте меня, вы правы, жалейте: ведь и я тоже не отвлечённая идея, а человек, которому хотелось бы жить. Ну, да это ничего, пройдёт", — прибавил он. И точно, прошло. Только однажды, когда я уже слишком много расшевели́л его насмешками, даже позднею осенью, всё ещё вызвал я из него эти слова.

перело́м — murrang
справля́ться (-ля́юсь, -ля́ешься) — teateid hankima
полага́ть (-га́ю, -га́ешь) — oletama
коло́ть (-лю́, -лешь) — torkima, lõhkuma
льстить (льщу, льстишь) — meelitama
насме́шка — pilge
вырыва́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — lipsama (huultelt)
отвлечённый — abstraktne
расшевели́ть* (-велю́, -велишь) — liigutama, *siin:* torkima

Проница́тельный читатель, может быть, дога́дывается из этого, что я знаю о Рахметове больше, чем говорю. Может быть. Я не смею противоречить ему, потому что он проницателен. Но если я знаю, то мало ли чего я знаю такого, чего тебе, проницательный читатель, во веки веко́в не узнать. А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни дога́док, кроме тех, какие имеют все его знакомые. Когда прошло месяца три, четыре после того, как он пропал из Москвы, и не приходило никаких слухов о нём, мы все предположили, что он отправился путеше́ствовать по Европе. Дога́дка эта, кажется, верна. По кра́йней ме́ре, она подтвержда́ется вот каким случаем. Через год после того, как пропал Рахметов, один из знакомых Кирсанова встретил в вагоне по дороге из Вены в Мюнхен молодого человека, русского, который говорил, что объехал славянские земли, везде сближа́лся со всеми классами, в каждой земле оставался постольку, чтобы достаточно узнать поня́тия, нра́вы, образ жизни, бытовы́е учреждения, сте́пень благосостоя́ния всех главных составны́х частей населения, жил для этого и в городах, и в сёлах, ходил пешко́м из деревни в деревню, потом точно так же познакомился с румынами и венграми, объ-

---

проница́тельный — tõrava pilguga
дога́дываться (-ваюсь, -ваешься) — aimama
во веки веко́в — eluilmaski
предположи́ть* (*буд.* -ложу́, -ло́жишь) — oletama
дога́дка — arvamus, oletus
по кра́йней ме́ре — vähemalt
подтвержда́ть (-да́ю, -да́ешь) — kinnitama
поня́тие — mõttelaad, arusaam
нра́вы — kombed
бытово́й — olustiku, elu-olu-, kogukondlik
сте́пень — tase
благосостоя́ние — heaolu
составна́я часть — koosteosa

ехал и обошёл Северную Германию, оттуда пробрался опять к югу, в немецкие провинции Австрии, теперь едет в Баварию, оттуда в Швейцарию, через Вюртемберг и Баден во Францию, которую объедет точно так же, оттуда затем же проедет в Англию и на это употреби́т ещё год; если останется из этого года время, он посмотрит и на испанцев, и на итальянцев, если же не останется времени, так и быть, потому что это не так „нужно", а те земли осмотреть „нужно" — зачем же? — „для соображе́ния"; а что через год во всяком случае ему „нужно" быть уже в Североамериканских штатах, изучить которые более „нужно" ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он останется долго, может быть, более года, а может быть, и навсегда́, если он там найдёт себе дело, но вероятнее, что года через три он возврати́тся в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три, четыре „нужно" будет ему быть.

Всё это очень похоже на Рахметова, даже эти „нужно", запа́вшие в память рассказчика. Летами, голосом, чертами лица, насколько запомнил их рассказчик, проезжий тоже подходил к Рахметову; но рассказчик тогда не обратил особенного внимания на своего спутника, который к тому же недолго и был его спутником, всего часа два: сел в вагон в каком-то городишке, вышел в какой-то деревне; потому рассказчик мог описывать его нару́жность лишь слишком общими выражениями, и полной достове́рности тут нет: по всей вероятности, это был Рахметов, а впрочем, кто ж его знает? Может быть, и не он.

употреби́ть* (*буд.* -блю́, -би́шь) — kulutama, tarvitama
соображе́ние — kaalutlus
запа́вший в па́мять — meelde lõikuma
расска́зчик — jutustaja
нару́жность — välimus
достове́рность — kindlus, usaldatavus

Был ещё слух, что молодой русский, бывший помещик, являлся к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии, немцу, и сказал ему так: „У меня 30 000 талеров; мне нужно только 5000; остальные я прошу вас взять у меня“ (философ живет очень бедно). — „Зачем же?“ — „На издание ваших сочинений“. — Философ, натурально, не взял; но русский будто бы всё-таки положил у банкира деньги на его имя и написал ему так: „Деньгами распоряжайтесь как хотите, хоть бросьте в воду, а мне их уже не можете возвратить, меня вы не отыщете“, — и будто б эти деньги так и теперь лежат у банкира. Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов.

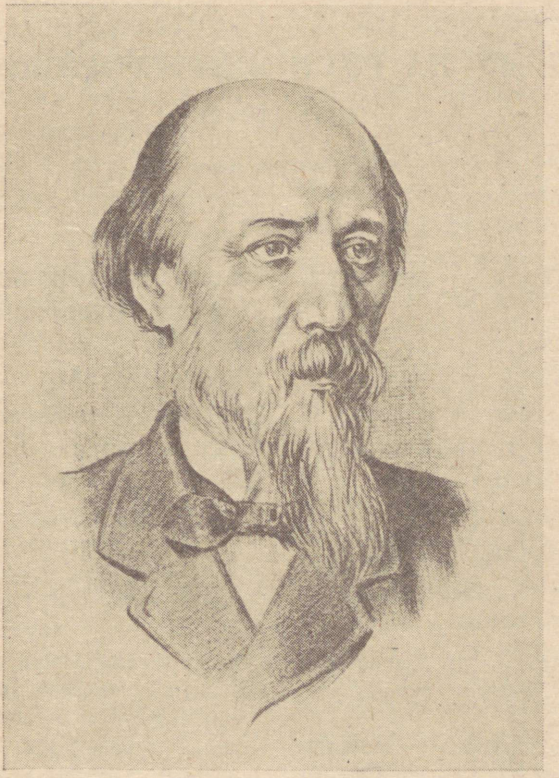
Так вот каков был господин, сидевший теперь в кабинете у Кирсанова. . .

Да, особенный человек был этот господин, экземпляр очень редкой породы. И не затем описывается мною так подробно один экземпляр этой редкой породы, чтобы научить тебя, проницательный читатель, приличному (неизвестному тебе) обращению с людьми этой породы: тебе ни одного такого человека не видать; твои глаза, проницательный читатель, не так устроены, чтобы видеть таких людей; для тебя они невидимы; их видят только честные и смелые глаза; а для того тебе служит описание такого человека, чтобы ты хоть по наслышке знал, какие люди есть на свете. К чему оно служит для читательниц и простых читателей, это они сами знают.

мыслитель — mõtleja
отыскать* (*буд.* отыщу́, отыщешь) — leidma
справедливый — õige, õiglane
сомнение — kahtlus
приличный — viisakas
обращение — kohtlemine, pööre
по наслышке — kuulu järgi

Да, смешные это люди, как Рахметов, очень забавны. Это я для них сами́х говорю, что они смешны́, говорю потому, что мне жалко их; это я для тех благоро́дных люде́й говорю, которые очаро́вываются ими: не сле́дуйте за ними, благородные люди, говорю я, потому что ску́ден личными радостями путь, на который они зовут вас; но благородные люди не слушают меня и говорят: нет, не скуден, очень богат, а хоть бы и был скуден в ином месте, так не длинно же оно, у нас достанет силы пройти это место, выйти на богатые радостью, бесконечные места. Так видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то ведь ты, пожалуй, и не поймешь сам-то; да, недурные люди. Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохну́лись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них её сила и аромат; это цвет лучших людей, это дви́гатели двигателей, это соль соли земли . . .

благоро́дный — üllas, õilis
сле́довать (-дую, -дуешь) — järgima
заглохнуть* (*буд.* -хну, -хнешь) — metsistuma, rohtu kasvama
задохну́ться* (*буд.* -ну́сь, -хнёшься) — lämbuma
дви́гатель — *siin:* edasiviija



Николай Алексеевич Некрасов.

1821—1878

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

(1863—1876)

(Отрывки из поэмы.)

Пролог.

В каком году — рассчи́тывай,
В какой земле — уга́дывай,
На столбово́й доро́женьке
Сошли́сь семь мужиков:
Семь вре́менно-обя́занных,
Подтя́нутой губернии,
Уезда Терпигоре́ва,
Пустопоро́жней волости,
Из сме́жных деревень:
Запла́това, Дыря́вина,
Разу́това, Знобишина,
Горе́лова, Нее́лова,
Неурожа́йка тож, —
Сошлися — и заспорили:
Кому живётся весело,
Вольго́тно на Руси?
Рома́н сказал: помещику,
Демья́н сказал: чиновнику,

рассчи́тывать — välja arvutama
уга́дывать (-ваю, -ваешь) — mõistma
столбова́я доро́женька — maantee
сойти́сь* (*буд.* сойду́сь, сойдёшься) — kokku saama
вре́менно-обя́занный — ajutiselt kohustatud, s. o. talupoeg, kes oli 1861. a. manifesti põhjal vabastatud, kuid oli sõltuv mõisnikust
подтя́нутый — kõvemini kinni tõmmatud, pingutatud
терпе́ть го́ре — viletsust v. häda kannatama
пустопоро́жний — (päris) tühi
сме́жный — naaber-, külgne, kõrvuti asuv
запла́та — paik (-ga)
дыря́вый — auklik, katkenud
разу́тый — paljasjalgne
зноби́ть — külmetama panema, lõdisema panema
горе́лый — põlenud
не е́л — pole söönud
неурожа́й — viljaikaldus
тож = то́же
вольго́тно — vabalt

Лука́ сказал: попу́.
Купчи́не толстопу́зому! —
Сказали братья Гу́бины,
Иван и Митродо́р.
Старик Пахо́м поту́жился
И мо́лвил, в землю гля́дючи:
Вельмо́жному боя́рину,
Министру госуда́реву;
А Пров сказал: царю...
Мужик, что бык: втемя́шится
В башку́ какая блажь,
Коло́м её отту́дова
Не вы́бьешь: упира́ются,
Всяк на своём стоит!
Такой ли спор зате́яли,
Что думают прохо́жие —
Знать клад нашли ребя́тушки
И де́лят меж собой...
По де́лу всяк по своему
До по́лдня вышел и́з дому:
Тот путь держа́л до ку́зницы,
Тот шёл в село Иваньково
Позвать отца Проко́фия —
Ребёнка окрестить.
Пахом соты́ медо́вые
Нёс на базар в Великое;
А два брата́на Губины
Так просто с недоу́здочком
Лови́ть коня упря́мого

поп — papp, preester
купчи́на — kaupmees
толстопу́зый — paksumaoline
поту́житься* (*буд.* -жусь, -жишься) — pingutama
мо́лвить = сказа́ть
гля́дючи — vaadates
вельмо́жный — kõrgeauline
боя́рин — bojaar
государе́в — kuninga-, keisri-
втемя́шиться* — pähe tulema
башка́ = голова́
блажь — narrus, tuju, kapriis
кол — teivas
отту́дова = отту́да
вы́бить* (*буд.* -бью, -бьешь) — välja lööma, välja taguma
упира́ться (-а́юсь, -а́ешься) — põiklema, vastu punnima
всяк = вся́кий
на своём стои́т — ajab oma jonni
зате́ять* (*буд.* -те́ю, -те́ешь) — algama, algatama
прохо́жий — möödamineja
знать — *siin*: nähtavasti
клад — (peidetud) varandus
ребя́тушки — lapsekesed
дели́ть (-лю́, -лишь) — jagama
ку́зница — sepikoda
со́ты — kärjed
медо́вые — mee-
брата́н = брат
недоу́здочек — päitserihmake
лови́ть, (ловлю́ ло́вишь) — püüdma
конь — hobune
упря́мый — kangekaelne, jonnakas

В своё же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядко́м идут!
Идут, как будто го́нятся
За ними волки серые,
Что да́ле — то скорей.
Идут — перекоря́ются!
Кричат — не образу́мятся!
А вре́мячко не ждёт.
За спором не заметили,
Как се́ло солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли — куда, не ве́дая,
Когда б им баба встречная,
Коря́вая Дура́ндиха,
Не крикнула: — „Почте́нные!
Куда вы, на ночь глядючи,
Надумали итти?..“ —
Спросила, засмеялася,
Хлестну́ла, ве́дьма, ме́рина
И укати́ла вскачь...
— Куда?.. Переглянну́лися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажгли́ся звёзды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени чёрные
Дорогу перере́зали
Рети́вым ходока́м.
Ой, тени! Тени чёрные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени чёрные,
Нельзя поймать — обня́ть.
На лес, на путь — дорóженьку
Глядел, молчал Пахом,

ста́до — kari
рядко́м — kõrvuti
перекоря́ться* (-ря́юсь, -ря́ешься) — vastastikku hurjutama
образу́миться* (*буд.* -зу́млюсь, -зу́мишься) — aru pähe võtma
вре́мячко — ajake
сесть — istuma, *siin:* looja minema
ве́дать = знать
коря́вая — *siin*: rõugearmiline
почте́нный — lugupeetav
хлес(т)нуть* — nähvama
ве́дьма — nõid
укати́ть* (*буд.* укачу́, ука́тишь) — ära veerema
переглянуться* (*буд.* -глянусь, -глянешься) — pilku vahetama
потупиться* (*буд.* -туплюсь, -ту́пишься) — pilku langetama
перере́зать* (*буд.* перере́жу, перере́жешь) — läbi lõikama
рети́вый — hoolas, reibas
обня́ть* (*буд.* обниму́, обни́мешь) — embama

Глядел — умом раски́дывал
И молвил, наконец:
— „Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
вёрст тридцать отошли́!
Домой теперь воро́чаться
Устали — не дойдём,
Прися́дем, — делать нечего,
До солнца отдохнём!..“
Свали́в беду на ле́шего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костёр, сложилися,
За водкой двое сбегали,
А прочие поку́дова
Стака́нчик изгото́вили,
Берёсты понадра́в.

Приспе́ла скоро во́дочка,
Приспела и заку́сочка —
Пиру́ют мужички!
Косу́шки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить ве́село,
Вольго́тно на Руси?
Рома́н кричит: помещику,
Демья́н кричит: чиновнику,
Лука́ кричит: попу;
Купчине толстопузому,
Кричат брата́ны Гу́бины,
Иван и Митодо́р;
Пахо́м кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

умо́м раски́дывать — järele mõtlema
ле́ший — haldjas, metsavaim
подшути́ть* (*буд.* -шучу́, -шу́тишь) — naljatama
воро́чаться = вороти́ться — tagasi pöörduma
присе́сть* (*буд.* прися́ду, присядешь) — maha istuma
свали́в — veeretanud
во́дка — viin
про́чий — teine
поку́дова = пока — seni
стака́нчик — klaasike
изгото́вить* (*буд.* -влю, -вишь) — valmistama
берёста — kasetoht
понадра́ть* (*буд.* -деру́, -дерёшь) — rebima
приспе́ла = успела
во́дочка — viinake
заку́сочка — suupiste
пирова́ть (-ру́ю, -ру́ешь) — pidutsema
косу́шка — viinaklaas
светле́йший — hiilgus

Забра́ло пу́ще прежнего
Задо́рных мужиков,
Руга́тельски руга́ются,
Немудрено́, что вце́пятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепи́лися!
Роман тузи́т Пахо́мушку,
Демьян тузи́т Луку.
А два брата́на Гу́бины
Утю́жат Про́ва Дю́жего —
И всяк своё кричит!

Проснулось э́хо гу́лкое,
Пошло́ гуля́ть-погу́ливать,
Пошло кричать-покри́кивать,
Как будто подзадо́ривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзыва́ется:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполо́шился,
С летающими птицами,
Зверя́ми быстроно́гими
И га́дами ползу́щими,
И стон, и рёв, и гул!

Всех прежде за́йка се́ренький
Из ку́стика соседнего
Вдруг выскочил, как встрёпанный,

забра́ть* (*буд.* заберу́, заберёшь) — haarama
пу́ще = бо́льше
пре́жний — endine
задо́рный — riiakas
руга́тельски руга́ются — ägedalt sõimlevad
немудрено́ — *siin:* pole imeks panna
вцепи́ться* (*буд.* -плю́сь, -пишься) — kinni haarama
тузи́ть (тужу́, тузи́шь) — tuuseldama, nüpeldama
утю́жить (-жу, -жишь) — triikima, pressima
дю́жий — tugev, priske
э́хо — vastukaja
гу́лкий — kõlav
подзадо́ривать (-ваю, -ваешь) — õrritama
отзыва́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — vastu kaikuma
переполоши́ться (-полошу́сь, -поло́шишься) — erutuma, kihama hakkama, segadusse sattuma.
зверь — metsloom
быстроно́гий — välejalgne
гад — roomaja, madu
ползу́щий — roomaja
стон — oie
рёв — mõirgamine
гул — kõmin
за́йка — jänes
се́ренький — hallike
ку́стик — põõsake
как встрёпанный — äkki nagu üles raputatud

И на утёк пошёл!
За ним галча́та малые
Вверху берёзы подняли
Проти́вный, резкий писк.
А тут ещё у пе́ночки
С испу́гу птенчик кро́хотный
Из гнёздышка упал;
Щебе́чет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдёт!
Потом куку́шка старая
Проснулась и надумала
Кому-то кукова́ть;
Раз десять принима́лася,
Да всякий раз сбива́лася
И начинала вновь...
Куку́й, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Пода́вишься ты ко́лосом —
Не будешь куковать![1]
Слете́лися семь фи́линов,
Любуются побо́ищем
С семи больших дере́в,
Хохо́чут полуно́чники!

[1] Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб („подавившись колосом", — говорит народ).

на утёк пошёл — pistis punuma
галчёнок — haki poeg
ма́лый — väike
проти́вный — vastik
ре́зкий — lõikav
писк — piuksumine
пе́ночка — lehelind
с испу́гу — hirmust
пте́нчик — linnupojake
кро́хотный — tilluke
гнёздышко — pesake
упа́сть* (*буд.* упаду́, упадёшь) — kukkuma
щебета́ть (-бе́чу, -бе́чешь) — siristama
куку́шка — kägu
кукова́ть (куку́ю, куку́ешь) — kukkuma
принима́ться (-ма́юсь, -ма́ешься) — alustama
сбиваться (-ва́юсь, -ва́ешься) — eksima
вновь = сно́ва
куку́шечка — käoke
заколоси́ться* (*буд.* -щу́сь, -сишься) — pead looma hakkama (viljal)
подави́ться* (*буд.* -влю́сь, -вишься) — läkastama, lämbuma
ко́лос — viljapea
слете́ться* (*буд.* слечу́сь, слети́шься) — kokku lendama
фи́лин — kassikakk, kassikull
любова́ться (-бу́юсь, -бу́ешься) — imetlema, mõnuga vaatlema
побо́ище — taplus, lahing
дере́в = дере́вьев
хохота́ть (-хочу́, -хо́чешь) — laginal naerma
полуно́чник — kesköö1 töösklev e. askeldav v. hulkuv isik

А их глази́щи жёлтые
Горят, как во́ску я́рого
Четырнадцать свечей!
И во́рон, птица умная,
Приспе́л, сидит на дереве́
У самого костра,
Сидит да чорту мо́лится
Чтоб до смерти ухло́пали
Которого-нибудь!
Корова с колоко́льчиком,
Что́ с вечера отби́лася
От стада, чуть послышала
Людские голоса, —
Пришла к костру, уста́вила
Глаза на мужиков,
Шальны́х речей послушала
И начала, серде́чная,
Мычать, мыча́ть, мычать!

Мычит корова глу́пая,
Пища́т галчата малые,
Кричат ребята бу́йные,
А эхо вто́рит всем.
Ему одна забо́тушка
Честных людей поддра́знивать,
Пуга́ть ребят и баб!
Никто его не ви́дывал,
А слышать всякий слы́хивал.
Без те́ла — а живёт оно,
Без языка — кричит!

Сова́ — замоскворе́цкая

глази́щи (*множ. ч.*) = глаза́
во́ск — vaha
я́рый — *siin*: läikiv
свеча́ — küünal
во́рон — ronk
приспе́ть* (*буд.* -пе́ю, -пе́ешь) — kohale jõudma
чорт — kurat
моли́ться (-лю́сь, -лишься) — paluma, palvetama
ухло́пать* (*буд.* -паю, -паешь) — maha nottima
колоко́льчик — kelluke
отби́ться* (*буд.* отобью́сь, отобьёшься) — maha jääma
уста́вить* (*буд.* уста́влю, уста́вишь) глаза́ — üksisilmi vahtima
шально́й — meeletu pöörane, hull
серде́чный — südamlik, *siin:* vaeseke
глу́пый — rumal
пища́ть (-щу, -щи́шь) — piuksuma
бу́йный — äge, metsik
вто́рить (-рю, -ришь) — kordama
забо́тушка — mure
поддра́знивать (-ваю, -ваешь) — narritama
пуга́ть (-га́ю, -га́ешь) — hirmutama
ви́дывать = вида́ть
слы́хивать = слыха́ть
те́ло — keha
сова́ — öökull
замоскворе́цкий — Moskvajõe tagune

Княги́ня — тут же мы́чется,
Летает над крестьянами,
Шара́хаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хи́трая,
По любопы́тству ба́бьему,
Подкра́лась к мужикам,
Послушала, послушала,
И прочь пошла, подумавши:
„И чорт их не поймёт!“
И вправду: сами спо́рщики
Едва́ ли знали, помнили —
О чём они шумят...

Намя́в бока́ поря́дочно
Друг другу, образу́мились
Крестьяне, наконец,
Из лу́жицы напи́лися,
Умылись, освежи́лися,
Сон начал их крени́ть...

Тем часом птенчик кро́хотный,
По ма́лу, по полса́женки,
Низко́м перелета́ючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднёс к огню, разгля́дывал,
И молвил: „Пта́шка ма́лая,
А ногото́к востёр!

княги́ня — vürstinna
мы́каться (-каюсь, -каешься) — ringi rändama, vaevlema
шара́хаться (-аюсь, -аешься) — võpa(h)tama, kõrvale v. eemale kargama
хи́трый — kaval
по любопы́тству — uudishimust
ба́бий — naiselik
подкра́сться* (*буд.* -краду́сь, -крадёшься) — juurde hiilima
спо́рщик — vaidleja
едва́ — vaevalt
намя́в — muljunud
бок — külg
поря́дочно — küllalt
образу́миться* (*буд.* -зу́млюсь, -зу́мишься) — mõistust v. aru pähe võtma
лу́жица — lombike
напи́ться* (*буд.* -пью́сь, -пьёшься) — jooma, janu kustutama
освежи́ться* (*буд.* -жу́сь, -жи́шься) — end värskendama
сон на́чал их крени́ть — uni hakkas nende üle võimu võtma
по ма́лу, по полса́женки — vähehaaval, poolesülla kaupa
низко́м — madalalt
перелета́ючи — üle lennates
подобра́ться* (*буд.* -беру́сь, -берёшься) — juurde hiilima
поднести́* (*буд.* -несу́, -несёшь) — ette v. juurde kandma
разгля́дывать (-ываю, -ываешь) — vaatlema
пта́шка — linnuke
ногото́к — küüneke
востёр — terav

Дыхну́ — с ладони ска-
тишься,
Чихну́ — в огонь ука́тишься,
Щелкну́ — мертва́ пока́-
тишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окре́пнут скоро кры́лышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичу́га малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё ца́рство облетим,
Посмотрим, поразве́даем,
Поспросим — и дозна́емся:
Кому живётся счастливо,
Вольготно на Руси!"

— „Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хле́бушка
По полупу́ду в день, —
И так бы мы Русь матушку
Ногами переме́ряли!"
Сказал угрю́мый Пров.

— „Да по ведру́ бы водочки"
Прибавили охо́чие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

— „Да утром бы огу́рчиков
Солёных по деся́точку",
Шутили мужики.

— „А в полдень бы по
жба́нчику
Холодного кваску́".

дыхну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — hingama, puhuma (ühekordselt)
ладо́нь — peopesa
скати́ться* (*буд.* -чу́сь, -тишься) — maha veerema
чихну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — aevastama
укати́ться* (*буд.* -чу́сь, -тишься) — ära või eemale veerema
щёлкнуть* (*буд.* -кну, -кнешь) — plõksti lööma
мертва́ — surnult
покати́ться* (*буд.* -чу́сь, -тишься) — veerema
окре́пнуть* (*буд.* -пну, -пнешь) — tugevnema
кры́лышко — tiivake
вздума́ть = думать
пичу́га — linnuke
ца́рство — kuningriik
поразве́дать* (*буд.* -ве́даю, -ве́даешь) — välja uurima
дозна́ться* (*буд.* -юсь, -ешься) — teada saama
хле́бушко — leivake
ма́тушка — emake
переме́рять* (*буд.* -ряю, -ряешь) — läbi mõõtma
угрю́мый — sünge
охо́чий — himutseja
огу́рчик — kurgike
деся́точек — kümmekond
жба́нчик — kapake
квасо́к — kaljake

— „А вечером по ча́йничку
Горя́чего чайку́...“

Пока они гуто́рили,
Вила́сь, кружи́лась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чиви́кнула, подпры́гнула
И челове́чьим голосом
Пахому говорит:

— „Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я вы́куп дам большой“.

— А что ты дашь?

— „Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведёрочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!“

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины,
— Найдёшь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

— „Найти — найдёте сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти“.

— Скажи!

— „Идите по лесу,
Против столба́ тридцатого
Прямёхонько версту:
Придёте на поля́ночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны́,
Под этими под со́снами
Зако́пана коробочка.
Добу́дьте вы её, —
Коробка та волше́бная:
В ней ска́терть самобра́нная,

ча́йничек — teekannuke
горя́чий — kuum
чаёк = чай
гуто́рить = говори́ть
ви́ться (вьюсь, вьёшься) — keerlema, tiirlema
кружи́ться (-жу́сь, -жишься) — keerlema, tiirlema, ringe tegema
чиви́кнуть* (*буд.* -ви́кну, -ви́кнешь) — siuksuma, sirtsuma
подпры́гнуть* (*буд.* -гну, гнешь) — üles hüppama
челове́чий — inimese-
вы́куп — lahtiost, *siin:* lunaraha
столб — post
прямёхонько = пря́мо
поля́ночка — lagendik
добу́дьте (*повел.*) — muretsege, võtke
волше́бный — nõiduslik
ска́терть самобра́нная — muinasjuttudes: imelaudlina, mis kattub ise söökide ja jookidega

Когда ни пожела́ете,
Нако́рмит, напои́т!
Тихо́нько только молвите:
— Эй! скатерть самобранная!
Попо́тчуй мужиков!
По вашему хоте́нию,
По моему веле́нию,
Всё я́вится тотча́с.
Теперь — пустите птенчика!"

— Посто́й! мы люди бедные,
Идём в дорогу дальную, —
Ответил ей Пахом,
— Ты, вижу, птица му́драя,
Ува́жь — одёжу старую
На нас заворожи́!

— Чтоб армяки́ мужи́цкие
Носи́лись не сноси́лися! —
Потре́бовал Роман.

— Чтоб ли́повые ла́потки
Служили, не разбилися, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха́ паску́дная,
В руба́хах не плоди́лася, —
Потребовал Лука.

— Не пре́ли бы ону́ченьки... —
Потребовали Губины...
А птичка им в ответ:

пожела́ть* (*буд.* -ла́ю, -ла́ешь) — soovima
накорми́ть* (*буд.* -млю́, -мишь) — toitma
напои́ть* (*буд.* -пою́, -по́ишь) — jootma
тихо́нько = ти́хо
попо́тчуй (*повел.*) — kostita
хоте́ние — tahtmine
веле́ние — käskimine
яви́ться* (-влю́сь, -вишься) — ilmuma
посто́й (*повел.*) — seisa
му́дрый — tark
ува́жь (*повел.*) — ole lahke
заворожи́ (*повел.*) — nõiu ära
армя́к — kuub
мужи́цкий — talumehe-
носи́ться* (*буд.* -шу́сь, -шься) — *siin:* vastu pidama
сноси́ться* (*буд.* -шу́сь, -сишься) — ära kuluma
потре́бовать* (*буд.* -бую, -буешь) — nõudma
ли́повый — pärna-, niine-
ла́потки — viisud
вошь — täi
блоха́ — kirp
паску́дный — ilge
руба́ха — särk
плоди́ться (-жу́сь, -ди́шься) — siginema
преть (-е́ю, -е́ешь) — hauduma v. higistama
ону́ченька — jalarätike

— „Всё скатерть
самобранная
Чини́ть, стира́ть, проси́ушивать
Вам будет... Ну, пусти!..“
Раскрыв ладонь
широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный
По малу, но полсаженки,
Низком перелетаючи,
Напра́вился к дуплу́.
За ним взвила́ся пеночка
И на лету прибавила:
— „Смотрите, чур одно!
Съестно́го сколько вы́несет
Утро́ба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спро́сите,
И раз и два — испо́лнится,
По вашему желанию,
А в третий быть беде́!“
И улетела пеночка
С своим роди́мым птенчиком,
А мужики гусько́м
К дороге потяну́лися
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямёхонько, вернёхонько
По лесу, по дрему́чему,
Счита́ют каждый шаг.
И как версту отме́ряли,
Уви́дели поля́ночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...
Крестьяне покопа́лися,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
„Эй, скатерть самобранная!
Попо́тчуй мужиков!“

чини́ть (-ню́, -нишь) — parandama
стира́ть (-а́ю -а́ешь) — pesema (pesu)
проси́ушивать (-а́ю, -а́ешь) — kuivatama
напра́виться* (*буд.* -влюсь, -вишься) — suunduma
дупло́ — puuõõs
взви́ться* (*буд.* взовью́сь, взовьёшься) — lendu tõusma
чур — *hoiatus:* ainult, tingimusega
съестно́й — söödav
утро́ба — kõht, magu
испо́лниться* (*буд.* -нюсь, -нишься) — täituma
роди́мый — armas
гусько́м — hanereas
потяну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нешься) — venima
вернёхонько = ве́рно
счита́ть (-та́ю, -та́ешь) — loendama
покопа́ться* (*буд.* -па́юсь, -па́ешься) — kaevama

Глядь — скатерть
развернýлася,
Откýдова ни взя́лися
Две дю́жие руки́,
Ведро вина поставили,
Горо́й накла́ли хлебушка,
И спря́тались опять.
— А что же нет
огурчиков?
— Что нет чайку
горячего?
— Что нет кваску
холодного?
Всё появилось вдруг...
Крестьяне распоя́сались,
У скатерти усе́лися,
Пошёл тут пир горо́й!
На радости целу́ются,
Друг дружке обещаются,
Вперёд не дра́ться зря,
А с толком дело спо́рное
По ра́зуму, по-бо́жески,
На че́сти повести́ —
В доми́шки не воро́чаться,
Не видеться ни с жёнами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Поку́да делу спорному
Реше́нья не найдут,
Покуда не дове́дают
Как ни на есть —
допо́длинно,
Кому живётся сча́стливо,
Вольго́тно на Руси?
Заро́к такой поставивши,
Под утро, как уби́тые,
Заснули мужики...

глядь = гляди́ — vaata
развернýться* (*буд.* -вернýсь, -нёшься) — laiali laotuma
откýдова ни взя́лися — ei tea kust ilmusid
горо́й накла́сть — laduma terve mäe v. virna
спря́таться* (*буд.* -чусь, -чешься) — end peitma
распоя́саться* (*буд.* -шусь, -шешься) — vööd pealt ära võtma
пир горо́й — pidu pilvedeni
целова́ться (-лу́юсь, -лу́ешься) — suudlema
дра́ться (дерýсь, дерёшься) — kaklema
зря — ilmaasjata, ilma põhjuseta
с то́лком — asjalikult, targalt
спо́рный — vaieldav
по ра́зуму — mõistuse järgi
по-бо́жески — jumala seaduste järgi; nii nagu jumal käsib
на че́сти — südametunnistuse järgi, ausalt
доми́шко — koduke, majake
поку́да — senikaua kui...
реше́нье — lahendus, otsus
дове́дать (-даю, -даешь) — teada saama
как ни на е́сть допо́длинно — nii nagu on täpselt, tegelikult
заро́к — vanne, tõotus
как уби́тые — nagu tapetud

ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ.

В заме́ну спи́чей с песнями,
В подспо́рье речи с дра́кою,
Пир только к утру
кончился, —
Великий пир! Расхо́дится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши стра́нники,
И тут же спал Ионушка.
Качаясь, Са́вва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согла́сные и сильные
Греме́ли голоса:

До́ля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное де́ло
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудова́я,
Другу прямая
К серцу дорога.
Прочь от поро́га,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захуда́лого
Последнего крестьянина

в заме́ну — asenduseks
спич — lauakõne
в подспо́рье — toetuseks
расходи́ться (-хожу́сь, -хо́дишься) — laiali valguma, lahkuma
усну́в — uinunud
стра́нник — rändaja
как набатный — nagu hädakella-
согла́сный — kooskõlaline
греме́ть (-млю́, -ми́шь) — kõlama
до́ля — saatus
трудово́й — töörikas
прочь (*повел.*) — eemale
поро́г — lävi v. künnis
то ли не рай — kas see ei ole paradiis
захудалый — vilets

Жил Три́фон. Две
каме́рочки:
О́дна с дыми́щей печкою,
Другая в са́жень — летняя,
И вся тут недолга́:
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зу́душка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложи́в родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиде́лося, —
Ушёл в поля, в луга́.
У Гриши — кость широкая
Но сильно исхуда́лое
Лицо: их недока́рмливал
Хапу́га-эконо́м.
Григорий в семина́рии

В час ночи просыпа́ется
И уж потом до солнышка
Не спит — ждёт жадно
си́тника,
Который выдавался им
Со сби́тнем по утрам.

Как ни бедна вахла́чина —
Они в ней отъеда́лися,
Спасибо Власу-крёстному
И прочим мужикам!
Платили им моло́дчики,
По ме́ре сил, работою,
По их дели́шкам хло́поты
Справля́ли в городу́.

Дьячо́к хвали́лся де́тками,
А чем они пита́ются —

комо́рочка — toakene
дыми́щий — suitsev
в са́жень — süllapikkune
и вся тут недолга́ — ja see on kõik
уложи́в — asetanud
не сиделося — ei kärsinud istuda
луг — luht, heinamaa
кость — kont
исхуда́лый — kõhn
недока́рмливать (-ваю, -ваешь) — puudulikult toitma
хапу́га-эконо́м — ahnitseja-ökonoom
жа́дно — ahnelt
си́тник — sai
сби́тень (*м.*) — sbiiten (soe jook mee ja vürtside lisandiga
вахла́чина — maakoht
отъеда́ться (-а́юсь, -а́ешься) — end täis sööma
крёстный — ristiisa
моло́дчик — noormees
по ме́ре сил — jõudumööda
дели́шки (*множ.*) — asjakesed
хло́поты (*множ.*) — askeldused
справля́ть (-ляю, -ляешь) — õiendama, sooritama
в городу́ = в го́роде
дьячок — köster
хвали́ться (-лю́сь, -лишься) — kiitlema
де́тки (*множ.*) = де́ти
пита́ться (-та́юсь, -та́ешься) — end toitma

И думать позабы́л.
Он сам был ве́чно голоден,
Весь тра́тился на по́иски,
Где выпить, где поесть.
И был он нра́ва лёгкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седи́н.
Его хозяйка До́мнушка
Была куда забо́тлива,
Зато и долгове́чности
Бог не дал ей. Поко́йница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их во всей вахлачине,
Сгоня́емой на ба́рщину,
Не гу́сто! Бла́го хлебушком
Вахла́к дели́лся с Домною.
Давно в земле истле́ли бы
Её родные деточки,
Не будь рука вахла́цкая
Щедра́, чем бог послал.

Батра́чка безотве́тная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в чёрный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка,
Стирала ли, коси́ла ли,
Баю́кала ли Гри́шеньку,
Любимого сынка.
Как сжа́лось сердце маль-
чика

позабы́ть* (*буд.* -бу́ду, -бу́дешь) — unustama
ве́чно — alati
весь — terve
тра́титься (-чусь, -тишься) — end raiskama v. oma jõudu raiskama
но́иски (*множ.*) — otsing, otsimine
нрав — iseloom
вряд ли — kes teab, vaevalt
седина́ — hallid juuksed
забо́тливый — hoolikas
долгове́чность (*ж.*) — pikk iga
поко́йница — kadunu
сгоня́емый — aetav
ба́рщина — teoorjus, mõisategu
не гу́сто — harva
бла́го — hüve, hüvang, *siin:* hea küll et
вахла́к — lohaka välimusega isik; kasvatamatu; pätt; *siin:* talupoeg
дели́ться (-лю́сь, -лишься) — jagama
вахла́цкий = крестья́нский
ще́дрый — helde
батра́чка — teenijatüdruk
безотве́тный — vastutusvõimetu
коси́ть (-шу́, -сишь) — niitma
баю́кать (-аю, -аешь) — magama uinutama
сыно́к (*род.* сынка́) — pojake
сжа́ться (*буд.* сожму́сь, сожмёшься) — end kokku kiskuma; kokku tõmbuma

Когда крестьянки вспомнили
И спе́ли песню Домнину
(Прозвал ее „Солёною“
Нахо́дчивый вахлак).

Солёная.

Никто как бог!
Не ест, не пьёт
Меньшо́й сынок,
Гляди — умрёт!
Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
„Посыпь сольцой!“
А соли нет,
Хоть бы щепо́ть!
„Посыпь мукой“, —
Шепну́л госпо́дь.
Раз-два кусну́л,
Скриви́л рото́к
„Соли́ ещё!“. —
Кричит сынок.
Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!

Поел сынок!
Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона́
Слеза была!..
Запомнил Гришка пе́сенку
И голосом моли́твенным
Тихонько в семинарии,
Где было тёмно, холодно,
Угрю́мо, стро́го, голодно,
Пева́л — тужи́л о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери

прозва́ть* (*буд.* прозову́, прозовёшь) — nimetama, hüüdma
нахо́дчивый — leidlik
меньшо́й — väiksem
посы́пь (*повел.*) — raputa peale
сольцо́ = соль
ще́поть — näpu(otsa)täis
шепну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — sosistama
госпо́дь = бог
кусну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — hammustama
скриви́ть* (*буд.* -влю́, -ви́шь) — virildama
рото́к — suuke
пе́сенка — lauluke
моли́твенный — paluv (hääl)
угрюмо — sünge
стро́го — karm
пева́ть = петь
тужи́ть (-жу, -жишь) — kurtma; halisema

Любовь ко всей вахлачине
Слила́сь — и лет пятнадцати
Григорий твёрдо знал уже,
Что будет жить для счастия
Убо́гого и тёмного
Родного уголка.
Довольно де́мон я́рости
Летал с мечо́м кара́ющим
Над русскою землёй.
Не всё ж пути лука́вые!
Над Русью ожива́ющей
Ина́я песня слышится:
То а́нгел милосердия
Над ней незри́мо но́сится
И юношам поёт:

Средь ми́ра до́льного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твёрдую, —
Каким итти?

Одна просто́рная
Доро́га — то́рная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К собла́зну жадная
Идёт толпа.

О жизни и́скренней,
О цели вы́спренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчелове́чная
Вражда-война.

сли́ться* (*буд.* солью́сь, сольёшься) — ühte liituma
твёрдо — kindlalt
убо́гий — armetu
де́мон — deemon (vaim, eriti kurja loomuga)
я́рость (*ж.*) — raev
меч — mõõk
кара́ющий (*прич.*) — karistav
лука́вый — kaval
ожива́ющий (*прич.*) — elule ärkav
ина́я = друга́я
а́нгел — ingel
милосе́рдие — halastus, armulikkus
незри́мо — nähtamatult
носи́ться (-шу́сь, -сишься) — lendama; lehvima; heljuma
средь — keskel
до́льный — alumine, maine (мир)
взве́сить* (взве́шу, взве́сишь) — kaalutlema
твёрдый — kindel
просто́рный — avar
то́рный — siledaks v. tasaseks tallatud
страсть (*ж.*) — kirg
раба́ — naisori
собла́зн — kiusatus, veetlus, ahvatlus
и́скренний — siiras, avameelne
вы́спренний — kõrge, ülev
бесчелове́чный — ebainimlik
вражда́ — vihavaen

За бла́га бре́нные ...
Там ду́ши пле́нные
Полны греха́.

На вид блестя́щая
Там жизнь мертвя́щая
К добру́ глуха́.

Другая — те́сная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

Иди к уни́женным,
Иди к оби́женным —
По их стопа́м,

Где трудно ды́шится,
Где горе слышится,
Будь первым там!

И ангел милосердия
Неда́ром песнь призы́вную
Поёт над русским юношей —
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отме́ченных
Печа́тью да́ра бо́жьего,
На честные пути.
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И ра́бством — а она,
Благословя́сь, поставила
В Григорье Добросло́нове
Такого посланца́.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахо́тку и Сибирь.

Светило солнце ла́сково,
Дышало утро раннее

бре́нный — kõdunev, kaduv, põrmune
душа́ — hing
пле́нный — vangistatud
грех — patt
блестя́щий — hiilgav
мертвя́щий (*прич.*) — *siin:* tappev
добро́ — headus
глухо́й — kurt
те́сный — kitsas
любвеобильный — armuküllane
уни́женный — alandatud
оби́женный (*прич.*) — solvatud; kellele liiga on tehtud
стопа́ — *siin:* jälg
неда́ром — mitte asjata
призы́вный — kutsumis-, kutse-
отме́ченный — äramärgitud
печа́ть — pitsat
дар — and
бо́жий — jumala-
забитый — rõhutud, peksetud
ра́бство — orjapõli
благословя́сь (*дееприч.*) — endale õnnistust paludes
посла́нец (*род.* посла́нца) — saadik
судьба́ — saatus
засту́пник — eestkostja
чахо́тка — tiisikus
ла́сково — hellalt

Прохла́дой, ароматами
Коси́мых всю́ду трав...
Григорий шёл задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курча́выми берёзами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То гру́стно. Возбуждённая
Вахлацкою пиру́шкою,
В нём сильно мысль работала
И в песне излила́сь:

„В минуты уны́нья, о родина-мать,
Я мыслью вперёд улетаю.
Ещё суждено́ тебе много страда́ть,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гу́ще неве́жества мрак над тобой,
Уду́шливей сон непробу́дный,
Была ты глубоко-несчастной страной,
Пода́вленной, рабски-бессу́дной.

Давно ли народ твой игру́шкой служи́л
Позо́рным страстям господина?
Пото́мок татар, как коня, выводи́л
На рынок раба-славянина.

прохла́да — vilu, jahedus
коси́мый (*прич.*) — niidetav
всю́ду — kõikjal
заду́мчиво — mõttesse vajunult
курча́вый — kähar
стрела́ — nool
гру́стно — kurb
возбуждённый (*прич.*) — erutatud
пиру́шка — pidu
излиться* (*буд.* изолью́сь, изольёшься) — end avaldama v. välja puistama
уны́нье — nukrus
суждено́ (*прич.*) — on määratud
страда́ть (-да́ю, -да́ешь) — kannatama
гу́ще (*сравн. степень*) — tihedam
неве́жество — harimatus
мрак = темнота́
уду́шливый — lämmatav
непробу́дный — äratamatu
пода́вленный — rõhutud
ра́бски-бессу́дный — orjalik-kohtukaitsetu
игру́шкой служи́л — oli mängukanniks
позо́рный — häbistav
пото́мок — järglane
выводи́ть (-вожу́, -во́дишь) — välja talutama

Ex bibl. univ. Tart

И русскую де́ву влекли́
на позо́р, —
Свире́пствовал бич без бо-
я́зни,
И у́жас народа при слове
„набо́р“
Подобен был ужасу ка́зни.

Довольно! Окончен с про-
шедшим расчёт,
Окончен расчёт с господи-
ном!
Сбира́ется с силами рус-
ский народ
И учится быть гражданином.
И но́шу твою облегчи́ла
судьба,
Сопу́тница дней славянина!

Ещё ты в семе́йстве поку́да
— раба,
Но мать уже во́льного
сына!“

Смани́ла Гришу узкая
Изви́листая тро́почка,
Через хлеба бегу́щая,
В широкий луг подко́-
шенный
Спустился он по ней.
В лугу траву суши́вшие
Крестьянки Гришу встре-
тили
Его любимой песнею.
Взгрустну́лось крепко
юноше
По матери-страда́лице,

де́ва — neiu
влечь (влеку́, влечёшь) — vedama, kiskuma
на позо́р — häbistamiseks
свире́пствовать (-вую, -вуешь) — märatsema
бич — piits
боя́знь (*ж.*) — kartus
у́жас — hirm
набо́р — noorsõdurite võtmine
подо́бный — sarnane
казнь — (surma) nuhtlus; hukkamine
расчёт — lõpuarve
сбира́ться = собира́ться
но́ша — kandam
облегчи́ть* (*буд.* -чу́, -чи́шь) — kergendama
сопу́тница — reisikaaslane
семе́йство = семья
поку́да = пока́
во́льный — vaba
смани́ть* (*буд.* -ню́, -нишь) — eemale meelitama, ahvatlema
изви́листый — looklev, käänuline
тро́почка — (tee)rajake
бегу́щая (*прич.*) — jooksev
подко́шенный — niidetud
суши́вшие (*прич.*) — kuivatanud
взгрустну́ться* (*буд.* взгрустну́сь, взгрустнёшься) — nukraks muutuma
страда́лица — kannataja

А пу́ще злость брала.
Он в лес ушёл. Ау́каясь
В лесу, как перепёлочки
Во ржи, броди́ли малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними ку́зов рыжиков
Набра́л. Уж жжётся солнышко;
Ушёл к реке. Купается...

. . . . . .

По сонной Волге медленно
Плоты́ с дровами тянутся;
Стоят под правым берегом
Три барки нагружённые:
Вчера бурла́ки с песнями
Сюда их привели.

А вот и он — изму́ченный
Бурлак! Похо́дкой праздничной
Идёт, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шёл, погля́дывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срыва́лися
То шопотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак.

„Плечами, грудью и спино́й
Тянул он барку бечево́й,
Полдне́вный зной его пали́л,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,

пу́ще = бо́льше
злость — viha
ау́каясь (*дееприч.*) — hüüdes, hõigates
перепёлочка — põldpüüke
броди́ть (-жу́, -дишь) — lonkima, hulkuma
воро́чать (-чаю, -чаешь) — kaarutama (heina)
сенцо́ = се́но — hein
ку́зов — korv
ры́жик — riisikas
набра́ть = собра́ть
жжечься (жгусь, жгёшься) — kõrvetama
плот — (palgi) parv
ба́рка — lodi
нагру́женный (*прич.*) — täis laaditud
изму́ченный (*прич.*) — piinatud
похо́дка — kõnnak
погля́дывать = гляде́ть
губа́ — huul
срыва́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — end lahti kiskuma
вслух — valjult, kuuldavalt
спина́ — selg
бечева́ — (veo) köis (burlakkide lodjaveoks)
полдне́вный — keskpäevane
зной — kuumus
пали́ть (-лю́, -лишь) — kõrvetama

Хрипя́, „дуби́нушку“
стона́л;
До места барку дотянул
И богаты́рским сном уснул.
И, в бане смыв поутру пот,
Беспе́чно при́станью идёт.
Зашы́ты в по́яс три рубля.
Оста́ток — медью — шевеля́,
Подумал миг, зашёл в кабак
И молча ки́нул на верста́к
Трудом добы́тые гроши́
И, выпив, кря́кнул от души́,
Перекрести́л на церковь
грудь:
Пора и в путь! пора и в
путь!

Он бо́дро шёл, жева́л кала́ч,
В подарок нёс жене кума́ч,
Сестре платок, а для детей
В суса́льном золоте коней.
Он шёл домой — не близкий
путь
Дай бог дойти и отдохнуть!“

С бурла́ка мысли Гришины
Ко всей Руси зага́дочной
К народу перешли.

И долго Гриша берегом
Бродил, волну́ясь, думая,

хрипя́ (*дееприч.*) — kähisedes
дуби́нушка — kaigas, vemmal, *siin:* burlakkide laul „дубинушка“
стона́ть (-ну, -нешь) — oigama
богаты́рским сном усну́ть — uinuma, sügavasti magama jääma (vägilase unega)
беспе́чно — muretult
пристанью идёт — kõnnib sadamas
заши́ть* (*буд.* зашью́, зашьёшь) — sisse õmblema
по́яс — vöö
оста́ток — ülejääk
шевели́ть (-лю́, -ли́шь) — liigutama
медь — *siin:* vaskraha
миг — moment, hetk
кабак — kõrts
ки́нуть* (*буд.* ки́ну, ки́нешь) — viskama
верста́к — *siin:* kõrtsilett
добы́тый (*прич.*) — saadud
грош — kross (poolekopikane vaskmünt)
кря́кнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — kääksuma
от души́ — südamest
перекрести́ться* (*буд.* -крещу́сь, -тишься) — risti ette löömа
це́рковь (*м.*) — kirik
бо́дро — reipalt
жева́ть (жую́, жуёшь) — närima
кала́ч — rõngsai
ку́ма́ч — kumatš (teatav punane puuvillriie)
суса́льное золото — kassikuld
зага́дочный — mõistatuslik
волну́ясь (*дееприч.*) — erutudes

Покуда песней новою
Не утоли́л натру́женной
Горя́щей головы.

Русь.

Ты и убогая,
Ты и оби́льная,
Ты и могу́чая,
Ты и бесси́льная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасённое
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Со́весть спокойная,
Правда живу́чая!

Сила с неправдою
Не уживáется,
Же́ртва неправдою
Не вызывáется —

Русь не шело́хнется,
Русь — как убитая!
А загоре́лась в ней
Искра сокры́тая —

Встали — небу́жены,
Вышли — непро́шены,
Жи́та по зёрнышку
Го́ры нано́шены!

утоли́ть* (*буд.* -лю́, -ли́шь) — vaigistama
натру́женный (*прич.*) — väsitatud, kurnatud
горя́щий (*прич.*) — põlev
оби́льный — rikkalik
могу́чий — võimas
бесси́льный — võimetu, jõuetu
спасённый (*прич.*) — päästetud
со́весть (*ж.*) — südametunnistus
живу́чий — eluvõimeline
уживáться (-вáюсь, -вáешься) — koos elada suutma, kokku sobima
же́ртва — ohver
вызывáться (-вáюсь, -вáешься) — välja kutsutama
шелохну́ться* (-ну́сь, -нёшься) — liikuma, liiga(h)tama
уби́тый — surmatud
загоре́ться* (*буд.* -рю́сь, -ри́шься) — süttima
и́скра — säde
сокры́тый (*прич.*) — peidetud
небу́женый (*прич.*) äratamatu
непро́шенный (*прич.*) — kutsumata
жи́то — teravili (murdeti ühes paigas — nisu, teises oder jne.)
зёрнышко — tera
по зёрнышку — terakaupa
горá — mägi
нано́шенный (*прич.*) — kokkukantud

Рать подыма́ется —
Неисчисли́мая!
Сила в ней ска́жется
Несокруши́мая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеси́льная,
Ма́тушка-Русь!..

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

(Посвяща́ется де́тям.)

В а н я *(в ку́черском армячке́).* Папа́ша! Кто строил эту дорогу?

П а п а ш а *(в пальто на красной подкла́дке).* Граф Пётр Андреевич Клейнмихель, ду́шенька!

(Разговор в вагоне.)

I.

Сла́вная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодри́т;
Лёд неокре́пший на речке студёной,
Сло́вно как тающий сахар, лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Вы́спаться можно — поко́й и просто́р! —

рать — malev
подыма́ться (-ма́юсь, -ма́ешься) — tõusma
неисчисли́мый — loendamatu
сказа́ться* (-жу́сь, -жешься) — ilmnema
несокруши́мый — võitmatu
всеси́льный — kõikvõimas
посвяща́ть (-ща́ю, -ща́ешь) — pühendama
ку́черский — kutsari-, voorimehe-
армячо́к (*род.* армячка́) — kuub
подкла́дка — vooder
ду́шенька — südameke, kallis
сла́вный — tore, kena
ядрёный — tugev, terve
бодри́ть (-рю́, -ри́шь) — *sün:* karastama
неокре́пший — nõrk
студёный — külm
сло́вно — just kui...
вы́спаться* (-плюсь, -пишься) — välja magama (puhkama)
поко́й — rahu
просто́р — avarus

Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и све́жи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобра́зья в природе! И ко́чи,
И моховы́е боло́та, и пни —

Всё хорошо под сия́нием лу́нным,
Всюду роди́мую Русь узнаю́...
Быстро лечу́ я по ре́льсам чугу́нным,
Думаю ду́му свою́...

II.

Добрый папаша! К чему в обая́нии
Умного Ваню держать!
Вы мне позвольте при лунном сия́нии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу́ одному!
В мире есть царь: этот царь беспоща́ден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море суда́ми
Пра́вит; в арте́ли сгоня́ет людей,

поблёкнуть* (-кну, -кнешь) — kolletuma
безобра́зье — inetus, näotus, korratus
ко́ча — mätas
моховóй — sambla-
пень (*мн.* пни) — känd
сия́ние — hiilgus, valgus
лу́нный — kuu-
чугу́нный — malmist
ду́ма — mõte
обая́ние — võlu, hurm, võlumine
в обая́нии держа́ть — võlu all hoidma
не по плечу́ одному́ — ei ole ühele jõudu mööda
беспоща́дный — halastamatu
сгоня́ть (-гоня́ю, -гоня́ешь) — kokku ajama

Ходит за плу́гом, стои́т за плеча́ми
Каменотёсцев, ткаче́й.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззва́в эти де́бри беспло́дные,
Гроб обрели́ здесь себе.

Прямо дороженька: на́сыпи узкие,
Сто́лбики, ре́льсы, мосты́.
А по бокам-то всё ко́сточки русские...
Сколько их! Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклица́нья послышались гро́зные!
Топот и скре́жет зубо́в;
Тень набежала на стёкла морозные...
Что там? Толпа мертвецо́в!

То обгоня́ют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. „В ночь эту лунную
Лю́бо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зно́ем, под холодом,
С вечно согну́той спиной,

плуг — ader
каменотёс(ец) — kiviraiuja
ткач — kangur
воззвав — üles kutsunud
де́бри (*множ. число*) — ürgmets, mahajäetud kolk
беспло́дный — viljakandmatu, viljatu
обрести́ = получи́ть
сто́лбик — postike
ко́сточка — luuke
восклица́нье — hüüe
гро́зный — ähvardav
скре́жет — kiristamine
мертве́ц — surnu, koolnu
обгоня́ть (-ня́ю, -ня́ешь) — möödа minema
лю́бо — meeldiv
надрыва́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — end ära venitama, rebistama
зной — kuumus
ве́чно — alati, igavesti
со́гнутый — küürus, kõveras

Жили в земля́нках, боролися с голодом,
Мёрзли и мо́кли, болели цынго́й.

Гра́били нас грамоте́и-деся́тники,
Секло нача́льство, дави́ла нужда́...
Всё претерпе́ли мы, бо́жии ра́тники,
Ми́рные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожина́ете!
Нам же в земле истлева́ть сужде́но...
Всё ли нас, бедных, добром помина́ете,
Или забыли давно?..“

Не ужаса́йся их пения дикого!
С Во́лхова, с матушки Волги, с Оки́,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робе́ть, закрываться перча́ткою,
Ты уж не маленький!.. Во́лосом рус,

земля́нка — muldonn
мёрзнуть (-ну, -нешь) — külmetama
мо́кнуть (-ну, -нешь) — ligunema
гра́бить (-блю, -бишь) — riisuma, röövima
грамоте́й-деся́тник — kirjaoskaja-kümnik
сечь (секу́, сечёшь) — piitsutama, peksma
нача́льство — ülemus
дави́ть (давлю́, да́вишь) — rõhuma
нужда́ — puudus
претерпе́ть* (*буд.* -плю́, -пишь) — kannatama, taluma
бо́жий ра́тник — jumala sulane
ми́рный — rahulik
пожина́ть (-жина́ю, -на́ешь) — lõikama (vilja), kasutama
истлева́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — kõdunema, pehkima
сужде́но (*прич.*) — on määratud
помина́ть (-на́ю, -на́ешь) — mälestama
ужаса́ться (-са́юсь, -са́ешься) — kohkuma
ди́кий — metsik
робе́ть (-бе́ю, -бе́ешь) — kartma
перча́тка — kinnas
во́лосом рус — ruugejuukseline

Видишь, стоит, изможде́н лихора́дкою,
Высокоро́слый, больной белору́сс:

Губы бескро́вные, ве́ки упа́вшие,
Я́звы на то́щих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опу́хли; колту́н в волосах;

Я́мою грудь, что на за́ступ стара́тельно
Изо дня́ в день налега́ла весь век...
Ты приглядѝсь к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добыва́л человек!

Не разогну́л свою спину горба́тую
Он и теперь ещё: ту́по молчи́т
И механически ржавой лопа́тою
Мёрзлую землю долби́т!

Эту привы́чку к труду благоро́дную
Нам бы не худо с тобой перея́ть...

изможде́н (*прич.*) — kurnatud
лихора́дка — palavik, külmatõbi
высокоро́слый — kõrgekasvuline
белору́сс — valgevenelane
бескро́вный — veretu
ве́ки (*множ.*) — silmalaud
упа́вший (*прич.*) — langenud
я́зва — paise
то́щий — kõhn
опу́хнуть* (-хну, -хнешь) — paistetama
колту́н — haiguslikult vanunud juuksed
я́мою грудь — sissevajunud rind
за́ступ — raudlabidas
стара́тельно — hoolikalt
изо дня́ в день — päev päevalt
налега́ть (-га́ю, -га́ешь) — vajutama, rõhuma
приглядѝсь (*повел. накл.*) — vaata teraselt
добыва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — muretsema, hankima
разогну́ть* (-гну́, -гнёшь) — sirgeks ajama
горба́тый — küürus
ту́по — nürilt
ржа́вый — roostetanud
долби́ть (-блю́, -би́шь) — uuristama, raiuma
привы́чка — harjumus
благоро́дный — õilis, üllas
перея́ть* (перейму́, переймёшь) — üle võtma

Благослови́ же работу народную
И научись мужика уважа́ть.

Да не робе́й за отчи́зну любе́зную...
Вы́нес достаточно русский народ,
Вы́нес и эту дорогу железную —
Вы́несет всё, что господь ни пошлёт!

Вы́несет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проло́жит себе.
Жаль только — жить в эту по́ру прекрасную
Уж не придётся — ни мне, ни тебе.

III.

В эту минуту свисто́к оглуши́тельный
Взви́згнул — исче́зла толпа́ мертвецо́в!
„Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, — тысяч пять мужиков,

Русских племён и поро́д представители,
Вдруг появились — и он мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители!“
Захохотал генерал!

„Был я недавно в стена́х Ватика́на,
По Колизе́ю две но́чи броди́л,

благослови́ (*повел.*) — õnnista
уважа́ть (-жаю, -жаешь) — austama
отчи́зна — isamaa
любе́зный — armastatud, armas
проложи́ть* (*буд.* -ложу́, -ло́жишь) — rajama
пора́ — aeg
не придётся — ei tule...
свисток — vile
оглуши́тельный — kõrvulukustav
взви́згнуть* (*буд.* -гну, -гнешь) — kiunuma, vinguma
исче́знуть* (*буд.* -ну, -нешь) — kaduma
пле́мя (*множ. род.* — племён) — suguharu
поро́да — tõug
представи́тель — esindaja

Видел я в Ве́не свято́го Стефа́на,
Что же... всё это народ сотвори́л?

Вы извините мне смех этот де́рзкий,
Ло́гика ваша немножко дика́,
Или для вас Аполло́н Бельведе́рский
Хуже печно́го горшка́?

Вот ваш народ — эти те́рмы и бани —
Чудо искусства — он все растаскал!"
„Я говорю не для вас, а для Вани"...
Но генерал возража́ть не давал:

„Ваш славяни́н, англо-са́кс и германец
Не создава́ть — разрушать мастера́,
Ва́рвары! дикое ско́пище пьяниц!..
Впрочем, Ваню́шей заня́ться пора́;

Знаете, зре́лищем смерти, печали
Детское сердце грешно́ возмущать.
Вы бы ребёнку теперь показали
Светлую сторону..."

свято́й — püha
сотвори́ть* (*буд.* -ворю́, -вори́шь) — looma
де́рзкий — jõhker, julgunud
печно́й — ahju-
те́рмы (*множ.*) — termid (saun vanas Roomas)
ба́ня — saun
растаска́ть* (*буд.* -тащу́, -та́щишь) — laiali tassima
возража́ть (-жа́ю, -жа́ешь) — vastu rääkima
создава́ть (-даю́, -даёшь) — looma
ва́рвар — barbar
ско́пище — trobikond, jõuk
пья́ница — joodik
впро́чем — muide
заня́ться* (займу́сь, займёшься) — tegelema
зре́лище — vaatepilt
печа́ль — kurbus
грешно́ — (on) patt
возмуща́ть (-ща́ю, -ща́ешь) — häirima

РАД ПОКАЗАТЬ.

Слушай, мой милый: труды рокóвые
Кончены — немец уж рельсы кладёт.
Мёртвые в землю зары́ты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тéсной гурьбóй у конторы собрался...
Крепко заты́лки чеса́ли они:
Каждый подря́дчику дóлжен оста́лся,
Ста́ли в копéйку прогу́льные дни!

Всё заноси́ли десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
— „Может, и есть тут тепéрича ли́шку,
Да, вот, поди ты!“ — Махнули рукой...

В синем кафтане — почтéнный лабáзник,
Толстый, присáдистый, красный, как медь,
Едет подря́дчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

зары́ть* (-рóю, -рóешь) — maha matma
скры́ты (*прич*) — peidetud, varjatud
тéсный — kitsas, tihe
гурьбá — hulk, salk
гурьбóй — hulgana
заты́лок (*род.* заты́лка) — kukal
чесáть (чешý, чéшешь) — kratsima
подря́дчик — töö-ettevõtja
дóлжен оста́лся — jäi võlgu
ста́ли в копéйку — läksid maksma..
прогу́льный — tööltpuudumis-
заноси́ть в кни́жку — raamatusse kandma
тепéрича (*народное*) = тепéрь
ли́шку (*народное*) = ли́шнее — liiga...
почтéнный — auväärt
лабáзник — vilja v. jahukaupmees
присáдистый — lühike ja tüse, rässakas, töntsakas

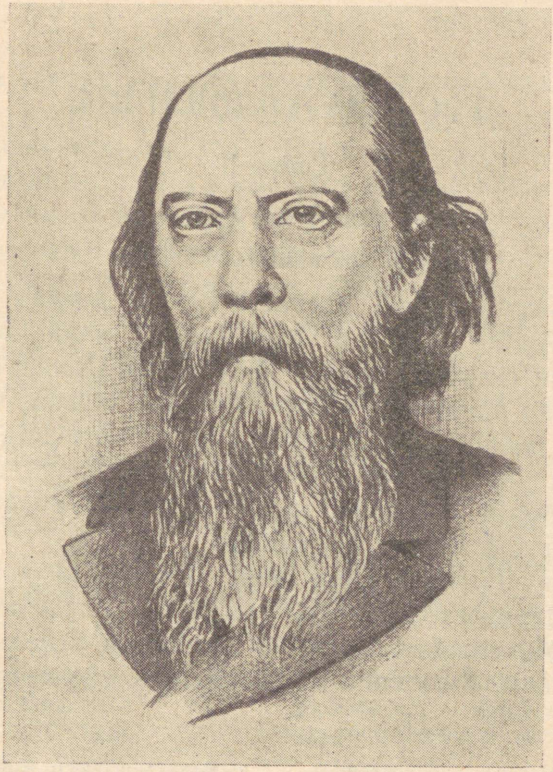
Праздный народ расступáется чи́нно...
Пот отирáет купчи́на с лица
И говорит, подбочéнясь карти́нно:
— „Ладно... ништó... молодцá... молодцá!..

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шáпки долóй — кóли я говорю!) —
Бóчку рабочим вина выставля́ю
И — *недоймку дарю!*“ —

Кто-то „ура“ закричал. Подхвати́ли
Громче, дружнее, протя́жнее... Глядь:
С песней десятники бочку кати́ли...
Тут и ленивый не мог устоя́ть!

Вы́пряг народ лошадей — и купчи́ну
С криком ура! по дороге помчáл...
Ка́жется, трудно отрáдней картину
Нарисовать, генерал?...

расступáться (-пáюсь, -пáешься) — laiali nihkuma
чи́нно — viisakalt, väärikalt
отирáть (-рáю, -рáешь) = вытирáть — pühkima
купчи́на — kaupmees
подбочéнясь карти́нно — käsi puusa pannes
ништо = ничто = ничего
молодцá (*нареч.*) — tubli
шáпка — müts
долóй — maha
кóли = если
бóчка — vaat
выставля́ть (-вля́ю, -вля́ешь) — välja panema
недóимка — võlg, maksmatis
дари́ть (дарю́, да́ришь) — kinkima
подхвати́ть* (*буд.* -хвачу́, -хва́тишь) — kaasa hüüdma
протя́жнее (*сравн. степень*) — venivamalt
глядь = глядú
кати́ть (-чу́, тишь) — veeretama
устоя́ть* (-ою́, -оишь) — vastu seista suutma, vastu panema
выпряга́ть (-а́ю, -а́ешь) — lahti rakendama
помча́ть* (-мчу́, -мчи́шь) — kihutades viima
каза́ться (-жу́сь, -жешься) — näima
отрáдная — rõõmustav



Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

(1826—1889)

ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ.

Глава I.

Семейный суд.

(Краткое изложение главы)

Прика́зчик Антон Васи́льев делает докла́д своей ба́рыне — Ари́не Петро́вне Головлёвой. В конце доклада он вы́нужден сказать, что сын Головлёвой, Степан Влади́мирович, вёл настолько беспу́тный о́браз жи́зни, что дом в Москве, да́нный ему матерью в виде насле́дства, пошёл за долги́. Это „роди́тельское благослове́ние“, как выража́ется Арина Петровна, пошло за восемь тысяч рублей, а куплен дом был за двенадцать.

Арина Петровна единоли́чно и бесконтро́льно управля́ет обши́рным головлёвским имением. Глава семьи Владимир Михайлович Головлёв нахо́дится у неё в полном подчине́нии. В тече́ние сорокале́тней супру́жеской жизни

господа́ (*множ.*) — härrased
прика́зчик — *siin:* pärisorjast mõisavalitseja
ба́рыня — *siin:* mõisaproua
вы́нужден (*прич.*) — on sunnitud
беспу́тный — pillav
о́браз жи́зни — eluviis
в ви́де насле́дства — pärandiks
долг — võlg
благослове́ние — õnnistus
выража́ться (-юсь, -ешься) — väljendama
единоли́чно — üksi ja isiklikult
бесконтро́льно — kontrollita
управля́ть (-яю, -яешь) — juhtima
обши́рный — laialdane
подчине́ние — alluvus; alistamine; в подчине́нии — alluvuses
в тече́ние — kestel
супру́жеский — abielu-

Арина Петровна удесятери́ла своё состоя́ние. Степан Владимирович, старший сын, известен в семье под и́менем „Стёпки-балбе́са“. Несмотря на свою беспе́чность и лень, он кончил университе́т и получил сте́пень кандида́та.

Затем Степан Головлёв поступил чино́вником, и начались его скита́ния по департа́ментам. Далее он служил в надво́рном суде, но через три года и там его не было. Мать вы́делила ему из насле́дства дом в Москве, который он и спусти́л. Дочь Арины Петровны „в одну прекра́сную ночь“ сбежала с корне́том Ула́новым и обвенча́лась с ним. Дочери Арина Петровна тоже вы́бросила „кусок“ в виде пяти тысяч капита́ла и маленькой деревню́шки. Младшие дети Арины Петровны — сыновья Порфи́рий Владимирович и Павел Владимирович находились в это время на службе в Петербурге.

Порфи́рий Владимирович известен был в семействе под тремя имена́ми: Иудушки, кровопи́вушки и откровенного мальчика, каковые про́звища ещё в детстве были даны ему Стёпкой-балбесом. Порфирий зайскивал перед матерью и старался вы́разить послу́шность и пре́данность.

удесятери́ть* (*буд.* -ю́, -и́шь) — kümnekordistama, kümnekordseks kasvatama
состоя́ние — varandus
Стёпка-балбе́с — toga-Stjopka
беспе́чность (*ж.*) — muretus
чино́вник — ametnik
скита́ние — eksirännak
департа́мент — departemang
надво́рный — hoovi-
вы́делить* (*буд.* -делю, -делишь) — eraldama
спусти́ть* (*буд.* спущу́, спу́стишь) — laristama, läbi lööma (varandust)
обвенча́ться* (*буд.* -ча́юсь, -ча́ешься) — end laulatama
деревню́шка — külakene
корнет — kornett (ratsaväe nooremleitnant)
кровопи́вушка — vereimeja
открове́нный — siiras
каково́й = како́й
про́звище — hüüdnimi, nimetus
зайскивать (-ваю, -ваешь) — libitsema
вы́разить* (-ражу, -разишь) — väljendama
послу́шность — (sõna)kuulelikkus
пре́данность — ustavus

Из Павла Владимировича вы́работалась „апати́чная и зага́дочно-угрю́мая ли́чность“.

Пока мать приду́мывала решения „балбе́совой участи“, Стёпка-балбе́с двигался из Москвы в Головлёво. По дороге он „без умо́лку, без свя́зи“ говорил. По ме́ре приближе́ния к Головлёву, бо́дрость покидала его. „Гроб, гроб!“ повторял он бессозна́тельно для себя. Ари́на Петровна встретила „балбеса“ торже́ственно-стро́го и сме́рила с ног до головы ледяны́м взгля́дом. „Съест“, словно эхо откли́кнулось в его душе́. Предви́дения его оправда́лись. Его поместили в невзрачной комнате, около конто́ры, и там потяну́лся „ряд вя́лых, безобра́зных дней, один за другим, утопа́ющих в серой, зия́ющей бе́здне вре́мени“.

Арина Петро́вна сзыва́ет на совет своих сыновей Порфи́рия и Павла, да́бы с ними вместе обсуди́ть её положе́ние и исто́рию со Стёпкой-балбе́сом.

Стёпка-балбес ведёт в одино́честве жизнь мра́чного алкого́лика, тайно от матери добыва́я водку. И когда од-

---

апати́чный — apaatne
зага́дочно-угрю́мый — saladuslik-sünge
ли́чность — isik, isiksus
у́часть — saatus
без умо́лку — vahetpidamata
без свя́зи — seoseta
по ме́ре приближе́ния — mida lähemale jõudis
бо́дрость — reipus
бессозна́тельно — ebateadlikult
ледяно́й — jäine, jää-
откли́кнуться* (*буд.* -нусь, -нешься) — vastu kajama
предви́дение — ettenägelikkus, eelaimus
оправда́ться* (*буд.* -да́юсь, -да́ешься) — *siin:* täide minema
невзра́чный — näotu
потяну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нешься) — venima
безобра́зный — näotu, ilmetu, inetu
утопа́ющий (*прич.*) — uppuja
зия́ющий (*прич.*) — haigutav
бе́здна — põhjatus
сзыва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — kutsuma
да́бы = что́бы
обсуди́ть* (*буд.* -сужу́, -су́дишь) — läbi arutama
положе́ние — olukord
одино́чество — üksildus
та́йно — salaja
добыва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — hankima

нажды Арина Петровна вошла в гря́зную комнату своего сына, то даже она была поражена́ обстано́вкой и видом Степана Владимировича. Это неожи́данное появле́ние матери Степан Владимирович принял равноду́шно. В нём всё отупе́ло. Через не́которое время Степан сконча́лся.

Глава II.

По-ро́дственному.

Жа́ркий ию́льский полдень. На Дубро́винской ба́рской уса́дьбе словно всё вы́мерло. Не только досу́жие, но и рабочие люди разбрели́сь по углам и улегли́сь в тень. Собаки раски́нулись под наве́сом громадной и́вы, стоящей посреди́ кра́сного двора́, и слышно, как они хло́пают зуба́ми, ловя́ в полусне́ мух. Даже деревья стоят пону́рые и неподви́жные, точно замо́ченные. Все о́кна, как в барском доме, так и в людски́х, отворены́ на́стежь. Жар так и ока́чивает сверху горя́чей волно́й; земля, покрытая

пораже́ться (-жа́юсь, -жа́ешься) — üllatuma, hämmastuma
обстано́вка — sisustus
неожи́данный — ootamatu
появле́ние — ilmumine
равноду́шно — ükskõikselt
отупе́ть* (*буд.* -пе́ю, пе́ешь) — nürimeelseks muutuma, nürinema
по-ро́дственному — sugulaste kombel
ба́рский — härraste-
вы́мереть* (*буд.* -мру, -мрешь) — välja surema
досу́жий — tööst vaba
разбрести́сь* (*буд.* -бреду́сь, -бредёшься) — laiali valguma, hajuma
уле́чься* (*буд.* уля́гусь, уля́жешься) — pikali heitma
раски́нуться (буд. -нусь, -нешься) — *siin:* pikutama, lamama
наве́с — vari
и́ва — paju
кра́сный двор — paraadhoov
ловя (*дееприч.*) — püüdes
пону́рый — norgus
неподви́жный — liikumatu
людска́я — moonakatemaja, teenijate tuba
на́стежь — pärani lahti
ока́чивать (-ваю, -ваешь) — üle valama

коро́тенькой опалённой трово́й, пыла́ет; нестерпи́мый свет, словно золоти́стою ды́мкой, задёрнул окре́стность, так что с трудом можно различа́ть предме́ты. И барский дом, когда-то вы́крашенный серой кра́ской, а теперь побеле́вший, и маленький палиса́дник перед домом, и берёзовая ро́ща, отделённая от уса́дьбы прое́зжей дорогой, и пруд, и крестьянский посёлок, и ржаное поле, начина́ющееся сейчас за око́лицей, — всё то́нет в светя́щейся мгле. Всякие за́пахи, начиная с благоуха́ний цвету́щих лип и кончая миа́змами ско́тного двора, густо́ю массой стоят в воздухе. Ни звука. Только с кухни доно́сится дро́бное отбива́ние поварски́х ножей, предвеща́ющее неизме́нную окро́шку и битки́ за обе́дом.

коро́тенький — lühike
опалённый (*прич.*) — kõrbenud
пыла́ть (-аю, -аешь) — lõõmata
нестерпи́мый — väljakannatamatu
золоти́стый — kuldne-
ды́мка — suits, suitsuke
задёрнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — katma (eesriidena)
окре́стность — ümbruskond, ümbrus
различа́ть (-ча́ю, -ча́ешь) — eraldama
предме́т — ese
палиса́дник — väike aiake (maja ees)
берёзовая ро́ща — kaasik
отделённый (*прич.*) — eraldatud
прое́зжая доро́га — külavahetee
пруд — tiik
посёлок — asula
око́лица — taratagune
тону́ть (-ну́, -нешь) — uppuma
светя́щийся — helkiv
мгла — pimedus; *siin:* vina
за́пах — lõhn
благоуха́ние — hurmav lõhn
ли́па — pärn
миа́зм — miasm
ско́тный — karja- v. looma-
ско́тный двор — karjalaut
густо́й — tihe
звук — hääl, heli
доноси́ться (-сишься, -сится) — kostma
дро́бный — tükeldatud
отбива́ние — togin, klõbin
дро́бное отбива́ние — trummipõrin, trummipõrina-taoline tagumine
по́варский (поварско́й) — koka-
предвеща́ющий (*прич.*) — ettetea-taja, ennustav
неизме́нный — alatine
окро́шка — okroška (külm supp kaljast, lihast, kalast ja kurkidest)
битóк (*множ.* битки́) — kotlett

Внутри госпо́дского дома царствует бесшу́мная трево́га. Старуха-барыня и две молодые девушки сидят в столо́вой и, не притро́гиваясь к вяза́нью, бро́шенному на столе, словно засты́ли в ожидании. В де́вичьей две женщины занима́ются приготовле́нием горчи́чников и примо́чек, и ме́рное зва́канье ложек, подо́бно крику сверчка́, проре́зывается сквозь общее оцепене́ние. В коридо́ре осторо́жно дви́гаются девчо́нки на бо́су ногу, перебега́я по ле́стнице из антресо́лей в де́вичью и обратно. По времена́м сверху раздаётся крик: „что ж горчи́чники! заснули? а?“ — и вслед затем стрело́й промчи́тся девчонка из девичьей. Наконец, слышится скрип тяжёлых шагов по лестнице, и в столо́вую входит полково́й до́ктор. Доктор — человек высокий, широкопле́чий, с кре́пкими, румя́ными щека́ми, которые так и пры́щут здоро́вьем. Голос у него зво́нкий, похо́дка твёрдая, глаза све́тлые и весёлые, губы полные,

---

притра́гиваться (-ваюсь, -ваешься) — külge puutuma
вяза́нье — kudumine, kudumistöö
бро́шенный (*прич.*) — visatud
засты́ть* (*буд.* -ты́ну, -нешь) — tarduma
ожида́ние — ootamine
де́вичья — tüdrukute tuba
горчи́чник — sinepilapp, sinepiplaaster
примо́чка — kompress
ме́рное — ühetaoline, rütmiline
зва́канье — lõgistamine
подо́бно — sarnanevalt, nagu
сверчо́к (*род.* сверчка́) — kilk
проре́зываться (-ваюсь, -ваешься) — läbi lõikama
сквозь — läbi...
оцепене́ние — tardumus
осторо́жно — ettevaatlikult
девчо́нка — plika
на бо́су но́гу — paljajalu
антресо́ли (*множ.*) — vahelmine majakord
по времена́м — aeg-ajalt
раздава́ться (-даю́сь, -даёшься) — kostma
стрело́й — noolena
промча́ться* (*буд.* -чу́сь, -чи́шься) — tormama
скрип — kägisemine
румя́ный — punapõseline
пры́скать (прыщу́, пры́щешь, пры́щут) — rõkkama (naeru)
похо́дка — kõnnak

сочные, вид откры́тый. Это — жуи́р в по́лном смы́сле сло́ва, несмотря на свои пятьдесят лет, — жуир, который и пре́жде не отступа́л, и долго ещё не отсту́пит ни перед какой попо́йкой, ни перед каким объяде́нием. Одет поле́тнему, щёголем, в пике́йный сюртучо́к необыча́йной белизны́, укра́шенный светлыми ге́рбовыми пу́говицами. Он входит, причмо́кивая губа́ми и приса́сывая языко́м.

— Вот что, голу́бушка, принеси-ка ты нам во́дочки да закуси́ть что-нибудь! — отдаёт он приказа́ние, остана́вливаясь в дверя́х, веду́щих в коридо́р.

— Ну что? как? — трево́жно спрашивает старуха-барыня.

— У бога ми́лостей без конца, Арина Петровна! — отвечает доктор.

— Как же это? Стало быть...

— Да так же. Денька два-три протя́нет, а потом — шабаш!

Доктор делает многозначи́тельный жест рукою и вполго́лоса мурлы́кает: *„Кувырко́м, кувырком, ку-выр-ком полети́т!“*

жуи́р — elumees
в по́лном смы́сле сло́ва — sõna täies mõttes
пре́жде = ра́ньше
отступа́ть (-па́ю, -па́ешь) — taganema
попо́йка — jooming
объяде́ние — liigsöömine
щёголь (*м.*) — keigar
щёголем — keigarlikult
пике́йный — pikee-
сюртучо́к — kuub
белизна́ — valgedus
ге́рбовый — vapistatud
причмо́кивая (*дееприч.*) — matsutades
приса́сывая (*дееприч.*) — imedes
трево́жно — ärevalt
ми́лость (*ж. р.*) — arm
ста́ло быть — tähendab et...
протяну́ть* (*буд.* -ну́, -нешь) — venitama
шаба́ш — otsas
многозначи́тельный — paljutähendav
жест — käeliigutus
вполго́лоса — tasakesi v. poolehäälega
мурлы́кать (-лычу, -лычешь) — ümisema
кувырко́м — uperkuuti

— Да как же это так? Лечили-лечили доктора — и вдруг!

— Какие доктора?

— Зе́мский наш, да вот городово́й приезжал.

— Доктора́. Кабы ему месяц назад за́волоку здорове́нную сооруди́ть — был бы жив!

— Неу́жто ж так-таки ничего и нельзя?

— Сказал: у бога милостей много, а больше ничего прибавить не могу.

— А может быть и поде́йствует?

— Что подействует?

— А вот, что теперь... горчичники эти...

— Может быть-с.

Женщина в чёрном платье и в чёрном платке приносит подно́с, на котором стоят граби́н с водкой и две таре́лки — с колбасой и икрой. При появлении её разговор смолка́ет. Доктор наливает рю́мку, высма́тривает её на свет и щёлкает языком.

— За ваше здоровье, ма́менька! — говорит он, обраща́ясь к старухе-барыне, прогла́тывая водку.

— На здоровье, ба́тюшка!

зе́мский — maakonna-
городово́й (*народное*) = городской
кабы́ = если бы
за́волока — kupulaskmine
здорове́нный — tubli
сооруди́ть* (*буд.* -ружу́, -руди́шь) — tegema; korraldama
неу́жто = неуже́ли
поде́йствовать* (*буд.* -вую, -вуешь) — mõjuma
подно́с — kandmik
икра́ — kalamari, kaaviar
смолка́ть (-а́ю, -а́ешь) — vaikima
рю́мка — viinaklaas
высма́тривать (-ваю, -ваешь) — vaatlema
щёлкать (-аю, -аешь) — laksutama
ма́менька — mammake, memmeke
обраща́ться (-юсь, -щаешься) — pöörduma
прогла́тывать (-ваю, -ваешь) — alla neelama

— Вот от этого самого Павел Владимирыч и погибает в цвéте лет — от водки от этой! — говорит доктор, прия́тно мо́рщась и ты́кая вилкой в кружок колбасы́.

— Да, много через неё людей пропада́ет.

— Не всякий эту жи́дкость вмести́ть может — оттого! А так как мы вместить можем, то и повто́рим! Ваше здоровье, суда́рыня!

— Ку́шайте, кушайте! Вам — ничего́!

— Мне — ничего! У меня и лёгкие, и по́чки, и печёнка, и селезёнка, — всё в испра́вности! Да, бишь, вот что! — обраща́ется он к женщине в чёрном платье, которая приостанови́лась у дверей, словно прислу́шиваясь к барскому разгово́ру. — Что у вас нынче к обеду гото́влено?

— Окрошка, да битки, да цыпля́та на жарко́е, — отвечает женщина, как-то кисло улыба́ясь.

— А рыба солёная у вас есть?

— Как, су́дарь, рыбы не быть! Осетри́на есть, севрю́жина... Найдётся рыбы довольно!

— Так скома́ндуй ты нам к обеду ботви́ньи с осетри́нкой... звёнышко, знаешь, да пожирне́е! Как тебя: Ули́тушкой, что ли, звать?

в цвéте лет — õitseaastail
прия́тно — mõnusalt
мо́рщась (*дееприч.*) — nägu krimpsutades
ты́кая (*дееприч.*) — torkides
пропада́ть (-даю, -даешь) — hukkuma
жи́дкость (*ж. р.*) — vedelik
вмести́ть* (*буд.* -щу́, -ти́шь) — mahutama
суда́рыня — armuline proua, preili
лёгкое (*множ.* лёгкие) — kops
по́чка — neer
печёнка — maks
селезёнка — põrn
в испра́вности — korras
бишь — mida's . . .
цыплёнок (*множ.* цыпля́та) — kanapoeg, tibu
жарко́е — praad
су́дарь (*м. р.*) — isand
осетри́на — tuurakala liha
севрю́жина — sevrjuuga(kala) liha
скома́ндовать (-дую, -дуешь) — käskima
ботви́нья — botvinja (külm kalaroog kvassi ja spinatiga)
звёнышко — lõik
пожирне́е (*сравн. степень*) — rasvasem

— Ули́той, сударь, люди зовут.

— Ну так живо, Улитушка, живо!

Улитушка уходит; на минуту водворя́ется тяжелое молча́ние. Арина Петровна встаёт с своего места и высма́тривает в дверь, точно ли Улитушка ушла.

— Насчёт сиро́ток-то говорили ли вы ему, Андрей Осипыч? — спрашивает она доктора.

— Разгова́ривал-с.

— Ну, и что же?

— Всё одно и то же-с. „Вот как вы́здоровею, говорит, непреме́нно и духо́вную, и векселя́ напишу".

Молча́ние, ещё более тяжёлое, водворя́ется в комнате. Девицы берут со стола канво́вые работы, и руки их с заме́тной дро́жью выде́лывают шов за швом; Арина Петровна как-то безнадёжно вздыха́ет; доктор ходит по комнате и насви́стывает: „*кувырком, ку-вы-ы-рком!*"

— Да вы бы хорошёнько ему сказали!

— Чего ещё лучше: подле́ц, говорю, будешь, е́жели сирот не обеспе́чишь. Да, мама́шечка, опростоволо́сились вы! Кабы месяц тому назад вы меня позвали, я бы и заволоку ему соорудил, да и насчёт духовной постара́лся

жи́во — kähku
водворя́ться (-я́юсь, -я́ешься) — *siin:* valitsema hakkama, sisenema
насчёт — suhtes
сиро́тка (*множ. род.* сиро́ток) — vaenelaps, orb
вы́здороветь* (*буд.* -вею, -веешь) — paranema
непреме́нно — tingimata
духо́вная — testament
канво́вый — kanvaa-
заме́тный — märgatav
дрожь (*ж. р.*) — värin
шов — piste, õmblus
безнадёжно — lootusetult
насви́стывать (-ваю, -ваешь) — vilistama
подле́ц — alatu
обеспе́чить* (*буд.* -чу, -чишь) — kindlustama
мама́шечка — mammike
опростоволо́ситься* (*буд.* -ло́шусь, -ло́сишься) — sisse kukkuma
постара́ться* (*буд.* -а́юсь, -а́ешься) — püüdma

бы... А теперь всё Иу́душке, зако́нному насле́днику, доста́нется... Непреме́нно!

— Бабушка! что ж это такое будет! — почти сквозь слёзы жа́луется ста́ршая из девиц. — Что ж это дяда с нами делает!

— Не знаю, милая, не знаю. Вот даже насчёт себя не знаю. Сегодня — здесь, а завтра — уж и не знаю где... Можетъ быть, бог приведёт где-нибудь в сара́йчике ночева́ть, а может быть, и у мужичка́ в избе!

— Господи, какой этот дядя глу́пый! — восклица́ет мла́дшая из девиц.

— А вы бы, молодая осо́ба, язычок-то на при́вязи придержа́ли! — замечает доктор, и, обращаясь к Арине Петровне, прибавля́ет: — Да что же вы сами, мамашечка? Сами бы уговори́ть его попробовали!

— Нет, нет, нет! Не хочет! Даже видеть меня не хочет! Наме́днись су́нулась было я к нему: „напу́тствовать, что ли, меня пришли?“ говорит.

— Я думаю, что это всё больше Улитушка... Она его против вас настра́ивает.

зако́нный — seaduslik
насле́дник — pärija
доста́ться* (*буд.* -нусь, -нешься) — *siin:* kätte minema
привести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — viima; *siin:* määrama
сара́йчик — küünike
мужичо́к (*род.* мужичка́) — talumees
глу́пый — rumal
восклица́ть (-ца́ю, -ца́ешь) — hüüdma
осо́ба — isik, inimene
при́вязь (*ж. р.*) — ohelik
придержа́ть* (*буд.* -жу́, -жишь) — hoidma
уговори́ть* (*буд.* -рю́, -ри́шь) — veenma
наме́днись (*наро́дное*) — hiljuti v. äsja v. toona
су́нуться* *буд.* (-нусь, -нешься) — tikkuma
напу́тствовать (-вую, -вуешь) — eelseisva teekonna puhul õnnistama v. häid soove kaasa andma; *siin:* jumala armu andma
настра́ивать (-ваю, -ваешь) — ässitama

— Она! именно она! и всё Порфи́шке-кровопи́вцу передаёт! Ска́зывают, что у него и лошади в хомута́х целый день стоят, на случай, ежели брат отходить начнёт! И предста́вьте, на-днях она даже ме́бель, вещи, посуду — всё переписала: на случай, де́скать, чтобы не пропало чего! Это она нас-то, нас-то воро́вками предста́вить хочет!

— Вы бы её по-военному... Кувырком, знаете, кувырком...

Но не успел доктор разви́ть свою мысль, как в комнату вбежала вся запыха́вшаяся девчонка и испу́ганным голосом крикнула:

— К барину! До́ктора барин требует!

Семе́йство, которое выступает на сце́ну в настоя́щем рассказе, уже знакомо нам. Старуха-барыня — не кто ина́я, как Арина Петровна Головлёва; умирающий владе́лец Дубро́винской усадьбы — её сын, Па́вел Влади́мирыч; наконец, две девушки: А́ннинька и Лю́бинька — дочери поко́йной Анны Владимировны Ула́новой, той самой, которой некогда Арина Петровна „выбросила кусок". Прошло не больше десяти лет с тех пор, как мы видели их, а положение де́йствующих лиц до того измени́лось,

---

ска́зывать = говори́ть
хому́т — rangid
предста́вить* (*буд.* -влю, -вишь) — ette kujutama
де́скать — nagu (oleks)
пропа́сть* (*буд.* -ду́, -дёшь) — kaduma
воро́вка — varas
предста́вить* (*буд.* -влю, предста́вишь) — esitama
разви́ть* (*буд.* разовью́, разовьёшь) — arendama
запыха́вшийся (*прич.*) — hingeldades
испу́ганный — hirmunud
сце́на — lava
настоя́щий — käesolev
ина́я = друга́я
владе́лец — omanik
де́йствующий (*прич.*) — tegev
де́йствующее лицо́ — tegelane
измени́ться (-ня́юсь, -ня́ешься) — muutuma

что не осталось и следá тех искýсственных свя́зей, благодаря которым головлёвская семья́ представлялась чем-то вроде непристýпной крепости. Семейная твердыня, воздви́гнутая неутоми́мыми руками Арины Петровны, ру́хнула, но рухнула до того незаме́тно, что она сама, не понимая, как это случилось, сделалась соуча́стницей и даже явным дви́гателем этого разруше́ния, настоя́щею душою которого был, разуме́ется, Порфишка-кровопивец.

Из бесконтрольной и бранчи́вой облада́тельницы головлёвских имений Арина Петровна сделалась скро́мною прижива́лкою в доме младшего сына, приживалкою пра́здною и не име́ющею никакого голоса в хозяйственных распоряже́ниях. Голова её пони́кла, спина сго́рбилась, глаза поту́хли, по́ступь сделалась вя́лою, поры́вистость движений пропала. От не́чего делать она научилась, на ста́рости лет, вяза́нию, но и оно не спо́рится у ней, потому что мысль её постоя́нно где-то вита́ет. Где? — она и сама не всегда разберёт, но, во всяком случае, не около

след — jälg
искýсственный — kunstlik
вро́де — midagi nagu . . .
непристýпный — juurdepääsematu
твердыня — kants
воздви́гнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — püstitama
неутоми́мый — väsimatu
ру́хнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — varisema
незаме́тно — märkamatult
соуча́стница — osaline
разруше́ние — purustamine
настоя́щий — tõeline
разуме́ется — endast mõista
бранчи́вый = бранливый — riiakas
облада́тельница — omanik
скро́мный — tagasihoidlik
прижива́лка — armuleivasöödja
пра́здная — tegevuseta
не име́ющий го́лоса — hääleõiguseta
распоряже́ние — korraldus
пони́кнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — alla vajuma
поту́хнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — kustuma
вя́лый — lõtv, loid
поры́вистость — tormakus, ägedus
не спо́рится — ei edene
постоя́нно — alati
вита́ть (-та́ю, -та́ешь) — hõljuma, viibima
разбира́ть (-а́ю, -а́ешь) — aru saama, taipama

вяза́льных спиц. Посидит, повяжет несколько минут — и вдруг руки сами собою опу́стятся, голова отки́нется на спинку кресел, и начнёт она припомина́ть... Припоминает, припоминает, поку́да ста́рческая дремо́та не охва́тит всего старческого существа́. Или встанет и начнёт броди́ть по комнатам, и всё чего-то ищет, куда-то загля́дывает, словно женщина, которая всю жизнь была в ключа́х и не понимает, где и как она их потеряла.

Первый удар вла́стности Арины Петровны был нанесён не столько отме́ной крепостно́го пра́ва, сколько теми приготовлениями, которые предше́ствовали этой отмене. Сначала простые слу́хи, потом дворянские собрания с их адресами, потом губернские комитеты, потом редакцио́нные комиссии — всё это изнуря́ло, поселя́ло смуту. Воображе́ние Арины Петровны, и без того богатое тво́рчеством, рисовало ей целые массы пустяко́в. То вдруг вопрос предста́вится: как это я Ага́шку звать буду? чай, Ага́-

---

вяза́льный — kudumis-
спи́ца — varras
повяза́ть* (*буд.* -вяжу́, -вя́жешь) — kuduma
опусти́ться* (*буд.* опущу́сь, опу́стишься) — langema
отки́нуться* (*буд.* -нусь, -нешься) — tagasi langema
припомина́ть (-на́ю, -на́ешь) — meelde tuletama
поку́да — kuni
ста́рческий — vanaduse-
дремо́та — unerammestus
охвати́ть* (*буд.* -вачу́, -ва́тишь) — haarama
существо́ — olemine
броди́ть (брожу́, бро́дишь) — rändama, hulkuma
была́ в ключа́х — oli võtmete omaja
вла́стность — võim
нанесён (*краткое прич.*) — antud
отме́на — äramuutmine, tühistamine
крепостно́е пра́во — pärisorjus
предше́ствовать (-вую, -вуешь) — eel käima
слух — kuulujutt, kuuldus
редакцио́нный — toimetus-
изнуря́ть (-ря́ю, -ря́ешь) — kurnama
поселя́ть сму́ту — hämmeldama
воображе́ние — ettekujutus
тво́рчество — looming
пустя́к — tühiasi
чай — *siin :* vist

фьюшкой... а может и Агафьей Федоровной величáть придётся! То представится: ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрáлись и жрут! Жрать надоéст — под стол бросают! То покáжется, что заглянула она в пóгреб, а там Юлька с Фёшкой так-то за обе щёки упúсывают, так-то уписывают! Хотела было она репримáнд [1] им сделать и поперхнýлась. „Как ты им что-нибудь скажешь, тепер они вóльные — на нúх, подú, и суда нет!"

Как ни ничтóжны такие пустякú, но из них постепéнно созидáется целая фантастúческая действúтельность, которая втя́гивает в себя человека и совершéнно парализýет его дéятельность. Арина Петровна как-то вдруг выпустила из рук бразды́ правлéния и в течéние двух лет только и делала, что с утрá до вечера восклицáла:

— Хоть бы одно что-нибудь — пан или пропáл! А то: первый призы́в! второй призыв! Ни бóгу свечá, ни чóрту кочергá!

[1] *Репримáнд* (франц.) — упрёк, выговор.

величáть — tituleerima, hüüdma
придётся — tuleb
людúшки (*уменьш.*) = люди
забрáться* (*буд.* заберýсь, заберёшься) — sisse tungima, sisenema
жрáть (жрý, жрёшь) — õgima
надоéсть* (*буд.* -éм, -éшь, -éст) — tüütama
показáться* (*буд.* -жýсь, -жешься) — näima
пóгреб — kelder
в обе щёки упúсывают — suure suuga söövad
репримáнд — noomitus
поперхнýться* (*буд.* -нýсь, -нёшься) — kõõksatama, käkastama
подú = смотрú (*нарóдное*)
ничтóжный — tühine, tähtsusetu
созидáться (-дáюсь, -дáешься) — kujunema
действúтельность — tõelisus
втя́гивать (-ваю, -ваешь) — sisse tõmbama
совершéнно — täiesti
бразды́ правлéния — valitsuse ohjad
пан или пропáл — kas võit või kaotus
ни бóгу свечá, ни чóрту кочергá — ei ole jumalale küünlaks ega kuradile ahjuroobiks

В это время, в самый развал комите́тов, умер и Владимир Михайлыч. Умер примирённый, умиротворённый, отрёкшись от Баркова [1] и всех дел его. Последние слова его были:

— Благодарю́ моего бога, что не допусти́л меня, наряду́ с холо́пами, предста́ть перед лицо своё!

Слова эти глубоко запечатле́лись в воспри́имчивой душе Арины Петровны, и смерть мужа, вместе с фантасмаго́риями [2] будущего, наложи́ли како́й-то безнадёжный колори́т на весь головлёский обихо́д. Как будто и старый головлёвский дом, и все живу́щие в нём — всё разом собрало́сь умере́ть.

Порфи́рий Владимирыч, по немно́гим жа́лобам, вы́лившимся в пи́сьмах Арины Петровны, с изуми́тельною чу́ткостью отгада́л сумя́тицу, овладе́вшую её по́мыслами.

---

[1] *Барков И. С.* (1732—1768) — поэт, перевёл сатиры римского поэта Горация, но более известен своими непристойными стихами.

[2] *Фантасмагория* — изображение фантастических картин, получаемое путем различных оптических приёмов. В переносном смысле — причудливые картины, рисующиеся в расстроенном воображении человека.

примирённый (*прич.*) — leppinud
умиротворённый (*прич.*) — rahuldatud
отре́кшись (*дееприч.*) — loobunud, lahti ütelnud
допусти́ть* (*буд.* -пущу́, -пу́стишь) — laskma
наряду́ — kõrval
холо́п — ori
предста́ть* (*буд.* -та́ну, -та́нешь) — ette astuma
запечатле́ться* (*буд.* -ле́юсь, -ле́ешься) — sügavat muljet jätma
воспри́имчивый — vastuvõtlik
наложи́ть* (*буд.* -жу́, -жишь) — vajutama
колори́т — koloriit
обихо́д — elukord, tavad
жа́лоба — kaeve, kaebus
вы́лившийся (*прич.*) — väljavoolanud
чу́ткость — tundelisus
отгада́ть* (*буд.* -да́ю, -да́ешь) — taipama, arvama
сумя́тица — segadus
овладе́вший (*прич.*) — vallutanud
по́мысел (*множ.* помыслы) — mõte

Арина Петровна уже не выгова́ривала и не учи́тельствовала в письмах, но больше всего упова́ла на божию помощь, „которая, по ны́нешнему легкове́рному времени, и рабо́в не оставля́ет, а тем па́че тех, ко́и, по доста́ткам своим, надёжнейшей опо́рой для церкви и её украше́ния были“. Иудушка инсти́нктом понял, что ежели маменька начинает упова́ть на бога, то это значит, что в её существова́нии кро́ется не́который изъя́н. И он воспо́льзовался этим изъя́ном со сво́йственной ему лука́вою ло́вкостью.

Перед самым концом эмансипацио́нного дела он совсем неожи́данно посети́л Головлёво и нашёл Арину Петровну уныва́ющею, почти изму́ченною.

— Что? как? что в Петербу́рге погова́ривают? — был первый её вопрос по оконча́нии взаи́мных приве́тствий.

Порфиша поту́пился и сидел молча.

— Нет, ты в моё положе́ние войди! — продолжа́ла Арина Петровна, поняв из молча́ния сына, что хорошего ждать нечего. — Теперь у меня одних пога́нок в де-

---

выгова́ривать (-ваю, -ваешь) — noomima
учи́тельствовать (-вую, -вуешь) õpetama
упова́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — lootma
ны́нешний — praegune
легкове́рный — kergemeelne
раб — ori
тем паче — seda enam
ко́и = кото́рые
доста́ток — küllus, rikkus
надёжнейший (*превосх. степень*) — ustavaim, kindlaim
опо́ра — tugi
существова́ние — olemasolu
кры́ться (кро́ешься, кро́ется) peituma
изъя́н — rike
воспо́льзоваться* (-зуюсь, -зуешься) — kasutama juhust
сво́йственный — omane
лука́вый — kaval
ло́вкость — osavus
неожи́данно — ootamatult
посети́ть* (*буд.* -сещу́, -сети́шь) — külastama
уныва́ющий (*прич.*) — norutaja
погова́ривать = говори́ть
взаи́мный — vastastikune
приве́тствие — tervitus
потупи́ться* (*буд.* -плю́сь, -пишься) — silmi alla langetama v. maha lööma
пога́нка — orjatüdruk

вичьей тридцать штук сидит — как с ними поступи́ть? Ежели они на моём иждиве́нии оста́нутся — чем я их кормить стану? Теперь у меня и капу́стки, и карто́фельцу, и хле́бца — всего довольно, ну и пита́емся понемно́гу! Картофельцу нет — велишь капустки сварить; капустки нет — огу́рчиками извернёшься! А ведь тогда я сама за всем на базар побеги́, да за всё де́нежки заплати́, да купи, да пода́й — где на э́такую ора́ву напасёшься!

Порфиша глядел милому другу маменьке в глаза и горько улыбался в знак сочу́вствия.

— Ежели же их на все на четыре сто́роны выпустят: бегите, мол, милые, вы́таращивши глаза, ну, уж не знаю, не знаю, не знаю, что из этого вы́йдет!

Порфиша ухмыльну́лся, как будто ему и самому очень уж смешно́ показа́лось, „что из этого выйдет“.

— Нет, ты не смейся, мой друг! Это дело так серьёзно, так серьёзно, что разве уж господь им ра́зуму прибавит — ну, тогда... Скажу хоть бы про себя: ведь и я не огры́зок; как-никак, а и меня пристро́ить ведь на́добно. Как тут поступи́ть? Ведь мы какое воспита́ние-то получили? Потанцова́ть, да попе́ть, да гостей принять — что я без

поступи́ть* (*буд.* -плю́, -пишь) — tegutsema, *siin:* ette võtma
иждиве́ние — ülalpidamine
пита́ться — end toitma
огу́рчик (*уменьш.*) — kurgike
изверну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нёшься) — olukorrast välja pääsema
де́нежки (*уменьш.*) = де́ньги
пода́ть* (*буд.* -да́м, -да́шь) — ette andma
э́такая = така́я
ора́ва — jõuk, trobikond
напасти́сь* (*буд.* -су́сь, -сёшься) — varustama
в знак сочу́вствия — kaastunde märgiks
вы́таращив(ши) глаза́ — silmad pungil
ухмыльну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нёшься) — muhelema, muigama
смешно́ — naeruväärne
ра́зум — mõistus
огры́зок — jupike, jäänus
пристро́ить* (*буд.* -о́ю, -ишь) — kohta leidma
на́добно = на́до

поганок-то без своих делать буду? Ни я подать, ни принять, ни сгото́вить для себя — ничего ведь я, мой друг, не могу!

— Бог ми́лостив, маменька!

— Был милостив, мой друг, а нынче видно — ау! Милостив, милостив, а тоже с расчётцем: были мы хороши — и нас царь небесный жа́ловал; стали дурны́ — ну, и не прогне́вайтесь! Уж я что думаю: не бросить ли всё за добра́-ума́. Право! Выстрою себе избу́шку около па́пенькиной моги́лки, да и буду жить да поживать!

Порфирий Владимирыч навостри́л уши; на губах его показалась слюна́.

— А имениями кто же распоряжа́ться будет? — возрази́л он осторожно, словно заки́дывая у́дочку.

— Не погне́вайтесь, и сами распоряди́тесь! Слава богу, припасла́! Не всё мне одной тя́готы носить...

Арина Петровна вдруг словно споткну́лась и подняла́ голову. В глаза её бро́силось осклабля́ющееся, слюня́вое

расчётец (*род.* расчётца) — arve, arvestus
жа́ловать (-лую, -луешь) — lugu pidama
дурно́й = плохо́й
прогне́ваться* (*буд.* -ваюсь, -ваешься) — vihastuma, pahaks panema
бро́сить всё за добра́-ума́ — kõik sinna paika jätma
пра́во — tõepoolest
избу́шка — majake
па́пенькина — papakese-
моги́лка — hauake
навостри́ть* (*буд.* -трю́, -три́шь) — teritama
слюна́ — sülg, ila
возрази́ть* (*буд.* -ражу́, -рази́шь) — vastu väitma, vastlema, vaidama
заки́дывая (*дееприч.*) — visates
у́дочка — õng
припасти́* (*буд.* -пасу́, -пасёшь) — kokku kandma, varuma
тягота́ — raskus
осклабля́ющий — irvitav
слюня́вый — ilane

лицо Иудушки, всё словно маслом подёрнутое, всё прони́кнутое каким-то плотоя́дным вну́тренним сия́нием.

— Да ты никак уж хорони́ть меня́ собра́лся! — сухо заметила она. — Не рано ли, голу́бчик? Не ошиби́сь!

Таким о́бразом на первый раз дело ко́нчилось ничем. Но есть разгово́ры, которые, раз нача́вшись, уже не прекраща́ются. Через несколько часов Арина Петровна вновь возврати́лась к пре́рванной беседе.

— Уеду к Се́ргию-тро́ице, — мечта́ла она, — разделю́ име́ние, куплю в поса́де до́мичек — и заживу́!

Но Порфирий Владимирыч, искушённый да́вешним о́пытом, на этот раз смолча́л.

— Про́шлого года, как ещё поко́йник па́пенька был жив, — продолжала мечтать Арина Петровна, — сидела я у себя в спа́леньке одна и вдруг слышу, словно мне кто шепчет: съе́зди к чудотво́рцу! съезди к чудотворцу! съезди к чудотворцу!... да ведь до трёх раз! Я э́так знаешь, оберну́лась — нет никого! Одна́ко, думаю: ведь это — виде́ние мне? Что ж, говорю, коли моя вера уго́дна богу — я готова! И только что я это вы́говорила, как

подёрнутый — kaetud, võitud
прони́кнутый — läbiimmutatud
плотоя́дный — kiskjalik
вну́тренний — sisemine
сия́ние — hõõgumine, säramine
голу́бчик — tuvikene, paikene
ошиби́тся* (*буд.* -бу́сь, -бёшься) — eksima
не ошиби́сь (*повел.*) — ära eksi
прекраща́ться (-ща́юсь, -ща́ешься) — katkema, lõppema
пре́рванный (*прич.*) — katkestatud
Се́ргий-Тро́ицкий — Troitse-Sergijevski klooster
мечта́ть (-та́ю, -та́ешь) — unistama
разделя́ть* (*буд.* -делю́, -де́лишь) — jagama
поса́д — alev
искушённый (*прич.*) — kogenud
да́вешний — äsjane
о́пыт — kogemus
спа́ленька — magamistuba
чудотво́рец — imetegija
оберну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нёшься) — keerama
одна́ко — siiski
виде́ние — nägemus
уго́дный — meeltmööda

вдруг-это в комнате... такое благоуха́ние разлилось! Разуме́ется, сейчас же велела укла́дываться, а к вечеру уж в доро́ге была!

У Арины Петровны даже слёзы на глазах вы́ступили. Иудушка воспо́льзовался этим, чтоб поцелова́ть у маменьки ручку, при чём позво́лил себе даже обня́ть её за та́лию.

— Вот теперь вы — па́инька! — сказал он, — ах, хорошо, голу́бушка, коли кто с богом в ладу́ живёт! И он к богу с моли́твой, бог к нему с по́мощью. Так-то, добрый друг маменька!

— Постой! Я ещё не всё досказа́ла! Приезжа́ю я на другой день вечером в посад, и прямо — к уго́днику. А там все́нощная; поют, свечки горят, благоуха́ние от кади́л: и не знаю, где я, — на земле или на небеси́! Пошла я от всенощной к иеромона́ху Ио́не, и говорю: чтой-то, ваше высокопреподо́бие, больно у вас сегодня хорошо в хра́ме? А он мне: „Чего, суда́рыня! Ведь нынче отцу Авваку́му виде́ние за всенощной было! Только что начал он руки на молитву заводи́ть — смотрит, ан, в самом ку́мполе свет, и голубь на него смотрит!“ Вот с

благоуха́ние — lõhn
разли́ться* (*буд.* разолью́сь, разольёшься) — laiali valguma
резуме́ется — muidugi mõista
укла́дываться (-юсь, -ешься) — reisivalmis seadma
вы́ступить* (-плю, -пишь) — esinema, *siin*: tulema
позво́лить* (*буд.* -волю́, -во́лишь) — lubama
па́инька — paikene
в ладу́ — heal jalal
моли́тва — palve
уго́дник — jumalasulane
все́нощная — õhtune jumalateenistus
кади́ло — viirukipann
небеса́ (*множ. ч.*) — taevas
иеромона́х — ülemmunk
высокопреподо́бие — kõrgeausus (vaimuliku tiitel)
бо́льно хорошо́ — väga kaunis
храм — kirik, katedraal
заводи́ть ру́ки — käsi tõstma
ку́(м)пол — kuppel
го́лубь — tuvike

этих пор я себе и положи́ла: какова пора ни мера, а конец жизни у Сергия-троицы пожить!

— А об нас-то кто позабо́тится? Об детях-то ваших кто похлопо́чет? Ах, маменька, маменька!

— Ну, не ма́ленькие, и сами об себе промы́слите! А я... удалю́сь я с А́ннушкиными сиро́тками к чудотво́рцу и заживу у него под кры́лышком! Может быть, и из них у которой-нибудь явится жела́ние богу послужить, так тут и Хотьков рукой пода́ть! Куплю себе до́мичек, огоро́дец вскопа́ю; капустки, картофельцу — всего у меня довольно будет!

Несколко дней сря́ду вёлся этот пра́здный разговор; несколько раз делала Арина Петровна самые смелые предположе́ния, брала их назад и опять делала, но, наконец, довела дело до такой точки, что и отступи́ть уж было нельзя. Не далее, как через полгода после Иудушкиной побы́вки, положение дел было следующее: Арина Петровна не уехала ни к Сергию-троице, ни в домик у могилки мужа, а имение разделила, оставив при себе только капита́л. При этом Порфирию Владимирычу была вы́делена лучшая часть, а Павлу Владимирычу — похуже.

позабо́титься* (*буд.* -бо́чусь, -ботишься) — hoolitsema

промы́слить* (-мы́слю, -мы́слишь) — enda eest hoolitsema

удали́ться* (*буд.* -лю́сь, -ли́шься) — ära minema

кры́лышко — tiivake

руко́й пода́ть — käega ulatama

огоро́дец (*уменьш.*) = огоро́д

вскопа́ть* (*буд.* -па́ю, -па́ешь) — üles kaevama

сря́ду — järgemööda

предположе́ние — kavatsus

отступи́ть* (*буд.* -плю́, -пишь) — taganema

побы́вка — lühike viibimine, peatumine

вы́делить* (*буд.* -делю, -делишь) — eraldama

Арина Петровна осталась попре́жнему в Головлёве, причём, разуме́ется, не обошло́сь без семейной коме́дии. Иудушка пролил слёзы и умолил доброго друга маменьку управля́ть его имением безотчётно, получать с него доходы и употребля́ть по своему усмотре́нию: „А что́ вы мне, голубушка, из доходов уделите — я всем, даже малостью, буду доволен“. Напротив того, Павел поблагодарил мать холодно („точно укусить хотел“), тотчас же вышел в отста́вку („так, без матери́нского благослове́ния, как оглашённый, и вы́скочил на волю!“) и поселился в Дубро́вине.

С этих пор на Арину Петро́вну нашло́ затме́ние. Тот вну́тренний образ Порфи́шки-кровопи́вца, который она когда-то с такою редкою проница́тельностью уга́дывала, вдруг словно тума́ном задёрнулся. Казалось, она ничего больше не понимала, кроме того, что, несмотря на разде́л имения и освобожде́ние крестьян, она попре́жнему живёт в Головлёве и попрежнему ни перед кем не отчи́тывается. Тут же, под боком, живёт другой сын, но какая ра́зница! Тогда как Порфиша и себя, и семью — всё

не обошло́сь — ei läinud
умоли́ть* (*буд.* умолю́, умо́лишь) — paluma
управля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — valitsema
безотчётно — aru andmata
употребля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — kasutama
по своему́ усмотре́нию — oma äranägemise järgi
уделя́ть* (*буд.* -делю́, -де́лишь) — andma
ма́лость — pisut
укуси́ть* (*буд.* -кушу́, -ку́сишь) — hammustama
оглашённый (*прич.*) — *siin:* nõdrameelne
поселя́ться* (*буд.* -лю́сь, -ли́шься) — asuma
затме́ние — pimenemine, varjutus
о́браз — kuju
ре́дкий — haruldane
проница́тельность — läbinägelikkus
тума́н — udu
задёрнуться* (*буд.* -нусь, -нешься) — kattuma, looristuma
разде́л — jagamine
отчи́тываться (-ваюсь, -ваешься) — aru andma
ра́зница — vahe

вве́рил ма́менькиному усмотре́нию, Павел не только ни об чём с ней не сове́туется, но даже при встречах как-то сквозь зубы говорит!

И чем больше затмева́лся её рассу́док, тем больше раскипа́лось в ней сердце ре́вностью к ла́сковому сыну. Порфирий Влади́мирыч ничего у неё не просил — она сама шла навстре́чу его жела́ниям. Ма́ло-пома́лу она начала находи́ть недоста́тки в фигуре Головлёвских дач. В таком-то месте чужая земля вре́зывалась в дачу — хорошо было бы эту землю прикупи́ть; в таком-то месте можно бы хуторо́к отде́льный устро́ить, да поко́сцу мало, а тут, по сме́жности, и покосец прода́жный есть — ах, хорош покос! Ари́на Петро́вна увлека́лась и как мать, и как хозяйка, жела́ющая вы́ставить во всём бле́ске свои спосо́бности перед ласковым сыном. Но Порфирий Владимирыч словно в непрони́цаемую скорлупу́ схорони́лся. Напрасно Арина Петровна соблазня́ла его поку́пками — на все её

вве́рить* (*буд.* вве́рю, вве́ришь) — usaldama

сове́товаться (-туюсь, -туешься) — nõu pidama

затмева́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — pimenema

рассу́док — aru

раскипа́ться (-па́юсь, -па́ешься) — kõvasti ägestuma

ре́вность — armukadedus, kiivus

ма́ло-пома́лу — vähehaaval

недоста́ток (*множ.* недоста́тки) — puudus

да́ча — suvila, karjamõis *siin*: krunt

вре́зываться (-ваюсь, -ваешься) — sisse lõikuma

прикупи́ть* (*буд.* -куплю́, -ку́пишь) — juurde ostma

поко́сец (*род.* поко́сца) — heinamaa

по сме́жности — naabruses

прода́жный — müüdav

увлека́ться (-а́юсь, -а́ешься) — innustuma

вы́ставить* (*буд.* -влю, -вишь) — välja paista laskma, välja panema

блеск — hiilgus

спосо́бность — võime, anne

непроница́емый — läbitungimatu

скорлупа́ — kest, koor

схорони́ться* (*буд.* -ню́сь, -ни́шься) — ennast peitma

соблазня́ть (-ня́ю, -ня́ешь) — meelitama, a(h)vatlema, veetlema

предложе́ния приобрести́ такой-то лесо́к или такой-то покосец он неизме́нно отвечал: „Я, добрый друг маменька, и тем дово́лен, что вы, по ми́лости вашей, мне пожа́ловали".

Ответы эти только разжига́ли Арину Петровну. Увлека́ясь, с одной стороны́, хозя́йственными задачами, с другой — полеми́ческими соображе́ниями относи́тельно „подлеца Павлу́шки", который жил по́дле и знать её не хотел, она совершенно утра́тила представле́ние о своих действи́тельных отноше́ниях к Головлёву. Прежняя горя́чка приобрете́ния с новою силою овладе́ла всем её существо́м, но приобретения уже не за свой собственный счёт, а за счёт любимого сына. Головлёвское име́ние разросло́сь, округли́лось и зацвело́.

И вот в ту самую минуту, когда капитал Арины Петровны до того умали́лся, что сделалось почти невозмо́жным самостоя́тельное существова́ние на проце́нты с него, Иудушка, при самом почти́тельном письме, прислал

предложе́ние — ettepanek
приобрести́* (*буд.* -ретý, -ретёшь) — omandama
ми́лость — lahkus, armulisus
пожа́ловать* (*буд.* -лую, -луешь) — andma
разжига́ть (-а́ю, -а́ешь) — õhutama, süütama
полеми́ческий — poleemiline
соображе́ние — kaalutlus
относи́тельно — suhtes
по́дле = ря́дом
утра́тить* (*буд.* -ра́чу, -тишь) — kaotama
представле́ние — ettekujutus
отноше́ние — vahekord, suhe
горя́чка — palavik
приобрете́ние — omandamine
овладе́ть* (*буд.* -де́ю, -де́ешь) — valdama
разрости́сь* (*буд.* -тý́сь, -тёшься) paisuma
округли́ться* (*буд.* -лю́сь, -ли́шься) — ümmarduma
зацвести́* (*буд.* -ветý, -ветёшь) — õitsele lööma
умали́ться* (*буд.* -лю́сь, -ли́шься) — vähenema
самостоя́тельный — iseseisev
существова́ние — olemasolu, elamine
почти́тельный — austav

ей целый тюк форм счетово́дства, которые должны были служить для неё руково́дством на будущее время при составле́нии годовой отчётности. Тут, рядом с главными предме́тами хозя́йства, стояли: мали́на, крыжо́вник, грибы́ и т. д. По всякой статье́ был осо́бенный счёт, приблизи́тельно следующего содержа́ния:

К 18** году состоя́ло кустов малины	00
К сему́ поступи́ло вновь поса́женных	00
С нали́чного числа кустов со́брано ягод	00 п. 00 ф. 00 зол.
Из сего́ числа:	
Вами, милый друг ма́менька, употреблено́	00 п. 00 ф. 00 зол.
Израсхо́довано на варенье для дома Его Превосходи́тельства Порфи́рия Влади́мирыча Головлёва	00 п. 00 ф. 00 зол.
Дано мальчику N в награ́ду за добронра́вие	1 ф.

тюк — pakk
счетово́дство — arvepidamine
составле́ние — koostamine
отчётность — aruandlus
статья́ — artikkel
приблизи́тельно — umbes
состоя́ть (-тою́, -тои́шь) — olema
к сему́ = к э́тому
поступи́ть* (-плю́, -пишь) — juurde tulema
вновь — uuesti
поса́женный (*прич.*) — istutatud
нали́чный — olemasolev
из сего́ = из э́того
употреби́ть* (*буд.* -реблю́, -би́шь) — tarvitama
израсхо́довать* (*буд.* -дую, -дуешь) — kulutama
превосходи́тельство — ekstsellents
в награ́ду — tasuks
добронра́вие — hea käitumine, kombelisus

Продано простому народу на лáкомство . . . . . 00 п. 00 ф. 00 зол.
Сгни́ло, по неиме́нию в виду поку́пщиков, а равно и от других причи́н . . . . . 00 п. 00 ф. 00 зол.
И т. д., и т. д.

Приме́чание. В случае, ежели урожáй отчётного года ме́нее против прошлого года, то здесь должны быть объясня́емы причи́ны сего, как-то: зáсуха, дожди, град и проч.

Арина Петровна так и áхнула. Во-первых, её порази́ла ску́пость Иудушки: она никогда и не слы́хивала, чтоб крыжо́вник мог составля́ть в Головлёве предме́т отчётности, а он, пови́димому, на этом предме́те всего больше и наста́ивал; во-вторы́х, она очень хорошо поняла́, что все эти фо́рмы — не что иное, как конститу́ция, свя́зывающая её по рукам и ногам.

Кончилось дело тем, что, после продолжи́тельной полеми́ческой перепи́ски, Арина Петровна, оскорблённая и

сгнить* (*буд.* -гнию́, -гниёшь) — ära mädanema
по неиме́нию — puudusel
поку́пщик — ostja
причи́на — põhjus
приме́чание — märkus
отчётный год — aruandeaasta
объясня́емы (*прич.*) — seletatavad
зáсуха — põud
град — rahe
áхнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — aietama
порази́ть* (-жу́, -зи́шь) — jahmatama panema
ску́пость — kitsidus
слы́хивать (*многокр.*) = слыха́ть
составля́ть (-ляю, -ляешь) — moodustama
предме́т — aine, ese
предме́т отчётности — arvepidamise objekt
пови́димому — nähtavasti
наста́ивать (-ваю, -ваешь) — visalt nõudma, peale käima
свя́зывающий (*прич.*) — siduv
продолжи́тельный — pikk, kauakestev
перепи́ска — kirjavahetus
оскорблённый (*прич.*) solvunud

негоду́ющая, перебра́лась в Дубро́вино, а вслед затем и Порфирий Владимирыч вышел в отста́вку и поселился в Головлёве.

С этих пор для стару́хи начался ряд му́тных дней, посвящённых наси́льственному покою. Павел Владимирыч, как человек, лишённый посту́пков, был как-то особенно приди́рчив в отношении к матери. Он при́нял её довольно сно́сно, т.-е. обеща́лся кормить и поить её и сиро́т-племя́нниц, но под двумя усло́виями: во-первых, не ходить к нему на антресо́ли, а во-вторых — не вме́шиваться в распоряже́ния по хозя́йству. Последнее усло́вие в осо́бенности волнова́ло Арину Петровну. Всем в доме Павла Владимирыча заправля́ли: во первых, клю́чница Ули́тушка, женщина ехи́дная и уличённая в секре́тной переписке с кровопивцем Порфишкой, и во-вторых — бывший па́пенькин камерди́нер Кирю́шка, ничего не смы́сливший в полево́дстве и ежедне́вно чита́вший Павлу Владимирычу халу́йского сво́йства поуче́ния. Оба кра́ли не-

---

негоду́ющий — pahandatud
перебра́ться (*буд.* -беру́сь, -берёшься) — kolima
му́тный — hämar, hägune
посвящённый (*прич.*) — pühendatud
наси́льственный — pealesunnitud, vägivaldne
челове́к, лишённый посту́пков — inimene, kel puudub tegutsemisvõime
приди́рчивый — noriv
сно́сно — (on) talutav
обеща́ться (-ща́юсь, -ща́ешься) — lubama
усло́вие — tingimus
вме́шиваться (-ваюсь, -ваешься) — segama
заправля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — juhtima
клю́чница — võtmehoidja
ехи́дный — õel
уличённый — tabatud
секре́тный — salajane
камерди́нер — kammerteener
не смы́сливший (*прич.*) — kes midagi aru ei saa
полево́дство — põllupidamine
ежедне́вно — iga päev
халу́йского сво́йства — sabarakuše omane
поуче́ние — õpetus
красть (краду́, крадёшь) — varastama

милосе́рдно. Сколько раз болело сердце Арины Петровны при виде госпо́дствовавшего в доме расхище́ния! Сколько раз порыва́лась она предупреди́ть, раскры́ть сыну глаза насчёт чая, сахару, масла! Всего этого выходи́ли массы, и неоднокра́тно Улитушка, нимало не стесня́ясь прису́тствием старухи-барыни, даже в глазах её, пря́тала в карман целые при́горшни сахара. Арина Петровна видела всё, но должна была оставаться безмо́лвной свиде́тельницей расхище́ния. Потому что едва разева́ла она рот, чтобы заме́тить что-нибуть, как Павел Владимирыч в ту же минуту её оса́живал.

— Маменька! — говорил он, — на́добно, чтоб кто-нибудь один в доме распоряжа́лся! Это не я говорю — все так поступа́ют. Я знаю, что мои распоряжения глупые, — ну, и пусть будут глупые. А ваши распоряжения умные — ну, и пусть будут умные! Умны вы, даже очень умны, а Иудушка, всё-таки, без угла вас оста́вил.

К довершéнию всего Арина Петровна сделала ужасное откры́тие: Павел Владимирыч пил. Страсть эта въе́лась в него кра́дучись, благодаря деревéнскому одино́честву,

---

немилосе́рдно — halastamatult
госпо́дствовавший (*прич.*) — valitsev
расхище́ние — röövimine
порыва́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — püüdma
предупреди́ть* (*буд.* -режу́, -ди́шь) — hoiatama
неоднокра́тно — korduvalt
стесня́ться (-ня́юсь, -ня́ешься) — häbenema
не стесня́ясь (*дееприч.*) — häbenemata
прису́тствие — juuresolek
пря́тать (-чу, -чешь) — peitma
при́горшня — kamalutäis
безмо́лвный — vaikiv
свиде́тельница — tunnistaja
разева́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — suud paotama
оса́живать (-ваю, -ваешь) — vaikima panema
на́добно = на́до
поступа́ть (-па́ю, -па́ешь) — talitama
в довершéние — lisaks (kõigele)
стра́сть (*ж. р.*) — kirg
въе́сться* (*буд.* въе́мся, въе́шься, въе́стся) — söövbima
кра́дучись — hiilides

и, наконец, получила то стра́шное разви́тие, которое должно было привести́ к неизбе́жному концу. В первое время, когда в доме поселилась мать, он как будто ещё со́вестился, дово́льно часто сходи́л с антресо́лей вниз и разгова́ривал с матерью. Замечая, как пу́тается его язык, Арина Петровна долго думала, что это происхо́дит от глупости. Она не любила, когда он приходил „разговаривать“, и считала эти разговоры большим для себя притесне́нием. В самом деле, он посто́янно и как-то нелепо ропта́л: то дождя по целым неделям нет, то вдруг такой зарядит, словно с цепи сорвётся; то жук одоле́л, все деревья в саду обглода́л; то крот появился, все луга́ изры́л. Всё это представля́ло неистощи́мый исто́чник для ро́пота. Сойдёт, бывало, с антресолей, сядет против матери и начнёт:

— Кругом тучи ходят — Головлёво далеко ли? У кровопи́вца вчера проливной был, а у нас да и нет!

развитие — areng
привести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — tooma
неизбе́жный — paratamatu
со́веститься (-вещусь, -вестишься) — häbenema
пу́таться (-аюсь, -таешься) — segaselt kõnelema
пу́тается язы́к — keel läheb segi
происходи́ть (-хожу́, -хо́дишь) — toimuma, juhtuma
притесне́ние — tagakiusamine, tülitamine
нелепо — mõistmatult
ропта́ть (-пщу́, -пщешь) — nurisema
зарядит дождь — seab sajule
словно с цепи сорвётся — nagu oleks ketist lahti lastud; *siin:* nagu oleksid luugid lahti tehtud
жук — sitikas, põrnikas
одоле́ть* (*буд.* -ле́ю, -ле́ешь) — võimust võtma
обглода́ть* (*буд.* -да́ю, -да́ешь) — — paljaks sööma v. närima
крот — mutt
луг — aas
изры́ть* (*буд.* -ро́ю, -ро́ешь) — üles kaevama
представля́ть (-вля́ю, -вля́ешь) — *siin:* pakkuma
неистощи́мый, (*прич.*) — ammendamatu
исто́чник — allikas
проливно́й дождь — suur vihmavalang

Ходят ту́чки, поха́живают кругом — и хоть бы те ка́пля на наш пай!

Или:

— Ишь льёт-поли́вает! Рожь только что зацвела́, а он знай поливает! Половину сена уже сгнои́ли, а он пры́скает да попры́скивает! Головлёво далеко ли? Кровопивец давно с поля убра́лся, а мы сиди-посиди! Придётся скоти́ну зимой гнилы́м се́ном корми́ть!

Молчит-молчит Арина Петровна, слушая глупые речи, но иногда не вы́терпит и молвит:

— Ты бы побо́льше ру́ки сложа́ сидел!

Не успеет она это вымолвить, как Павел Владимирыч уже и взбелени́лся.

— А вы что ж мне прика́жете делать? В Головлёво дождик, что ли, перевести́?

— Не дождик, а вообще́...

— Нет, вы скажите, что, по-вашему, делать мне нужно? Не „вообще́“, а прямо... Климат, что ли, я для вас переменить должен? Вот в Головлёве: нужен был дождик — и был дождик; не нужно дождя — и нет его! Ну, и растёт там всё... А у нас всё напро́тив! Вот посмотрим, как-то вы станете разгова́ривать, как есть нечего будет?

— Стало быть, божья воля такова...

— Так вы так и говорите, что божья воля! А то „вообще“ — вот какое объясне́ние нашли!

поха́живать (-ваю, -ваешь) — kõndima, *siin:* venima

и хоть бы те ка́пля — ei tule tilkagi

пай — osak

ишь — näe

лить (лью, льёшь) — valama

поливать (-ва́ю, -ва́ешь) — valama, kastma

пры́скать (-каю, -каешь) — piserdama, piisutama

скоти́на — loom

гнило́й — mädanenud

ру́ки сложа́ — käed rüpes

взбелени́ться* (*буд.* -нюсь, -ни́шься) — kiivastuma, marru sattuma

перевести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — üle viima

Иногда дело доходило до того, что он даже со́бственностью отягоща́лся.

— И зачем только это Дубровино мне доста́лось? — жаловался он. — Что в нём?

— Чем же Дубровино — не усадьба! Земля хорошая, всего довольно... И что тебе вдруг вздумалось!

— А то и вздумалось, что по ны́нешнему времени совсем собственности иметь не надо! Деньги — это так! Деньги взял, положил в карман и удра́л с ними! А недви́жимость эта...

— Да что ж это за время такое за осо́бенное, что уж и собственности иметь нельзя?

— А такое время, что вы вот газет не читаете, а я читаю. Нынче адвока́ты везде пошли — вот и понима́йте. Узнает адвокат, что у тебя собственность есть, и почнёт кружи́ть!

— Как же он тебя кружить будет, коль скоро у тебя пра́ведные докуме́нты есть?

— Так и будет кружить, как кружат. Или, вот Порфишка-кровопивец: наймёт адвоката, а тот и будет тебе пове́стку за повесткой посылать!

— Что ты! не бессу́дная, чай, земля?

— Оттого и будут повестки присылать, что не бессудная. Кабы бессудная была, и без повесток бы отняли, а

со́бственность — omand
отягоща́ться (-ща́юсь, -ща́ешься) — koormaks pidama
доста́ться* (-нусь, -нешься) — osaks saama
вздуматься* (*буд. безличн.* -ется) — äkki pähe tulema
удра́ть* (*буд.* -деру́, -дерёшь) — varvast laskma
недви́жимость — kinnisvara
почнёт (*народное*) = начнёт
кружи́ть (-жу́, -жишь) — keerutama
коль ско́ро — kui
пра́ведный — aus, õiglane, õnnis; *siin:* (*народное*) = пра́вильный — õige
наня́ть* (*буд.* найму́, наймёшь, наймёт) — palkama
пове́стка — (ametlik) kutse
бессу́дный — kohtukaitsetu

теперь с повестками. Вон у товарища моего, у Горлопя́това, дядя умер, а он возьми да сду́ру и приме́ни после него насле́дство! Наследства-то оказалося грош, а долго́в — на сто тысяч: векселя́, да всё фальши́вые. Вот и судят его третий год сряду: сперва дя́дино имение обра́ли, а потом и его собственное с аукцио́ну про́дали! Вот тебе и собственность.

— Неужто такой зако́н есть?

— Кабы не было закона — не продали бы. Стало-быть, всякий закон есть. У кого со́вести нет, для того все законы открыты; а у кого есть совесть, для того и закон закрыт. Поди, отыскивай его в книге-то!

Арина Петровна всегда уступа́ла в этих спорах. Не раз её подмыва́ло кри́кнуть: вон с моих глаз, подлец! но подумает-подумает, да и смолчит. Только разве про себя поро́пщет:

— Господи! и в кого я этаких и́звергов уроди́ла! Один — кровопи́вец, другой — блаже́нный какой-то! Для кого я припаса́ла! ночей не досыпа́ла, куска не доеда́ла... для кого?!

И чем больше овладева́л Павлом Владимирычем запо́й, тем фантасти́чнее и, так сказать, внеза́пнее станови́лись

сду́ру — rumalast peast
приня́ть* (*буд.* приму́, при́мешь) — vastu võtma
сперва́ — enne
обра́ть* (*буд.* беру́, -берёшь) — võtma, paljaks koorima
с аукцио́ну — oksjonil
зако́н — seadus
со́весть — südametunnistus
отыскивать (-ваю, -ваешь) — otsima
подмыва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — *siin*: taga kihutama
пороптáть* (*буд.* -ропщу́, -ро́пщешь) — nurisema
и́зверг — koletis, peletis
уроди́ть* (*буд.* урожу́, уроди́шь) — sünnitama
блаже́нный — õnnis; totrake
не досыпáть (-пáю, -пáешь) — poolmagamata olema
не доедáть (-дáю, -дáешь) — poolsöömata olema
запóй — joomatõbi
внезáпный — ootamatu, äkiline

его разгово́ры. Наконец, Арина Петровна начала замечать, что тут есть что-то нела́дное. Например: с утра в шка́пчик, в столо́вой, ставится полный графин водки, а к обеду уж ни капли в нём нет. Или: сидит она в гостиной и слышит какой-то та́инственный скрип, происходя́щий в столовой, около заве́тного шкапчика; крикнет: „кто там?“ — и слышить, что чьи-то шаги быстро, но осторо́жно удаля́ются по направле́нию к антресолям.

— Матушки! да никак он у вас пьёт? — спросила она однажды Улитушку.

— Занима́ются-с, — ответила та, язви́тельно улыбаясь.

Убеди́вшись, что мать отгадала его, Павел Владимирыч оконча́тельно перестал церемо́ниться. В одно прекра́сное утро шкапчик совсем исче́з из столовой, и на вопрос Арины Петровны, куда он дева́лся, Улитушка отвечала:

— На антресоли перенести приказа́ли; там им свобо́днее заниматься будет.

Действи́тельно, на антресолях графи́нчики следовали друг за другом с изуми́тельной быстрото́й. Уедини́вшись с самим собой, Павел Владимирыч возненави́дел о́бщество живых людей и со́здал для себя осо́бенную, фантасти-

---

нела́дный — korrast ära
шка́пчик — kapike
та́инственный — saladuslik
скрип — kriiksumine
происходя́щий (*прич.*) — toimuv
заве́тный — ihaldatud
удаля́ться (-я́юсь, -я́ешься) — eemalduma
направле́ние — suund
язви́тельно — sapiselt
убеди́ться* (*буд.* убежду́сь, убеди́шься) — veenduma
убеди́вшись (*дееприч.*) — veendunud
церемо́ниться (-нюсь, -нишься) — silmakirjaviisakas olema, vigurdlema, tseremoonitsema
исче́знуть* (*буд.* -ну, -нешь) — kaduma
дева́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — kaduma
уедини́ться* (*буд.* -ню́сь, -ни́шься) — üksi jääma
уедини́вшись (*дееприч.*) — üksi iseenesega jäädes

ческую действительность. Это был целый глупо-героический роман, в котором главными героями были: он сам и кровопивец Порфишка. Он сам не сознавал вполне, как глубоко залегла в нём ненависть к Порфишке. Он ненавидел его всеми помыслами, всеми внутренностями, ненавидел беспрестанно, ежеминутно. Словно живой, метался перед ним этот паскудный образ, а в ушах раздавалось слёзнолицемерное пустословие Иудушки — пустословие, в котором звучала какая-то сухая, почти отвлечённая злоба ко всему живому, не подчиняющемуся кодексу, созданному преданием лицемерия. Павел Владимирыч пил и припоминал. Припоминал все обиды и унижения, которые ему приходилось вытерпеть благодаря претензии Иудушки на главенство в доме. В особенности же припоминал раздел имения, рассчитывал каждую копейку, сравнивал каждый клочок земли — и ненавидел. В разгорячённом вином воображении создавались целые

сознавать (-наю, -наешь) — täiesti teadma, tundma, teadlik olema
вполне — täiesti
внутренность — sisemus
беспрестанно — lakkamatult
метаться (-аюсь, -аешься) — vilgatlema
паскудный — jälk
раздаваться (-даюсь, -даешься) — kostma
слёзнолицемерный — silmakirjalikult nutukas
пустословие — sõnakõlksutamine
звучать (-чу, -чишь) — kostma, kõlama
отвлечённый — abstraktne
злоба — viha
не подчиняющийся (*прич.*) — alistamatu
созданный (*прич.*) — loodud
предание — pärimus, traditsioon, legend
лицемерие — silmakirjalikkus
припоминать (-наю, -наешь) — meelde tuletama, meenutama
обида — ülekohus
унижение — alandus
претензия — pretensioon
главенство — pealikuks-olemine, ülemvõim
сравнивать (-ваю, -ваешь) — võrdlema
разгорячённый — kuumaks aetud, erutatud
воображение — kujutlusvõime, fantaasia

драмы, в которых вмеща́лись все обиды и в которых оби́дчиком являлся уже он, а не Иудушка. То будто вы́играл он двести тысяч и приезжа́ет сообщить об этом Порфишке (целая сцена с разговорами), у которого от за́висти даже перекоси́ло лицо. То будто умер дедушка (опять сцена с разговорами, хотя никакого дедушки не было), ему оставил миллио́н, а Порфишке-кровопивцу — шиш. То будто он изобрёл сре́дство делаться невиди́мкой и через это получил возмо́жность твори́ть Порфишке такие па́кости, от которых тот начинает стона́ть. В изобретении этих прока́з он был неистощи́м, и долго нелёпый хохо́т оглаша́л антресоли, к удово́льствию Улитушки, спеши́вшей уве́домить о происходя́щем братца Порфирия Владимирыча.

Он ненавидел Иудушку и в то же время боялся его. Он знал, что глаза Иудушки источа́ют чару́ющий яд, что голос его, словно змей, заполза́ет в душу и парализу́ет волю человека. Поэтому он реши́тельно отказа́лся от сви-

---

вмеща́ться (-ща́юсь, -ща́ешься) — mahtuma
оби́дчик — kiusaja, solvaja, ülekohtutegija
вы́играть* (*буд.* -аю, -аешь) — võitma
за́висть — kadedus
от за́висти — kadedusest
перекоси́ть* (*буд.* -кошу́, -ко́сишь) — kõverduma
шиш — „pikk nina“
изобрести́* (*буд.* -ретý, -ретёшь) — leiutama
сре́дство — vahend
невиди́мка — nähtamatu
твори́ть (-рю́, -ри́шь) — looma, tegema
па́кость (*ж. р.*) — pahandus
прока́за — vemp
неистощи́м (*прич.*) — ammutamatu
нелёпый — rumal
хохо́т — naer (laginal)
оглаша́ть (-ша́ю, -ша́ешь) — *siin:* rõkkama panema
уве́домить* (-домлю́, -домишь) — teatama
происходя́щий (*прич.*) — toimuv
источа́ть (-ча́ю, -ча́ешь) — eritama
чару́ющий (*прич.*) — nõiduv, võluv
яд — mürk
змей — madu
заполза́ть (-за́ю, -за́ешь) — roomama
отказа́ться * (*буд.* -жу́сь, -жешься) — keelduma, loobuma

да́ния с ним. Иногда кровопивец приезжал в Дубровино, чтобы поцелова́ть ручку у доброго друга маменьки (он выгнал её из дома, но почти́тельности не прекраща́л), — тогда Павел Владимирыч запирал антресоли на ключ и сидел взаперти́ всё время, покуда Иудушка каля́кал с маменькой.

Таким образом шли дни за днями, покуда, наконец, Павел Владимирыч не очути́лся лицом к лицу с сме́ртным не́дугом.

Доктор переночева́л „для формы“ и на другой день рано утром уехал в город. Оставля́я Дубровино, он вы́сказал прямо, что больному остаётся жить не больше двух дней и что теперь поздно думать о каких-нибудь „распоряже́ниях“, потому что он и фамилии путём подписать не может.

— Подпи́шет он вам „обмокни́“[1] — потом и судом, пожалуй, не разде́лаетесь, — прибавил он. — Ведь Иудушка хоть и очень маменьку уважает, а дело о подло́ге всё-

[1] „*Подпишет он вам „обмокни“*. — Салтыков имеет в виду слова помещика Бурдюко́ва из драматического отрывка Гоголя „Тяжба“. Бурдюков жалуется чиновнику-секретарю, что его тётушка, умирая и плохо владея рукой, нацарапала вместо слова „Евдокия“ — „обмокни“.

свида́ние — kohtumine
прекраща́ть (-ща́ю, -ща́ешь) — katkestama
взаперти́ — lukustatud ukse taga, suletuna
каля́кать (*народное*) (-каю, -каешь) — rääkima, vadistama
очути́ться (очущу́сь, очу́тишься) — osutuma
сме́ртный — surmav
не́дуг — haigus
путём — teel, nagu kord ja kohus
обмокну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — sisse kastma
обмокни́ (*повелит.*) — kasta sisse
пожа́луй — küllap, vist
разде́латься* (*буд.* -лаюсь, -лаешься) — toime tulema
подло́г — võltsimine

таки начнёт, и ежели по закону мамашеньку в места не столь отдалённые ушлю́т, так ведь он только моле́бен в путь ше́ствующим отслу́жит!

Арина Петровна целое утро ходила, как в отупе́нии. Попро́бовала было встать на моли́тву — не внуши́т ли что бог? — но и молитва на ум не шла, даже язык както не слушался. Начнёт: *„Поми́луй мя, боже, по вели́цей милости твое́й“* — и вдруг, сама не знает как, съе́дет на *лука́вого*. „Очи́сти“! „очисти“! — машина́льно лепе́чет язык, а мысль так и летает: то на антресоли загля́нет, то на погреб зайдёт („сколько добра́ по осени было — всё растащи́ли!“), то начнёт что-то припомина́ть — далёкое-далёкое. Всё су́мерки какие-то, и в этих сумерках люди, много людей, и все они копо́шутся, стара́ются, припаса́ют. *Блаже́н муж... блажен муж... я́ко кади́ло... научи́ мя... научи мя...* Но вот и язык мало-помалу смяк, глаза смот-

---

не столь отдалённый — mitte just kõige kaugem

усла́ть* (*буд.* ушлю́, ушлёшь) — ära saatma

моле́бен — palvus, palvejumalateenistus

ше́ствующий (*прич.*) — teekonnale minev

отупе́ние — nürimeelsus

попро́бовать* (*буд.* -бую, -буешь) — püüdma, proovima

внуши́ть* (*буд.* -шу́, -ши́шь) — sisendama, manitsema, õpetama

поми́ловать* (*буд.* -лую, -луешь) — halastama, armu andma

мя (*слав.*) = меня́

бо́же — oh jumal!

вели́ций (*слав.*) = вели́кий

отры́вок — katkend

тя́жба — tsiviilkohtuasi, hagi

лука́вый (*церковное*) — vanakuri, paharet

очи́сти (*повел.*) — puhasta

машина́льно — masinlikult

лепета́ть (лепечу́, лепе́чешь) — lalisema, lällutama

растащи́ть* (*буд.* -щу́, -щишь) — laiali tassima

су́мерки (*множ.*) — videvik

копоши́ться (-шу́сь, -ши́шься) — kohmima, askeldama

стара́ться (-ра́юсь, -ра́ешься) — vaeva nägema, püüdma

блаже́н (*прич. кратк.*) — õnnis

я́ко (*слав.*) = как

смя́кнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — pehmuma, pehmenema

рят на образа́ и не видят; рот раскрыт широко, руки сло́жены на поясе, и вся она стоит неподви́жно, словно засты́ла.

Наконец, она села и запла́кала. Слёзы так и лились из поту́хших глаз по ста́рческим, засо́хшим щека́м, заде́рживаясь в углубле́ниях морщи́н и ка́пая на зама́сленный во́рот старой си́тцевой блу́зы. Это было что-то горькое, полное безнадёжности и, вместе с тем, бесси́льно-стропти́вое. И старость, и не́мощи, и беспо́мощность положе́ния — всё, казалось, призыва́ло её к смерти, как к еди́нственному примиря́ющему исхо́ду; но, в то же время, заме́шивалось и прошлое с его вла́стностью, дово́льством и просто́ром, и воспомина́ния этого про́шлого так и впива́лись в неё, так и притя́гивали её к земле. „Умереть бы!“ мелька́ло в её голове, а через мгнове́нье то же слово сменя́лось другим: „пожи́ть бы!“ Она не вспомина́ла ни об Иудушке, ни об умира́ющем сыне — оба они словно перестали существова́ть для неё. Ни о ком она не думала, ни на кого не

засты́ть* (-ты́ну, -ты́нешь) — tarduma
поту́хший (*прич.*) — kustunud
ста́рческий — rauga-
засо́хший — kuivetanud
заде́рживаться (-ваюсь, -ва́ешься) — peatuma
углубле́ние — uure
морщи́на — korts
ка́пать (-аю, -аешь) — tilkuma
зама́сленный (*прич.*) — võidunud
во́рот — krae
безнадёжность — lootusetus
бесси́льно-стропти́вый — jõuetult-kangekaelne
не́мощь (*ж. р.*) — jõuetus
беспо́мощность — abitus
призыва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — kutsuma
примиря́ющий (*прич.*) — lepitav
исхо́д — väljapääs
заме́шиваться (-ваюсь, -ва́ешься) — vahele segama
вла́стность (*ж. р.*) — võimsus
дово́льство — küllus
просто́р — avarus
впива́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — sügavale sisse tungima
притя́гивать (-ваю, -ваешь) — oma poole kiskuma, ligi tõmbama
сменя́ться (-ня́юсь, -ня́ешься) — asenduma

негодова́ла, никого не обвиня́ла; она даже забыла, есть ли у неё капитал и доста́точен ли он, чтоб обеспе́чить её старость. Тоска́, смертная тоска охвати́ла всё её существо. То́шно! го́рько! — вот еди́нственное объясне́ние, которое она могла бы дать своим слеза́м. Эти слёзы пришли издалека́; капля по капле копи́лись они с той самой минуты, как она выехала из Головлёва и поселилась в Дубровине. Ко всему, что́ теперь предстоя́ло, она была уж приготовлена, всё она ожида́ла и предви́дела; но ей никогда как-то не представля́лось с такою я́сностью, что этому ожи́данному и предви́денному должен наступить конец. И вот теперь этот конец наступил, конец, полный тоски и безнадёжного одино́чества. Всю-то жизнь она что-то устра́ивала, над чем-то убива́лась, а ока́зывается, что убивалась над при́зраком. Всю жизнь слово „семья“ не сходило у неё с языка: во имя семьи она одних казни́ла, других награжда́ла, во имя семьи она подверга́ла себя лише́ниям, истяза́ла себя, изуро́довала всю свою жизнь — и вдруг выходит, что семьи-то именно у неё и нет!

— Господи! Да неужто ж у всех так? — верте́лось у неё в голове.

Она сидела, опершись головой на руку и обрати́в

негодова́ть (-ду́ю, -ду́ешь) — pahane olema
обвиня́ть (-ня́ю, -ня́ешь) — süüdistama
тоска́ — kurbus
то́шно — (on) tülgastav
копи́ться (-пится) — kogunema
ожи́данный (*прич.*) — oodatud
предви́денный (*прич.*) — ettenähtud
убива́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — end murega tapma
при́зрак — viirastus
подверга́ть (-га́ю, -га́ешь) — millegi alla võtma v. asetama
подверга́ть себя́ лише́ниям — puudust kannatama
истяза́ть (-за́ю, -за́ешь) — kurnama, piinama
изуро́довать* (*буд.* -дую, -дуешь — inetuks tegema, moonutama
верте́ться (-рчу́сь, -ртишься) — keerlema
обрати́в (*дееприч.*) — pööranud

обмо́ченное слезами лицо навстре́чу поднима́ющемуся солнцу, как будто говорила ему: „видь!“ Она не стонала и не кляла́, а только потихо́ньку всхли́пывала, словно захлёбывалась слеза́ми. И в то же время на душе у неё так и горело:

— Нет никого! нет никого! Нет! нет! нет!

Но вот исся́кли и слёзы. Умы́вши лицо, она без цели побрела́ в столо́вую, но тут девицы осади́ли её новыми жа́лобами, которые на этот раз показа́лись ей как-то особенно назо́йливыми.

— Что же это, ба́бушка, будет? Неужто ж мы так без ничего и оста́немся? — роптала Аннинька.

— Какой этот дядя глу́пый! — вторила ей Лю́бинька.

Около полу́дни Арина Петровна реши́лась прони́кнуть к умира́ющему сыну.

Осторо́жно, чуть ступа́я, взошла́ она по ле́стнице и о́щупью отыскала впотьма́х двери, веду́щие в комнаты. На антресолях ца́рствовали су́мерки, окна занаве́шены были зелёными што́рами, сквозь которые чуть-чуть пробива́лся свет; давно не возобновля́емая атмосфе́ра комнат

обмо́ченный (*прич.*) — märg
поднима́ющийся (*прич.*) — tõusev
видь (*повелит.*) — näe
клясть (кляну́, клянёшь) — needma
всхли́пывать (-ваю, -ваешь) — nuuksuma
захлёбываться (-ваюсь, -ваешься) — kurku tõmbama, läka(s)tama, lämbuma
исся́кнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — ära kuivama, otsa saama
осади́ть* (*буд.* -сажу́, -са́дишь) — piirama
жа́лоба — kaebus
назо́йливый — pealetükkiv
прони́кнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — sisse tungima
о́щупью — kobamisi
впотьма́х — pimedas
занаве́шенный (*прич.*) — kardinatega kinni kaetud
што́ра — kardin
пробива́ться (-ва́юсь, -ва́ешься) — läbi tungima
не возобновля́емый (*прич.*) — uuendamata, värskendamata

пропита́лась проти́вною смесью разноро́дных за́пахов, в составле́нии которой уча́ствовали и ягоды, и пла́стыри, и лампа́дное масло, и те особенные миа́змы, прису́тствие которых прямо говорит о болезни и смерти. Комнат было всего две: в первой сидела Улитушка, чистила ягоды и с ожесточе́нием сдува́ла мух, которые шумным ро́ем ви́лись над во́рохами крыжовника и наха́льно сади́лись ей на нос и на губы. Сквозь полуотворённую дверь, из соседней комнаты, не переставая, доноси́лся сухой и короткий ка́шель, от времени до времени разреша́ющийся мучи́тельной экспекторацией[1]. Арина Петровна останови́лась в нереши́тельной позе, вгля́дываясь в сумерки и как бы выжида́я, что предпри́мет Улитушка ввиду́ её прихода. Но Улитушка даже не шевельну́лась, словно была уж слишком уве́рена, что всякая попы́тка поде́йствовать на больно́го останется беспло́дною. Только серди́тое движе-

[1] *Экспекторация* — отхаркивание.

пропита́ться* (*буд.* -та́юсь, -та́ешься) — läbi imbuma
проти́вный — vastik
смесь (*ж. р.*) — segu
разноро́дный — mitmesugune
ожесточе́ние — ägedus
сдува́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — ära v. maha puhuma
рой — parv
виться (вьюсь, вьёшься) — keerlema
во́рох — kuhi
наха́льно — jultunult
не переставая — lakkamatult
ка́шель (*м. р.*) — köha
разреша́ющийся (*прич.*) — lahendatav
мучи́тельный — piinarikas
нереши́тельный — kõhklev
вгля́дываться (-ваюсь, -ваешься) — piiluma
вгля́дываясь (*дееприч.*) — piiludes
выжида́ть (-да́ю, -да́ешь) — ootama
выжида́я (*дееприч.*) — oodates
предприня́ть (*буд.* -приму́, -при́мешь) — ette võtma
ввиду́ — puhul
уве́рена — (*прич.*) — (on) kindel
попы́тка — katse
поде́йствовать* (*буд.* -вую, -вуешь) — mõjuma
беспло́дный — viljatu

ние скользну́ло по её губам, и Арине Петровне послы́шалось произноси́мое шо́потом слово: „чорт“!

— Ты бы, голу́бушка, вни́з пошла! — обрати́лась Арина Петровна к Улитушке.

— Это ещё что за но́вости? — огрызну́лась последняя.

— Мне с Павлом Владимирычем говорить нужно. Ступай!

— Поми́луйте, суда́рыня! Как же я их оставлю? А ежели что вдруг случится — ни пода́ть, ни приня́ть.

— Что там? — разда́лось глухо из спа́льной.

— Прикажи, мой друг, Улите уйти. Мне с тобой перегово́рить нужно.

На этот раз Арина Петровна де́йствовала настолько насто́йчиво, что оста́лась победи́тельницей. Она перекрести́лась и вошла в ко́мнату. Около вну́тренней стены, подальше от окон, стояла постель больного. Он лежал на спине, покры́тый белым одеялом, и почти бессозна́тельно дымил папиро́ской. Несмотря на табачный дым, мухи с каким-то ожесточе́нием налета́ли на него, так что он беспреста́нно то той, то другой рукой проводи́л около лица. Это были руки до такой степени бесси́льные, лишённые му́скулов, что ясно представляли очерта́ния кости, почти одина́ково узкой, от ки́сти до плеча. Голова его как-то безнадёжно прильну́ла к поду́шке; лицо и всё тело

скользну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — libisema

произноси́мый (*прич.*) — lausutav

огрызну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нёшься) — hambaid näitama, jämedalt vastu urisema, vastu nähva(ta)ma

ступа́й (*повел.*) — mine

ни пода́ть, ни приня́ть — pole andjat ega võtjat

бессозна́тельно — meelemärkuseta

лишённые му́скулов — ilma muskliteta

очерта́ние — piirjoon

кость — kont, luu

одина́ково — ühetaoliselt

кисть — ranne

прильну́ть* (*буд.* -ну́ -нёшь) — liibuma

горели в сухом жару. Большие, круглые глаза ввали́лись и смотрели беспредме́тно, как-бы чего-то искали; нос вы́тянулся и заостри́лся, рот был полуоткры́т. Он не ка́шлял, но дышал с такой силой, что, казалось, вся жи́зненная эне́ргия сосредото́чилась в его груди́.

— Ну, что? Как ты сего́дня себя чу́вствуешь? — спроси́ла Арина Петро́вна, опуска́ясь в кресло у его ног.

— Ничего... завтра... то-бишь, сегодня... когда это лекарь у нас был?

— Сегодня был лекарь.

— Ну, значит, завтра...

Больной замета́лся, как бы си́лясь припо́мнить слово.

— Встать можно будет? — подсказа́ла Арина Петровна, — дай бог, мой друг, дай бог!

Оба замо́лкли на минуту. Арине Петровне хотелось сказать что-то, но для того, чтоб сказать, нужно было разгова́ривать. Вот этого-то именно разговора и не могла она никогда найти, когда была с гла́зу на глаз с Павлом Владимирычем.

— Иудушка... живёт? — спросил, наконец, сам больной.

— Что́ ему де́лается! живёт да пожива́ет.

— Чай, думает: вот братец Павел умрёт — и ещё, по милости божией, име́ньице мне доста́нется!

— И все когда-нибудь умрём, и после всех именья пойдут... зако́нным насле́дникам...

ввали́ться* (*буд.* -лю́сь, -лишься) — sisse vajuma
беспредме́тно — sihitult
сосредото́читься* (*буд.* -то́чусь, -то́чишься) — keskenduma
опуска́ться (-а́юсь, -а́ешься) — laskuma
то-бишь — või...
замета́ться* (*буд.* -чу́сь, -чешься) — vähkrema hakkama
си́лясь (*дееприч.*) — pingutades
подсказа́ть* (*буд.* -жу́, -жешь) — ette ütlema

— Только не кровопивцу. Собакам выброшу, а не ему!

Случай выходил отли́чный: сам Павел Владимирыч заговаривал. Арина Петровна не премину́ла воспользоваться этим.

— Надо бы подумать об этом, мой друг! — сказала она словно мимохо́дом, не глядя на сына и рассма́тривая на свет руки, точно они составля́ли в эту минуту главный предмет её внима́ния.

— Об чём, „об этом“?

— А вот хоть бы насчёт того, если ты не жела́ешь, чтоб брату именье твоё оста́лось...

Больной молчал. Только глаза его неесте́ственно расши́рились, и лицо всё больше и больше рде́ло.

— Можно бы, друг мой, и то в соображе́ние взять, что у тебя племя́нницы си́роты есть — какой у них капитал? Ну, и мать тоже... — продолжала Арина Петровна.

— Всё Иудушке спусти́ть успели?

— Ка́к бы то ни было... знаю, что сама винова́та... Да ведь и не бог знает, какой грех... Думала тоже, что сын... Да и тебе бы можно не попо́мнить этого матери.

Молчание.

— Что же! Скажи хоть что-нибудь!

не премину́ть* (*буд.* -ну́, -нешь) — mitte jätma

воспо́льзоваться* (*буд.* -зуюсь, -зуешься) — kasutama

мимохо́дом — möödaminnes

составля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — moodustama

внима́ние — tähelepanu

неесте́ственно — ebaloomulikult

рдеть (рде́ю, рде́ешь) — punetama

в соображе́ние взять — arvesse võtma

спусти́ть* (*буд.* -щу́, -тишь) — raiskama, pillama, viskama

попо́мнить* (*буд.* -ню, -нишь) — meelde tuletama

— А вы как скоро сбира́етесь меня хоронить?

— Не хоронить, а всё-таки... И про́чие христиа́не... Не все сейчас умирают, а вообще...

— То-то „вообще“! Вы всегда „вообще“! Думаете, что я и не вижу!

— Что же ты видишь, мой друг?

— А то и вижу, что вы меня за дурака счита́ете! Ну, и поло́жим, что я дурак, и пусть буду дурак! Зачем же прихо́дите к дураку? И не приходи́те, и не беспоко́йтесь!

— Я и не беспоко́юсь; я только вообще... что всякому человеку преде́л жизни поло́жен...

— Ну, и ждите!

Арина Петровпа пону́рила голову и разду́мывала. Она очень хорошо видела, что дело её стоит плохо, но безнадёжность бу́дущего до того терза́ла её, что даже очеви́дность не могла убеди́ть в беспло́дности дальне́йших попы́ток.

— Не знаю, за что ты меня ненави́дишь! — произнесла́ она, наконец.

— Нисколько... я вас... нисколько! Я даже очень... Помилуйте! Вы нас так вели... всех ровно!

Он говорил это поры́висто, захлёбываясь; в звуках голоса слы́шался какой-то надо́рванный и в то же время

сбира́ться = собира́ться
про́чие = други́е
христиани́н (*множ.* христиа́не) — ristiinimene
поло́жим — oletame
преде́л — piir
пону́рить* (*буд.* -ну́рю, -ну́ришь) — norgu laskma
терза́ть (-за́ю, -за́ешь) — piinama
очеви́дность (*ж. р.*) — silmanähtavus
убеди́ть* (*буд.* убежду́, убеди́шь) — veenma
беспло́дность — viljatus
дальне́йший — edasine
произнести́* (*буд.* -несу́, -несёшь) — lausuma
поры́висто — hooti
надо́рванный — kärisev

торжеству́ющий хо́хот; в глазах по́казались и́скры; плечи и ноги беспокойно вздра́гивали.

— Может, и я в самом деле чем-нибудь провини́лась, так уж прости, Христа́ ра́ди!

Арина Петровна встала и поклони́лась, косну́вшись рукой до земли. Павел Владимирыч закрыл глаза и не отвечал.

— Поло́жим, что насчёт недви́жимости... это точно, что в тепе́решнем твоём положе́нии не́чего и думать, чтобы распоряже́ние делать... Порфирий — зако́нный насле́дник; ну, пускай ему недви́жимость и достаётся. А движимость, а капита́л как? — решилась прямо объясниться Арина Петровна.

Павел Владимирыч вздро́гнул, но молчал. Очень возможно, что при слове „капитал" он совсем не об инсинуа́циях[1] Арины Петровны помышля́л, а просто ему поду́малось: „вот и сентябрь на дворе, проценты получать надобно... шестьдесят семь тысяч шестьсот на пять помно́жить, да на два потом разделить — сколько это будет?"

— Ты, может быть, думаешь, что я смерти твоей желаю, так разуве́рься, мой друг! Ты только живи, а мне, ста-

[1] *Инсинуация* — порочащий намёк; умышленное искажение мыслей противника с целью повредить ему.

торжеству́ющий — võidurõõmus
и́скра — säde
вздра́гивать (-ваю, -ваешь) — tõmblema, võpatama
провини́ться * (*буд.* -ню́сь, -ни́шься) — süüdi olema
Христа́ ра́ди — Kristuse nimel
поклони́ться * (*буд.* -ню́сь, -ни́шься) — kummardama
косну́вшись (*дееприч.*) — puudutades
тепе́решний — praegune
дви́жимость — vallasvara
инсинуа́ция — insinuatsioon — häbistav vihje, sihilik vastase mõtete moonutamine temale kahjutegemise eesmärgil
помно́жить * (*буд.* -жу, -жишь) — korrutama
разуве́риться * (*буд.* -ве́рюсь, -ве́ришься) — vastupidist uskuma hakkama
разуве́рься (*повел.*) — loobu seda uskumast

рухе, и го́рюшка мало! Что мне! Мне и тёпленько, и сы́тенько у тебя, и даже ежели из сла́денького чего-нибудь захо́чется — всё у меня есть! А только насчёт того говорю, что у христиан обы́чай такой есть, чтобы в ожида́нии предбу́дущей жизни...

Арина Петровна останови́лась, словно искала подходя́щего слова.

— При́сных[1] своих обеспе́чивать, — доко́нчила она, смотря в окно.

Павел Владимирыч лежал неподви́жно и потихоньку отка́шливался, ни одним движе́нием не выка́зывая, слушает он или нет. Пови́димому, причита́ния матери надое́ли ему.

— Капитал-то можно бы при жизни из рук в руки передать, — молвила Арина Петровна, как бы вскользь бросая предположе́ние и вновь принима́ясь рассма́тривать на свет свои руки.

Больной чуть-чуть дро́гнул, но Арина Петровна не заме́тила этого и продолжа́ла:

— Капитал, мой друг, и по закону к перемеще́нию допуска́ется. Потому это — вещь наживна́я: вчера он

[1] *Присные* — близкие.

тёпленько (*уменьш.*) = тепло
сы́тенько (*уменьш.*) = сы́тно
сла́денький (*уменьш.*) = сла́дкий
обы́чай — komme
предбу́дущий — tulevane
подходя́щий — sobiv
при́сные (*слав., множ.*) — omaksed
неподви́жно — liikumatult
отка́шливаться (-ваюсь, -ваешься) — köhatama
выка́зывать (-ваю, -ваешь) — näitama
причита́ние — halisemine
надое́сть* (-дое́м, -дое́шь, -дое́ст) — tüütama
вскользь — möödaminnes
предположе́ние — arvamus
принима́ться (-нима́юсь, -нима́ешься) — algama, hakkama
дро́гнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — võpatama
перемеще́ние — ümberpaigutamine
допуска́ть (-ка́ю, -ка́ешь) — lubama
наживно́й — teenitud

был, сегодня — нет его. И никто в нём отчёта не может спрашивать — кому хочу, тому и отдаю.

Павел Владимирыч вдруг как-то зло засмеялся.

— Палочкина историю, должно быть, вспомнили! — зашипел он. — Тот тоже из рук в руки жене капитал отдал, а она с любовником убежала!

— У меня, мой друг, любовников нет!

— Так без любовника убежите... с капиталом!

— Как ты, однако, меня понимаешь!

— Никак я вас не понимаю... Вы на весь свет меня дураком прославили, — ну, и дурак я! И пусть буду дурак! Смотрите, какие штуки-фигуры придумали — капитал им из рук в руки передай! А сам что? — в монастырь, что ли, прикажете мне спасаться итти, да оттуда глядеть, как вы моим капиталом распоряжаться будете?

Он выговорил всё это залпом, злобствуя и волнуясь, и затем совсем изнемог. В продолжение, по крайней мере, четверти часа после того, он кашлял во всю мочь, так что было даже удивительно, что этот жалкий человеческий остов еще заключает в себе столько силы. Наконец, он отдышался и закрыл глаза.

зашипе́ть* (*буд.* -шиплю́, -шипи́шь) — sisisema
любо́вник — armuke
просла́вить* (*буд.* -влю, -вишь) — kuulsaks tegema
шту́ки-фигу́ры — vembud-vigurid
монасты́рь (*м. р.*) — klooster
спаса́ться (-са́юсь, -са́ешься) — ennast päästma
за́лпом — ühe hooga
зло́бствовать (-вую, -вуешь) — vihastuma
зло́бствуя (*дееприч.*) — vihasena, olles vihane
волнова́ться (-ну́юсь, -ну́ешься) — erutuma
волну́ясь (*дееприч.*) — erutatuna, olles erutatud
изнемога́ть (-га́ю, -га́ешь) — nõrkema
по кра́йней ме́ре — vähemalt
во всю мочь — kõigest väest
жа́лкий — armetu
о́стов — luukere
заключа́ть (-ча́ю, -ча́ешь) — sisaldama
отдыша́ться* (*буд.* -шу́сь, -шешься) — hinge tagasi tõmbama

Арина Петровна потéрянно огля́дывалась кругом. До сих пор ей всё как-то не ве́рилось — теперь она оконча́тельно убеди́лась, что всякая новая попы́тка убедить умира́ющего может только прибли́зить день торжества́ Иудушки. Иудушка так и мелькал перед её глазами. Вот он идёт за гробом, вот отдаёт брату последнее Иудино лобза́ние, и две паску́дные слези́нки вытекли из его глаз. Вот и гроб опусти́ли в землю; „прррощай, брат!“ восклица́ет Иудушка, подёргивая губами, зака́тывая глаза и стараясь придать своему го́лосу ноту го́рести, и вслед затем обраща́ется в полоборо́та к Улитушке и говорит: кутью́-то, кутью-то не забу́дьте в дом взять! да на чи́стенькую ска́тертцу поста́вьте... братца опять в доме помяну́ть! Вот ко́нчился и поминáльный обед, во время которого Иудушка без устали говорит с ба́тюшкой об добродéтелях поко́йного и встреча́ет со стороны батюшки полное подтвержде́ние этих похва́л. „Ах, брат! брат! не захотел ты с нами пожить!“ — восклица́ет он, выходя

потéрянно — segaselt
огля́дываться (-ваюсь, -ваешься) — ümber vaatama
убеди́ться* (*буд.* -ди́шься, -ди́тся) — veenduma
прибли́зить* (*буд.* -ли́жу, -зишь) — lähendama
торжество́ — pidulikkus, võidurõõm
день торжества́ — võidurõõmu päev
лобза́ние — suudlus
паску́дный — võigas
слези́нка (*уменьш.*) = слеза́
подёргивать (-ваю, -ваешь) — väristama
зака́тывать глаза́ — silmi pööritama
го́ресть (*ж. р.*) — kurbus, kibedus
вслед — seejärel
в полоборо́та — poolenisti
кутья́ — kutjaa — peieroog: riisipuder rosinatega
чи́стенький (*уменьш.*) = чистый
ска́терца (*уменьш.*) = ска́терть (*ж. р.*) — laudlina
помяну́ть* (*буд.* -ну́, -нешь) — mälestama
поминáльный обе́д — peiede söömaaeg
ба́тюшка — isake; vaimulik
добродéтель (*ж. р.*) — voorus
подтвержде́ние — kinnitus
похвала́ — kiitus

из-за стола и протя́гивая руку ладо́нью вверх под благослове́ние батюшки. Вот, наконец, все, слава богу, нае́лись и даже вы́спались после обеда; Иудушка расха́живает хозяином по комнатам дома, принима́ет вещи, зано́сит в о́пись и по времена́м подозри́тельно взгля́дывает на мать, ежели в чём-нибудь встреча́ет сомне́ние.

Все эти неизбе́жные сцены бу́дущего так и мета́лись перед глазами Арины Петровны. И как живой, звенел в её ушах масляни́сто-пронзи́тельный голос Иудушки, обращённый к ней:

— А помните, маменька, у брата золо́тенькие за́поночки были... хоро́шенькие такие, ещё он их по праздникам надевал... и куда только эти за́поночки дева́лись — ума приложи́ть не могу!

Не успела Арина Петровна сойти́ вниз, как на бугре́ у Дубровинской церкви показалась коля́ска, запряжённая четвернёй. В коляске, на почётном месте, восседа́л Пор-

---

протя́гивать (-ваю, -ваешь) — sirutama
ладо́нью вверх — peopesa ülespoole
благослове́ние — õnnistus
нае́сться* (*буд.* нае́мся, нае́шься) — täis sööma
вы́спаться* (*буд.* -сплюсь, -спишься) — välja magama
расха́живать (-ваю, -ваешь) — kõndima
заноси́ть (-ношу́, -но́сишь) — sisse kandma
о́пись (*ж. р.*) — nimekiri
подозри́тельно — umbusklikult
сомне́ние — kahtlus
неизбе́жный — vältimatu
масляни́сто-пронзи́тельный — õline-läbilõikav
золо́тенький (*уменьш.*) = золото́й
за́поночка (*уменьш.*) = за́понка — mansetinööp
хоро́шенький — ilus, kena
дева́ться (дева́ешься, дева́ется) — jääma, kaduma
ума́ не приложу́ — ei saa aru, ei suuda aru saada
сойти́* (*буд.* сойду́, сойдёшь) — alla minema
бугро́р (*род.* бугра́) — küngas
коля́ска — tõld
четвернёй — neljahobuse-
запряжённый (*прич.*) — rakendatud
почётное ме́сто — aukoht
восседа́ть = сиде́ть

фирий Головлёв без шапки и крестился на церковь; против него сидели два его сына, Пе́тенька и Воло́денька. У Арины Петровны так и захолону́ло сердце. „Почу́яла Лиса́ Патрике́евна, что мертвечи́ной па́хнет! — поду́малось ей. Девицы тоже стру́сили и как-то беспо́мощно жа́лись к бабушке. В доме, до сих пор тихом, вдруг подня́лась трево́га: захло́пали двери, забегали люди, раздались крики: „Барин едет, барин едет!“ — и всё населе́ние уса́дьбы разом вы́сыпало на крыльцо́. Одни крести́лись, другие просто стояли в выжида́тельном положе́нии, но все, очеви́дно, сознава́ли, что то, что до сих пор происходи́ло в Дубровине, было лишь вре́менное, что только теперь наступа́ет настоя́щее, запра́вское с заправским хозяином во главе. Многим из старых, заслужённых дворо́вых выдава́лась при „прежнем“ барине ме́сячина; многие держали коров на барском сене, имели огороды и вообще жили „свободно“, всех, есте́ственно, интересовал вопрос, оставит ли „новый“ барин старые поря́дки, или заме́нит их новыми, головлёвскими.

захолону́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — külmaks lööma
почу́ять* (*буд.* -чу́ю, -чу́ешь) — tundma, haistma
Лиса́ Патрике́евна — Reinuvader Rebane
мертвечи́на — raibe
па́хнуть (-ну, -нешь) — lõhnama
стру́сить* (*буд.* стру́шу, -сишь) — kartma lööma
жа́ться (жму́сь, жмёшься) — vastu suruma
трево́га — häire, rahutus
захло́пать* (*буд.* -паю, -паешь) — paukuma, kinni lööma (ust)
высыпа́ть (-па́ю, -па́ешь) — välja puistama, paiskuma
крыльцо́ — välistrepp
выжида́тельный — äraootav
положе́ние — hoiak
сознава́ть (-наю́, -наёшь) — tundma, teadlik olema
вре́менный — ajutine
наступа́ть (-па́ю, -па́ешь) — saabuma, algama
настоя́щий — tõeline
запра́вский — tõsine, ehtne
заслужённый (*прич.*) — teeneline
ме́сячина — kuumoon
есте́ственно — loomulikult
заменя́ть* (*буд.* -меня́, -ме́нишь) — asendama

Иудушка, между тем, подъехал и по сде́ланной ему встрече уже заключи́л, что в Дубровине дело идёт к концу. Не торопя́сь вышел он из коляски, замаха́л руками на дворовых, бро́сившихся барину к ручке, потом сложил обе руки ладо́нями внутрь и начал ме́дленно взбира́ться по лестнице, шопотом произнося́ молитву. Лицо его в одно и то же время выража́ло и скорбь, и твёрдую поко́рность. Как человек — он скорбел; как христианин — роптать не осме́ливался. Он молился „о ниспосла́нии", но больше всего упова́л и покоря́лся воле прови́дения. Сыновья, в паре, шли сзади него. Воло́денька передра́знивал отца, т. е. скла́дывал руки, закатывал глаза и шевели́л губами; Пе́тенька наслажда́лся представле́нием, которое давал брат. За ними безмо́лвной гурьбо́й следовал корте́ж дворовых.

Иуду́шка поцеловал маменьку в ручку, потом в губы, потом опять в ручку, потом потрепа́л милого друга за талию и, грустно покачав головою, произнёс:

— А вы всё уныва́ете? Нехорошо это, друг мой, ох, как нехорошо! А вы бы спросили себя: что, мол, бог

заключи́ть* (*буд.* -чу́, -чи́шь) — järeldama
ладо́нями внутрь — peopesad vastamisi
взбира́ться (-ра́юсь, -ра́ешься) — üles ronima
выража́ть (-жа́ю, -жа́ешь) — avaldama
скорбь — kurbus
поко́рность — alistumine
осме́ливаться (-ваюсь, -ваешься) — julgema
ниспосла́ние — taeva läkitus
упова́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — lootma
прови́дение — providents, jumala ettenägelikkus
передра́знивать (-ваю, -ваешь) — järele ahvima
наслажда́ться (-да́юсь, -да́ешься) — nautima, mõnulema
представле́ние — etendus
безмо́лвный — hääletu
гурьба́ — parv
корте́ж — saatja-rong, ausaade
потрепа́ть* (*буд.* -плю́, -плешь) — patsutama
уныва́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — norutama

на это скажет? Скажет: вот я в премýдрости своей всё к лучшему устрóю, а она ропщет! Ах, маменька, маменька!

Потом перецеловал обеих племя́нниц и с тою же плени́тельною родственностью в голосе сказал:

— И вы, стрекóзы, туда же в слёзы! Чтоб у меня этого не было! Извóльте сейчас улыбаться — и дело с концом!

И он затóпал на них ногами или, лучше сказать, делал вид, что тóпает, но в сущности только благосклóнно шутил.

— Посмотрите на меня, — продолжал он, — как брат — я скорблю! Не раз, может быть, и всплакнýл... Жаль брата, очень, даже до слёз жаль... Всплакнёшь, да и опóмнишься: а бог-то на что? Неужто бог хуже нашего знает, как и что? Поразмы́слишь э́так — и ободри́шься. Так-то и всем поступать надо! И вам, маменька, и вам, племя́ннушки, и вам... всем! — обрати́лся он к прислуге. — Посмотри́те на меня, каким я молодцóм хожу!

И он с тою же плени́тельностью представил из себя „молодца“, то-есть вы́прямился, отста́вил одну ногу, вы́-

---

премýдрость — ülim tarkus
плени́тельный — kütkestav
рóдственность — sugulus
стрекоза́ — kiil
извóлить* (*буд.* -вóлю, -вóлишь) — suvatsema
извóльте (*повел.*) — suvatsege
затóпать* (*буд.* -паю, -паешь) — jalgu põrutama, trampima
в сýщности — tegelikult
благосклóнно — heatahtlikult
всплакнýть* (*буд.* -нý, -нёшь) — nutma, nuuksuma
опóмниться* (*буд.* -нюсь, -нишься) — mõistust pähe võtma, toibuma
поразмы́слить* (*буд.* -лю, -лишь) — järele mõtlema
ободри́ться* (*буд.* -рю́сь, -ри́шься) — reipaks muutuma
вы́прямиться* (*буд.* -люсь, -мишься) — ennast sirgu ajama
отста́вить* (*буд.* -та́влю, -та́вишь) — eemale asetama

пятил грудь и откúнул назад голову. Все улыбнулись, но кисло как-то, словно всякий говорил себе: „Ну, пошёл теперь паýк паутúну ткать!“

Окончив представление в зале, Иудушка перешёл в гостúную и вновь поцеловал у маменьки ручку.

— Так тáк-то, милый друг маменька! — сказал он, усáживаясь на диван, — вот и брат Павел...

— Да, и Павел... — потихóньку отозвáлась Арина Петровна.

— Да, да, да... раненько бы! раненько! Ведь я, маменька, хотя бодрúсь, а в душе тоже... очень, очень об брате скорблю! Не любил меня брат, крепко не любил — может, за это бог и посылает ему!

— В э́такую минуту можно бы и забыть про это! Старые-то дрáзги оставить надо...

— Я, маменька, давно позабыл! Я только к слову говорю: не любил меня брат, а за что — не знáю! Уж я ли, кажется... и так, и сяк, и прямо, и стороной, и „голýбчик“, и „братец“ — пя́тится от меня, да и шабаш! Ан бог-то взял, да невúдимо к своему предéлу и приурóчил!

— Говорю тебе: нéчего поминать об этом! Человек на лáдан уж дышит!

вы́пятить* (*буд.* -пячу, -тишь) — (rinda) ette ajama
откúнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — eemale viskama, (pead) selga viskama
паýк — ämblik
паутúна — ämblikuvõrk
ткать (тку, ткёшь) — kuduma
усáживаться = садиться
усáживаясь — istudes
потихóньку = тúхо
отозвáться* (*буд.* -зовýсь, -вёшься) — vastu hüüdma, kostma
раненько = рáно
дрáзги (*множ.*) — nääklused
и так и сяк — nii ja teisiti
пя́титься (пя́тишься, пя́тится) — taganema (tagurpidi)
приурóчить* (*буд.* -рóчу, -рóчишь) — tähtaega määrama
на лáдан дышáть — surmasuus olema

— Да, маменька, великая это тайна — смерть! Не ве́сте ни дня, ни часа — вот это какая тайна! Вот он всё планы планирова́л, думал — уж так высоко, так высоко стоит, что и рукой до него не доста́нешь, а бог-то разом, в одно мгнове́нье, все его мечта́ния опровёрг. Теперь бы он, может, и рад грешки́ свои поприкры́ть — ан, они уж в книге живота́ запи́саны зна́чатся. А из этой, маменька, книги, что там запи́сано, не скоро вы́скоблишь!

— Чай, раска́яние-то прие́млется!

— Желаю от души брату, желаю! Не любил он меня, а я — желаю! Я всем добра желаю: и ненави́дящим, и оби́дящим — всем! Несправедли́в он был ко мне — вот бог болезнь ему и послал, не я, а бог! И много он, маменька, страда́ет?

— Так себе... Ничего. Доктор был, даже надежду подал, — солга́ла Арина Петровна.

— Ну, вот как хорошо! Ничего, мой друг, не огорча́йтесь, может быть, и отды́шится! Мы-то здесь об нём сокруша́емся, да на созда́теля ро́пщем, а он, может быть,

---

ве́сте (*слав.*) = знаете
мечта́ние — unistamine
грешо́к (*род.* грешка) — patt
поприкры́ть* (*буд.* -кро́ю, -кро́ешь) — kinni katma
книга живота́ — elukiri
зна́читься (-чусь, -чишься) — üles märgitud olema
записаны зна́чатся — on kirja pandud
вы́скоблить* (*буд.* -коблю, -коблишь) — välja kaapima
раска́яние — patukahetsus
прие́млется (*безл.*) — võetakse vastu
ненави́дящий (*прич.*) — vihkav
оби́дящий (*прич.*) — solvav; liiga, ülekohut tegev
несправедли́вый — ebaõiglane
страда́ть (-да́ю, -да́ешь) — kannatama
солга́ть* (*буд.* -лгу́, -лжёшь) — valetama
огорча́ться (-ча́юсь, -ча́ешься) — muretsema, kurvastama
сокруша́ться (-ша́юсь, -ша́ешься) — murest muljutud olema, kurvatsema
созда́тель (*м. р.*) — looja

сидит себе тихóхонько на постéльке да бога за исцелéние благодарúт!

Эта мысль до того понравилась Иудушке, что он даже полегóньку хихúкнул.

— А я ведь к вам, маменька, погостúть приехал, — продолжал он, словно делая маменьке прия́тный сюрпри́з. — Нельзя, голубушка... поро́дственному! Нерóвен случай — всё же, как брат ... и утéшить, и посовéтовать и распоряди́ться... Ведь вы позво́лите?

— Какие я позволéния могу давать, сама здесь — гóстья!

— Ну, так вот что, голу́бушка. Так как сегодня у нас пятница, так уж вы прикажúте, если ваша такая милость будет, мне пóстненького к обеду изготовить. Рыбки там, что ли, солёненькой, грибкóв, капустки — мне ведь немно́го нужно! А я, между тем, по-родственному... на антресоли к брату поплету́сь — может быть, и успею. Не для тела, так для души что-нибудь поле́зное сделаю. А в его положéнии душа-то, пожалуй, поважнéе. Тело-то мы, маменька, микстýрками да припáрочками подправить можем, а для души лекáрства поосновáтельнее нужны́.

постéлька — ase
исцелéние — paranemine
полегóньку — kergelt
хихúкать (-каю, -каешь) — itsitama
прия́тный — meeldiv
сюрпри́з — üllatus
нерóвен слу́чай — paraku juhtub
утéшить* (*буд.* -тéшу, -тéшишь) — lohutama
посовéтовать* (*буд.* -тую, -туешь) — nõu andma
пóстненький (*уменьш.*) — paastu-
изготóвить = приготóвить
солёненький (*уменьш.*) = солёный
грибки́ (*множ. уменьш.*) = грибы́
поплести́сь* (*буд.* поплету́сь, поплетёшься) — (minema) lonkima
полéзный — kasulik
поважнéе — tähtsam
припáрка — kompress
припáрочка (*уменьш.*) = припáрка
поосновáтельнее (*сравн. степень*) — põhjalikum

Арина Петровна не возража́ла. Мысль о непредотврати́мости „конца“ до такой степени охватила всё её существо́, что она в каком-то оцепене́нии присма́тривалась и прислушивалась ко всему, что происходило кругом неё. Она видела, как Иудушка, покря́кивая, встал с дивана, как он сго́рбился, зашáркал ногами (он любил иногда притвори́ться не́мощным: ему казалось, что так почте́ннее); она понимала, что внеза́пное появление кровопивца на антресолях должно глубоко взволнова́ть больного и, может быть, даже уско́рить развя́зку; но после волне́ний этого дня на неё напа́ла такая уста́лость, что она чу́вствовала себя точно во сне.

Покуда это происходи́ло, Павел Владимирыч находился в неопи́санной тревоге. Он лежал на антресо́лях совсем один и в то же время слышал, что в доме происхо́дит какое-то необыча́йное движение. Всякое хлопанье дверьми, всякий шаг в коридо́ре отзывались чем-то таинственным. Некоторое время он звал и кричал во всю мочь, но, убедившись, что крики бесполе́зны, собрал все силы, припод-

---

возража́ть (-жа́ю, -жа́ешь) — vastu vaidlema
непредотврати́мость — vältimatus
оцепене́ние — kangestus
покря́кивать (-ваю, -ваешь) — ähkima
покря́кивая (*дееприч.*) — ähkides
сго́рбиться (*буд.* -блюсь, -бишься) — küüru tõmbuma
зашáркать* (*буд.* -каю, -каешь) — jalgu lohistama hakkama
притвори́ться (*буд.* -ворю́сь, -вори́шься) — teesklema
не́мощный — nõder
почте́ннее — auväärsem
внеза́пный — äkiline
взволнова́ть* (*буд.* -ну́ю, -ну́ешь) — erutama
уско́рить* (*буд.* -рю, -ришь) — kiirendama
развя́зка — lõpplahendus
волне́ние — rahutus
напа́сть* (*буд.* -паду́, -падёшь) — vallutama, peale tungima
неопи́санный — kirjeldamatu
необыча́йный — ebatavaline
бесполе́зный — asjatu
приподня́ться* (*буд.* -нимý сь, -ни́мешься) — end üles ajama, istukile ajama

ня́лся на постели и начал прислу́шиваться. После общей беготни́, после громкого говора голосо́в, вдруг наступила мёртвая тишина. Что-то неизве́стное, страшное обступи́ло его со всех сторон. Дневной свет сквозь опу́щенные гарди́ны лился ску́по, и так как в углу перед о́бразом те́плилась лампа́дка, то сумерки, наполня́вшие комнату, казались ещё темнее и гу́ще. В этот таи́нственный угол он и уста́вился глазами, точно в первый раз его порази́ло нечто в этой глубине. Образ в золочёном окла́де, в который непосре́дственно ударя́ли лучи лампа́дки, с какою-то изуми́тельной я́ркостью, словно что-то живое, выступал из тьмы; на потолке колеба́лся светя́щийся кружок, то вспы́хивая, то бледне́я, по мере того, как уси́ливалось или слабе́ло пламя лампадки. Внизу госпо́дствовал полусвет, на общем фоне которого дрожа́ли тени. На той же

беготня́ — jooksmine
обступи́ть* (*буд.* -плю́, -пишь) — piirama
опу́щенный (*прич.*) — allalastud
ли́ться (льёшься, льётся) — valguma
ску́по — kasinalt
те́плиться (-лишься, -лится) — nõrgalt põlema
лампа́дка — lambike
гу́ще (*сравн. степень*) — tihedam
уста́виться* (*буд.* -влюсь, -вишься) — pilku suunama
золочёный — kullatud
окла́д — kate (pühakujudel)
непосре́дственно — otseselt
ударя́ть (-ря́ю, -ря́ешь) — lööma, langema
изуми́тельный — imestusväärne
я́ркость — eredus
тьма — pimedus
колеба́ться (-блюсь, -блешься) — kõikuma
свети́ящийся (*прич.*) — helendav
вспы́хивать (-ваю, -ваешь) — hõõguma lööma
вспы́хивая — hõõguma lüües
бледне́ть (-не́ю, -не́ешь) — kahvatama, kahvatuma
бледне́я — kahvatades, kahvatudes
уси́ливаться (-ваюсь, -ваешься) — tugevnema
слабе́ть (-бе́ю, -бе́ешь) — nõrgenema
госпо́дствовать (-вую, -вуешь) — valitsema
дрожа́ть (-жу́, -жи́шь) — värisema

стене, около освещённого угла, висел халат, на котором тоже колеба́лись по́лосы света и тени, вследствие чего казалось, что он движется. Павел Владимирыч всма́тривался-всматривался, и ему почу́дилось, что там, в этом углу, всё вдруг задви́галось. Одино́чество, беспо́мощность, мёртвая тишина — и посреди этого тени, целый рой теней. Ему казалось, что эти тени идут, идут, идут... В неопи́санном у́жасе, раскрыв глаза и рот, он глядел в таинственный угол и не кричал, а стонал. Стонал глухо, порывисто, точно ла́ял. Он не слыхал ни скрипа ле́стницы, ни осторо́жного шарканья шагов в первой комнате — как вдруг у его постели выросла ненави́стная фигура Иудушки. Ему помере́щилось, что он вышел оттуда, из этой тьмы, которая сейчас в его глазах так таи́нственно шевелилась; что там есть и ещё, и ещё... тени, тени, тени без конца! Идут, идут...

— Зачем? откуда? кто пустил? — инстинкти́вно кри́кнул он, бесси́льно опуска́ясь на поду́шку.

Иудушка стоял у постели, всма́тривался в больного и скорбно пока́чивал головой.

— Больно? — спросил он, сообща́я своему голосу ту степень еле́йности, какая только была в его средствах.

Павел Владимирыч молча и бессмы́сленными глазами уставился в него, словно уси́ливался понять. А Иудушка тем временем прибли́зился к образу, встал на колени,

---

полоса́ — triip, riba
вследствие — tõttu, pärast
почуди́ться* (-дишься, -дится) — näima, kummitama
задви́гаться* (*буд.* -гаюсь, -гаешься) — liikuma hakkama
у́жас — õudus, suur hirm
порывисто — katkendlikult
ла́ять (-а́ю, -а́ешь) — haukuma
ненави́стный — vihatud
помере́щиться* (*буд.* -щишься, -щится) — viirastuma
инстинкти́вно — vaistlikult
сообща́я (*дееприч.*) — andes
бессмысленный — mõttetu

умили́лся, сотворил три земны́х покло́на, встал и вновь опусти́лся у постели.

— Ну, брат, вставай! Бог ми́лости присла́л! — сказал он, садясь в кресло, таким ра́достным тоном, словно и в самом деле „милость“ у него в кармане была.

Павел Владимирыч, наконец, понял, что перед ним не тень, а сам кровопивец во плоти́. Он как-то вдруг съёжился, как будто знобить его начало. Глаза Иудушки смотрели светло́, по-ро́дственному, но больной очень хорошо ви́дел, что в этих глаза́х скрыва́ется „петля́“, которая вот-вот сейчас вы́скочит и захлестнёт ему го́рло.

— Ах, брат, брат, какая ты бя́ка сделался! — продолжал подшу́чивать по-родственному Иудушка. — А ты возьми да и прибодри́сь! Встань да и побеги́! Трускóм-труском — пусть-ка, мол, маменька полюбу́ется, какими мы молодца́ми стали! Фу-ты, ну-ты!

— Иди́, кровопивец, вон! — отча́янно крикнул больной.

— А-а-ах, брат, брат! Я к тебе с лаской да с утеше́нием, а ты... какое ты слово сказал! А-а-ах, грех какой! И как это язык у тебя, дружок, поверну́лся, чтобы этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчик, даже очень стыдно! Постой-ка, я лучше поду́шечку тебе поправлю!

умили́ться * (*буд.* -лю́сь, -ли́шься) — härduma
сотвори́ть* (*буд.*-ворю́, -вори́шь) — sooritama, tegema
земно́й — maani...
покло́н — kummardus
во плоти́ — lihane
съёжиться * (*буд.* -жусь, -жишься) — kokku tõmbuma
знобить (-би́шь, -би́т) — värisema panema
петля́ — silmus
захлестну́ть * (*буд.* -ну́, -нёшь) — kinni nöörima
бя́ка — koll, pähh
подшу́чивать = шутить
трускóм — traavis
полюбова́ться * (*буд.* -бу́юсь, -бу́ешься) — imetlema
отча́янно — ahastades

Иудушка встал и ткнул подушку па́льцем.

— Вот так! — продолжал он: — вот теперь сла́вно! Лежи себе хорошо́хонько — хоть до за́втрева поправля́ть не нужно!

— Уйди... ты!

— Ах, как болезнь-то, однако, тебя испо́ртила! Даже характер в тебе — и тот какой-то стропти́вый стал! Уйди да уйди — ну, как я уйду! Вот тебе испи́ть захочется — я води́чки подам; вон лампадка не в испра́вности — я лампадочку поправлю, ма́слица деревя́ненького подолью́. Ты полежи́шь, я посижу; тихо да сми́рно — и не увидим, как время пройдёт!

— Уйди, кровопивец!

— Вот ты меня брани́шь, а я за тебя богу помолюсь. Я ведь знаю, что ты это не от себя, а болезнь в тебе говорит. Я, брат, привык прощать — я всем прощаю. Вот и сегодня — еду к тебе, встре́тился по дороге мужичо́к и что-то сказал. Ну и что ж, и Христо́с с ним! Он же свой язык оскверни́л! А я... да не только я не рассердился, а даже перекрестил его — право!

— Огра́бил... мужика?..

ткнуть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — torkama
сла́вно — on tore, meeldiv, kena
хорошо́хонько = хорошо́
до за́втрева — homseni
испо́ртить* (*буд.* -по́рчу, -по́ртишь) — ära rikkuma, raisku ajama
стропти́вый — kiusakas
испи́ть = пить
води́чка (*уменьш.*) = вода́
в испра́вности — korras
не в испра́вности — pole korras
ма́слице (*уменьш.*) = ма́сло
деревя́нное ма́сло — oliiviõli
деревя́ненькое = деревянное
подли́ть* (*буд.* подолью́, подольёшь) — juurde valama
брани́ть (-ню́, -ни́шь) — tõrelema
оскверни́ть* (*буд.* -верню́, -верни́шь) — roojastama
огра́бить* (*буд.* -блю́, -бишь) — paljaks röövima

— Кто? я-то! Нет, мой друг, я не гра́блю; это разбо́йники по большим дорогам грабят, а я — по закону де́йствую. Лошадь его в своём лугу поймал — ну, и ступай, голубчик, к мирово́му! Коли скажет мирово́й, что трави́ть чужие луга дозволя́ется — и бог с ним! А скажет, что травить не дозволяется — не́чего делать, штраф пожа́луйте! По закону я, голубчик, по закону!

— Иуда! преда́тель: мать по́-миру пустил!

— И опять-таки скажу: хочешь сердись, хочешь не сердись, а не дело ты говоришь! И если бы я не был христианин, я бы тоже..., попретендова́ть за это на тебя мог!

— Пустил, пустил, пустил... мать по-миру!

— Ну, перестань же, перестань! Вот я богу помолюсь: может быть ты и поко́йнее будешь...

Как ни сде́рживал себя Иудушка, но руга́тельства умира́ющего до того его проня́ли, что даже губы у него искриви́лись и побеле́ли. Тем не менее, лицеме́рие было до такой сте́пени потре́бностью его натуры, что он никак

разбо́йник — röövel
действовать (-вую, -вуешь) — tegutsema
мирово́й — rahukohtunik
трави́ть (-влю́, -вишь) — paljaks söötma, tallama
дозволя́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — lubama
дозволя́ется — lubatakse
преда́тель — reetur
по́-миру пусти́ть — kerjakotti andma
попретендова́ть* (*буд.* -ду́ю, -ду́ешь) — vastutusele võtma
сде́рживать (-ваю, -ваешь) — tagasi hoidma
руга́тельство — sõim
проня́ть* (*буд.* пройму́, проймёшь) — mõju avaldama
искриви́ться* (*буд.* -влю́сь, -ви́шься) — kõverduma
побеле́ть* (*буд.* -беле́ю, -беле́ешь) — kahvatama
тем не ме́нее — sellele vaatamata
до такой сте́пени — niisugusel määral
потре́бность — vajadus, tarvidus

не мог прерва́ть раз на́чатую коме́дию. С после́дними словами он действи́тельно встал на колени и с четверть часа воздева́л руки и шепта́л. Испо́лнивши это, он возврати́лся к постели умира́ющего с лицом успоко́енным, почти ясным.

— А ведь я, брат, об деле с тобой поговорить приехал, — сказал он, уса́живаясь в кресло. — Ты меня вот бранишь, а я об душе твоей думаю. Скажи, пожа́луйста, когда ты в последний раз утеше́ние принял?

— Господи! да что ж это... уведи́те его! Улитка! Агашка! Кто тут есть? — стонал больной.

— Ну, ну, ну, успоко́йся, голубчик! Знаю, что ты об этом говорить не любишь! Да, брат, всегда ты дурным христианином был и теперь таким же остаёшься. А не ху́до бы, ах, как бы не худо в такую минуту об душе-то подумать! Ведь душа-то наша... ах, как с ней осторожно обраща́ться нужно, мой друг! Церковь-то что нам предпи́сывает? Приноси́те, говорит, моле́ния, благодаре́ния... А ещё: христиа́нские кончины живота́ нашего безболе́зненны, непостыдны, мирны́ — вот что, мой друг! Послать бы тебе теперь за батюшкой, да и́скренно, с раска́янием... Ну, ну! не буду, не буду! А право бы так...

воздева́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — üles-poole sirutama
испо́лнивши (*дееприч.*) — täitnud
успоко́енный (*прич.*) — rahunenud
утеше́ние — lohutus; *siin*: jumalaarm
уведи́те (*повел.*) — viige ära
успоко́иться * (*буд.* -ко́юсь, -ко́ишься) — rahunema
ху́до — (on) halb
обраща́ться (-ща́юсь, -ща́ешься) — käitlema
предпи́сывать (-ваю, -ваешь) — ette kirjutama
моле́ние — palvetamine
благодаре́ние — tänamine, ohverdamine
живо́т — *siin*: elu
безболе́зненный — valutu
непостыден — laitusetu
ми́рен — rahulik
и́скренно — siiralt

Павел Владимирыч лежал весь багро́вый и чуть не задыха́лся. Если бы он мог в эту минуту разбить себе голову, он, несомне́нно, сделал бы это.

— Вот и насчёт имения — может быть, ты уж и распоряди́лся? — продолжал Иудушка. — Хоро́шенькое, очень хорошенькое именьице у тебя — не́чего сказать. Земля даже лучше, чем в Головлёве: с песо́чком сугли́ночек-то! Ну, и капитал у тебя... Я ведь, брат, ничего не знаю. Знаю только, что ты крестьян на вы́куп отдал, а что и как — никогда я этим не интересова́лся. Вот и сегодня, еду к тебе и говорю про себя: должно быть, у брата Павла капитал есть! А, впрочем, думаю, если и есть у него капитал, так уж, наверное, он насчёт его распоряжение сделал!

Больной отверну́лся и тяжело́ вздыхал.

— Не сделал? Ну, и тем лучше, мой друг! По закону — оно даже справедли́вее. Ведь не чужим, а своим же присным доста́нется. Я, вот, на что уж хил — одной ногой в могиле стою, а всё-таки думаю: зачем же мне распоряже́ние делать, коль скоро закон за меня распорядиться может. И ведь как это хорошо, голубчик! Ни сва́ры, ни за́висти, ни кля́уз... Закон!

Это было ужасно. Павлу Владимирычу почу́дилось, что он за́живо уложен в гроб, что он лежит, словно

багро́вый — tulipunane
задыха́ться (-ха́юсь, -ха́ешься) — lämbuma
песо́чек (*уменьш.*) = песо́к
сугли́нок — liiv-savimaa
на вы́куп — väljaostu peale
справедли́вее (*сравн. ст.*) — õigemini
хи́лый — põdur
сва́ра — tüli
за́висть — kadedus
кля́уза — salakaebus, laim
за́живо — elusalt

ско́ванный, в летарги́ческом сне[1], не может ни единым членом пошевельну́ть и выслу́шивает, как кровопивец руга́ется над телом его.

— Уйди... ради Христа... уйди! — начал он, наконец, молить своего мучи́теля.

— Ну, ну, успокойся... уйду! Знаю, что ты меня не любишь... Стыдно, мой друг, очень стыдно родного брата не любить! Вот я так тебя люблю! И детям всегда говорю: хоть брат Павел и виноват передо мной, а я его всё-таки люблю! Так ты, значит, не делал распоряжений — и прекрасно, мой друг! Бывает, впро́чем, иногда, что и при жизни капитал раста́щат, особенно кто без родных, один... Ну, да уж я присмотрю́... А? что? надоел я тебе? Ну, ну, так и быть, уйду! Дай, только богу помолюсь!

Он встал, сложил ладони и на́скоро пошепта́л.

— Прощай, друг, не беспоко́йся! Почивай себе хорошо́хонько — может, и даст бог! А мы с маменькой потолку́ем да поговорим — может быть, что и поприду́маем! Я, брат, по́стненького себе к обеду изготовить просил: рыбки солёненькой, да грибков, да капустки — так ты уж меня извини́! Что? или опять надоел? Ах брат, брат!.. Ну, ну, уйду, уйду! Главное, мой друг, не трево́жься, не волну́й себя — спи себе да по́чивай! Хрр... хрр... — шутли́во поддразни́л он в заключе́ние, решаясь, наконец, уйти.

---

[1] *Летаргический сон* — особое состояние, похожее на глубокий сон, которое может продолжаться длительное время.

ско́ванный (*прич.*) — needitud, aheldatud
пошевельну́ть* (*буд.* -вельну́, -вельнёшь) — liigutama
руга́ться над те́лом — keha teotama
мучи́тель — piinaja
трево́житься (-жусь, -жишься) — muretsema
в заключе́ние — viimaks

— Кровопивец! — раздалось ему вслед таким пронзи́тельным криком, что даже он почувствовал, что его словно обожгло́.

[Разговор Арины Петровны с двумя внуками — сыновьями Иудушки.]

... Посреди разгово́ра никто и не слыхал, как подкрался Иудушка, я́ко тать в но́щи! Он весь в слезах, голова пони́кла, лицо бле́дно, руки сло́жены на груди, губы шепчут. Некоторое время он ищет глазами о́браза, наконец, находит и с минуту возно́сит свой дух.

— Плох! ах, как плох! — наконец, восклицает он, обнима́я милого друга маменьку.

— Неужто уж так?

— Очень, очень дурён, голубушка... А помните, каким он прежде мо́лодцо́м был!

— Ну когда же молодцом?.. Что-то я этого не помню!

— Ах, нет, маменька, не говорите! Всегда он... я как сейчас помню, как он из ко́рпуса вышел: стро́йный такой, широкопле́чий, кровь с молоком... Да, да! Так-то, мой друг маменька! Все мы под богом ходим! Сегодня и здоро́вы, и сильны́, и пожить бы, и пожуи́ровать бы, и сладенького скушать, а завтра...

Он махну́л рукой и умили́лся...

— Поговорил ли он, по крайней мере?

пронзи́тельный — läbilõikav
обже́чь* (*буд.* обожгу, обожжёшь) — kõrvetama
сло́вно обожгло́ — just kui oleks kõrvetatud
я́ко тать в но́щи (*слав.*) — nagu varas öösel
обнима́ть (-ма́ю, -ма́ешь) — embama, kaisutama
обнима́я (*дееприч.*) — kaisutades
стро́йный — sirge
широкопле́чий — laiaõlaline
пожуи́ровать (-рую, -руешь) — nautima

— Мало, голу́бушка; только и мо́лвил: „прощай, брат!“ А ведь он, маменька, чувствует! Чувствует, что ему плохо прихо́дится!

— Будешь, батюшка, чувствовать, как грудь-то ходуно́м хо́дит!

— Нет, маменька, я не об этом. Я об прозо́рливости; прозорливость, говорят, человеку дана; который человек умирает — всегда тот зара́ньше чувствует. Вот гре́шникам — тем в этом утеше́нии отка́зано.

— Ну, ну! Об „распоряжении“ не говорил ли чего?

— Нет, маменька. Хотел он что-то сказать, да я останови́л. Нет, говорю, нечего об распоряжениях разговаривать! Что ты мне, брат, по милости своей, оставишь, — я всем буду доволен, а ежели и ничего не оставишь — и даром за упоко́й помяну́! А как ему, маменька, пожить-то хочется! Так хочется, так хочется!

— И вся́кому пожить хочется!

— Нет, маменька, вот я об себе скажу. Ежели господу богу угодно призва́ть меня к себе — хоть сейчас готов.

— Хорошо, как к богу, а ежели к сатане́ угоди́шь?

В таком духе разговор дли́тся и до обеда, и во время обеда, и после обеда. Арине Петровне даже на стуле не сиди́тся от нетерпе́ния. По ме́ре того́, как Иудушка растаба́рывает, ей всё чаще и чаще приходит на мысль:

грудь ходуно́м хо́дит — rind nagu lõõts tõmbleb
прозо́рливость — etteaimamine
гре́шник — patune
отка́зано (*прич.*) — ära öeldud, pole antud
за упоко́й помяну́ — palun sinu hinge ülendamise eest
сатана́ — saatan
угоди́ть*(*буд.*-жу́,-ди́шь) — sattuma
дли́ться (-шься) — kestma
не сиди́тся — ei läbe toolilgi istuda
нетерпе́ние — kärsitus
от нетерпе́ния — kärsitusest
по ме́ре того́ — sel määral
растаба́рывать (-баю, -баешь) — lobisema

„а что ежели... прокляну́?“ Но Иудушка даже и не подозрева́ет того, что в душе матери происходит целая бу́ря, он смотрит так ясно и продолжает себе потихо́ньку да полего́ньку притесня́ть милого друга маменьку своей безнадёжною каните́лью.

„Прокляну! прокляну! прокляну!“ — всё реши́тельнее да решительнее повторяет про себя Арина Петровна.

В комнатах пахнет ла́даном; по дому раздаётся протяжное пение; двери отворены на́стежь; желающие поклони́ться поко́йному приходят и уходят. При жизни никто не обраща́л внима́ния на Павла Владимирыча, со смертью его — всем сде́лалось жалко. Припомина́ли, что он „никого не оби́дел“, „никому гру́бого слова не сказал“, „ни на кого не взглянул ко́со“. Все эти ка́чества, каза́вшиеся прежде отрица́тельными, теперь представлялись чем-то положи́тельным, и из неясных обры́вков обычного похоро́нного празднослО́вия вырисо́вывался тип „доброго барина“. Многие в чём-то раска́ивались, сознава́лись, что по временам по́льзовались простото́ю покойного в ущёрб ему — да ведь кто же знал, что этой простоте так скоро

прокля́сть * (*буд.* -кляну́, -клянёшь) — needma
подозрева́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — aimama
бу́ря — torm
полего́ньку — targu
притесня́ть (-ня́ю, -ня́ешь) — tüütama
каните́ль (*ж. р.*) — jorutamine
реши́тельнее — otsustavamalt
на́стежь — pärani
гру́бый — karm; *siin*: halb
ко́со — viltu
ка́чество — omadus
отрица́тельный — eitav
положи́тельный — jaatav
обры́вок (*род.* обры́вка) — katkend
похоро́нный — peiede-
празднослО́вие — tühijutt
вырисо́вываться (-ваюсь, -ваешься) — joonistuma
сознава́ться (-наю́сь, -наёшься) — tunnistama
в ущёрб — kahjuks

конец наста́нет! Жила-жила простота, думали, что ей и ве́ку не будет, а она вдруг... А была бы жива простота — и теперь бы её нака́ливали: нака́ливай, ребята! что дуракам в зубы смотреть! Один мужичок принёс Иудушке три целко́вых и сказал:

— Должо́к за мной покойному Павлу Владимирычу был. Запи́сок проме́жду нас не было — так вот!

Иудушка взял деньги, похвали́л мужичка́ и сказал, что он эти три целковых на ма́слицо для „неугаси́мой" отда́ст.

— И ты, дружок, будешь видеть, и все будут видеть, а душа покойного ра́доваться будет. Может, он что-нибудь и вымолит *там* для тебя! Ты и не ждёшь — ан, вдруг, тебе бог счастья пошлёт!

Очень возмо́жно, что в мирско́й оце́нке качеств покойного неясно уча́ствовало и сравне́ние. Иудушку не любили. Не то чтоб его нельзя было обойти́, а очень уж он пустяки любил, надоеда́л, да приставал. Даже земельные участки немногие реши́лись у него корто́мить [1], потому что он сдаст уча́сток, да за каждый лишний запа́ханный или зако́шенный верше́к, за каждую пропу́щен-

[1] *Кортома* — наём, аренда.

ей и ве́ку не бу́дет — et see ei lõpegi
нака́ливать (-ваю, -ваешь) — tuliseks kütma, tulikuumaks tegema
целко́вый = рубль
должо́к — võlg
запи́ска — võlatäht
неугаси́мый — kustumatu, „igavene"
мирско́й — maine
оце́нка — hindamine
обойти́* (*буд.* -ду́, -дёшь) — tüssama
надоеда́ть (-да́ю, -да́ешь) — tüütama
приставать (-таю́, -таёшь) — norima
корто́мить (-млю, -мишь) — rentima
запа́ханный (*прич.*) — küntud
зако́шенный (*прич.*) niidetud
пропу́щенный (*прич.*) — mööda lastud

ную минуту в уплате долга сейчас начнёт съёмщика по судам таскать. Многих он так-то затаскáл и сам ничего не выиграл (его привычку кляýзничать так везде знали, что, почти не разбирая дел, откáзывали в его претéнзиях), и народ волокúтами, да прогýлами разорил. „Не купи двора́, а купи сосéда“, говорит послóвица, а у всех на знáти, каков сосед головлёвский барин. Нужды́ нет, что мировой тебя оправит, — он тебя своим судом, сатани́нским, изведёт. И так как злость (даже не злость, а скорее нрáвственное окостенéние), прикрытая лицемéрием, всегда навóдит какой-то суевéрный страх, то новые „соседи“ (Иудушка очень привéтливо называет их „сосéдушками“) боязли́во клáнялись в пояс, проходя мимо кровопивца, который, весь в чёрном, стоял у гроба с слóженными ладóнями и воздéтыми вверх глазами.

Покýда покойник лежал в доме, домашние ходили на цы́почках, загля́дывали в столóвую (там, на обеденном столе, был поставлен гроб), качали головáми, шептáлись. Иудушка притворя́лся чуть живым, шаркал по коридору, заходил к „покóйничку“, умиля́лся, поправлял на гробе покрóв и шептался со становы́м прúставом, который со-

---

упла́та — maks, tasu
съёмщик — rentnik
кляýзничать (-чаю, -чаешь) — protsessima
волокúта — ve nitamine (asjaajamises)
прогýл — töölt puudumine
разорúть* (*буд.* -рю́, рúшь) — laostama
у всех на знáти — kõik teadsid
нужды́ нет — pole vajadust, kasu
оправúть* (*буд.* -влю, -вишь) — õigeks mõistma
сатани́нский — saatanlik
извести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — kurnama
злость (*ж. р.*) — kurjus
нрáвственный — kõlbeline
окостенéние — tardumus
наводúть (-вожу́, -вóдишь) — tekitama
суевéрный — ebausklik
боязли́в — kartlik
в пояс клáняться — sügavalt (vööni) kummardama
на цы́почках — kikivarbail
становóй прúстав — stanovoi pristav, maapolitsei ametnik

ставля́л описи и прикла́дывал печати. Пе́тенька и Воло́денька суети́лись около гроба, ставили и зажига́ли свечки, подава́ли кадило и пр. Аннинька и Любинька плакали и сквозь слёзы то́ненькими голосами подпева́ли дьячка́м на панихи́дах. Дворо́вые женщины, в чёрных коленко́ровых платьях, утирали пере́дниками раскрасне́вшиеся от слёз носы.

Арина Петровна тотчас же, как после́довала смерть Павла Владимирыча, ушла в свою комнату и заперлась там. Ей было не до слёз, потому что она сознава́ла, что сейчас же должна была на что-нибудь решиться. Остава́ться в Дубровине она не думала... „Ни за что!“ — сле́довательно, предстоя́ло одно: ехать в Погоре́лку, имение сирот, то самое, которое не́когда представля́ло „кусок“, вы́брошенный ею непочти́тельной дочери Анне Владимировне. Приняв это реше́ние, она почу́вствовала себя облегчённой, как будто Иудушка вдруг и навсегда потерял всякую власть над нею. Спокойно пересчита́ла пятипроце́нтные билеты (капиталу оказалась: своего пятнадцать тысяч, да столько же сиро́тского, ею нако́пленного) и спокойно же сообрази́ла, сколько нужно истратить денег, чтобы привести́ погоре́лковский дом в порядок. Затем немедленно послала за погорелковским ста́ростой, отдала нужные приказа́ния насчёт найма пло́тников и присы́лки в Дубровино подво́д за её и сиротскими по-

---

то́ненький — peenike
дьячо́к — köster
панихи́да — leinateenistus
пере́дник — põll
раскрасне́вшийся — punetav
сле́довательно — järelikult
непочти́тельный — sõnakuulmatu
облегчённый (*прич.*) — kergendatud
сообрази́ть* (*буд.* соображу́, сообрази́шь) — taipama, aru saama, arutlema, kaalutlema
ста́роста — külavanem, kubjas
пло́тник — puusepp
присы́лка — saatmine

жи́тками, велела готовить тарантáс (в Дубровине стоял её с о́ б с т в е н н ы й тарантас, и она имела д о к а з а́ т е л ь с т в а, что он её с о б с т в е н н ы й) и начала укла́дываться. К Иудушке она не чувствовала ни не́нависти, ни расположе́ния: ей просто сделалось проти́вно с ним дело иметь. Даже ела она неохо́тно и мало, потому что с нынешнего дня приходи́лось есть уже не Павлово, а Иудушкино. Несколько раз Порфирий Владимирыч загля́дывал в её комнату, чтобы покаля́кать с милым другом маменькой (он очень хорошо понимал её приготовле́ния к отъезду, но делал вид, что ничего не замеча́ет), но Арина Петровна не допускала его.

— Ступай, мой друг, ступай, — говорила она, — мне не́когда.

Через три дня у Арины Петровны всё было уже гото́во к отъезду. Отстоя́ли обе́дню, отпели и схорони́ли Павла Владимирыча. На по́хоронах все произошло точно так, как представля́ла себе Арина Петровна в то утро, как Иудушке прие́хать в Дубровино. Именно так кри́кнул Иудушка: „прощай, брат!“ — когда опуска́ли гроб в могилу, именно так же обрати́лся он вслед затем к Улитушке и торопли́во сказал:

— Кутью-то, кутью-то не позабу́дьте взять, да в столовой на чистенькую ска́терцу поставьте... Чай, и в доме братца помянуть придётся.

К обеду, который по обычаю был подан сейчас, как пришли с похорон, были приглашены́ три свяще́нника

пожи́тки (*мн. ч.*) — vara
тарантáс — tarantass (sõiduk)
доказáтельство — tõend
расположе́ние — poolehoid
неохóтно — vastu tahtmist
отстоя́ть* (*буд.* -тою́, -тои́шь) — seisma
обе́дня — lõunajumalateenistus
приглаша́ть (-шáю, -шáешь) — kutsuma
приглашены́ (*прич.*) — kutsutud
свяще́нник — vaimulik

(в том числе отец благочи́нный) и дья́кон. Дьячка́м была устроена особая тра́пеза в прихо́жей. Арина Петровна и сироты вышли в доро́жном платье, но Иудушка и тут сделал вид, что не замечает. Подойдя́ к заку́ске, Порфирий Владимирыч попросил отца благочи́нного благослови́ть я́ствие и питие́, затем налил себе и духо́вным отцам по рюмке водки, умили́лся и произнёс:

— Новопреста́вленному ве́чная па́мять! Ах, брат, брат, оставил ты нас! А кому бы, кажется, и пожить, как не тебе. Дурно́й ты, брат, не хороший!

Сказал, перекрести́лся и выпил. Потом опять перекрестился и проглоти́л кусочек икры́, опять перекрестился — и балычка́ отве́дал.

— Кушайте, батюшка! — убежда́л он отца благочинного. — Всё это — запасы покойного братца! Любил покойник покушать! И сам хорошо кушал, а ещё больше других любил угости́ть! Ах, брат, брат! оставил ты нас! Нехороший ты брат, недобрый!

Словом сказать, так зарапортова́лся, что даже позабы́л об маменьке.

Только тогда вспомнил, как уж ры́жичков зачерпну́л и совсем было собрался ложку в рот отпра́вить.

оте́ц благочи́нный — praost
тра́пеза — söömaaeg, sööming
прихо́жая — esik
подойдя́ (*дееприч.*) — tulles
благослови́ть* (*буд.* -ловлю́, -ловишь) — õnnistama
я́ствие — söök
питие́ — jook
новопреста́вленный — kadunu
ве́чный — igavene
отве́дать* (*буд.* -даю, -даешь) — maitsema
убежда́ть (-да́ю, -да́ешь) — veenma
угости́ть* (*буд.* -гощу́, -гости́шь) — kostitama
зарапортова́ться* (*буд.* -ту́юсь, -ту́ешься) — jutuga segamini minema
ры́жичек — väike kuuseriisikas
зачерпну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — tõstma
отпра́вить* (*буд.* -влю, -вишь) — saatma

— Маменька! голубчик! — всполоши́лся он. — А я-то, простофи́ля, упи́сываю — ах, грех какой! Маменька! закусочки! рыжичков-то, рыжичков! Дубровинские ведь рыжички-то! Знамени́тые!

Но Арина Петровна только безмо́лвно кивнула головой в ответ и не дви́нулась. Казалось, она с любопы́тством к чему-то прислу́шивалась. Как будто какой-то свет проли́лся у неё перед глазами, и вся эта комедия, к повторе́нию которой она с малоле́тства привыкла, в которой сама всегда уча́ствовала, вдруг показалась ей совсем но́вой, невиданною.

Обед начался с ро́дственных пререка́ний. Иудушка наста́ивал, чтобы маменька на хозя́йское место села; Арина Петровна отка́зывалась.

— Нет, ты здесь хозяин, ты и садись, куда тебе хочется! — сухо проговорила она.

— Вы — хозя́йка! Вы, маменька, везде хозя́йка: и в Головлёве, и в Дубровине — везде! — убеждал Иудушка.

— Нет уж, садись! Где мне хозя́йкой бог приведёт быть, там я и сама сяду, где вздумается. А здесь ты хозяин — ты и садись!

— Так мы вот что сделаем, — умилился Иудушка, — мы хозя́йский-то прибо́р неза́нятым оставим! Как будто

всполоши́ться* (*буд.* -шу́сь, ши́шься) — ärevusse sattuma
простофи́ля — tõlplane
упи́сывать (-ваю, -ваешь) — õgima
кивну́ть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — noogutama
дви́нуться* (*буд.* -нусь, -нешься) — liikuma, liigahtama
любопы́тство — uudishimu
проли́ться* (*буд.* -льёшься, -льётся) — hoovama; *sün*: paistma
привы́кнуть* (*буд.* -кну, -кнешь) — harjuma
пререка́ние — nägelemine
наста́ивать (-ваю, -ваешь) — peale käima
прибо́р — söögiriistad
неза́нятый — vaba

брат здесь неви́димо с нами сотрапе́зует... Он — хозяин, а мы гостями будем!

Так и сделали. Покуда разлива́ли суп, Иудушка, выбрав прили́чный сюжет, начинает беседу с ба́тюшками, преиму́щественно, впрочем, обращая речь к отцу благочинному.

— Вот многие нынче в бессме́ртие души не верят... а я верю! — говорит он.

— Уж это разве отча́янные какие-нибудь! — ответил отец благочинный.

— Нет, и не отча́янные, а наука такая есть. Будто бы человек сам собою... Живёт, это, и вдруг — умер...

— Очень уж много этих наук нынче развело́сь — поуба́вить бы! Наукам верят, а в бога не верят. Даже мужики — и те в учёные норовя́т.

— Да, батюшка, правда ваша. Хотят, хотят в учёные попасть. У меня вот на́гловские: есть нечего, а наме́днись при́говор написали — учи́лище открывать хотят... Учёные!

— Против всего нынче науки пошли. Против дождя — наука, против вёдра — наука. Прежде бывало по́просту: придут да молебен отслу́жат — и даст бог. Вёдро нужно — вёдро господь пошлёт; дождя нужно — и дождя у бога не занима́ть стать. Всего у бога довольно. А с тех пор как по науке

сотрапе́зовать (-зую, -зуешь) — koos sööma

разлива́ть (-ва́ю, -ва́ешь) — laiali kallama, valama

прили́чный — viisakas

преиму́щественно — peaasjalikult, eeskätt, peamiselt

бессме́ртие — surematus

отча́янный — pöörane

развести́сь* (*буд.* разведу́сь, разведёшься) — siginema

поуба́вить* (*буд.* поуба́влю, поуба́вишь) — vähendama

норови́ть (*наро́дное*) (-влю́, -ви́шь) — kippuma

попа́сть* (*буд.* -паду́, -падёшь) — sattuma, saama

на́гловский — Naglovka mees

наме́днись (*народное*) — hiljuti

при́говор — otsus

вёдро — selge ilus ilm

не занима́ть стать — pole vaja laenata, s. t. on küllalt

начали жить — словно вот отре́зало: всё пошло безо вре́мени. Се́ять нужно — за́суха, коси́ть нужно — до́ждик!

— Правда ваша, батюшка, святая ваша правда. Прежде, как богу-то чаще молились, и земля лучше родила. Урожа́и-то были не ны́нешние, сам-четвёрт да сам-пят — стори́цею давала земля. Вот, маменька, чай, помнит? Помните, маменька? — обраща́ется Иудушка к Арине Петровне с наме́рением и её вовле́чь в разговор.

— Не слыхала, чтоб в нашей стороне́... Ты, может, об ханаа́нской земле читал, — там, сказывают, действи́тельно, это бывало, — сухо отзыва́ется Арина Петровна.

— Да, да, да, — говорит Иудушка, как бы не слыша замеча́ния матери: — в бога не верят, бессме́ртия души не признаю́т... а жрать хотят!

— И́менно — только бы жрать бы, да пить бы! — вторил отец благочи́нный, заса́чивая рукава своей ря́сы, чтобы положить на тарелку кусок помина́льного пирога́.

Все принимаются за суп; некоторое время только и слы́шится, как ля́згают ложки о таре́лки да фы́ркают попы, ду́я на горя́чую жи́дкость.

— А вот като́лики, — продолжает Иудушка, переста́вая есть, — так те, хотя бессме́ртия души и не отверга́ют,

---

отре́зать* (*буд.* -ре́жу, -ре́жешь) — ära lõikama
сам-четвёрт — neli tera
сам-пят — viis tera
стори́цею — sajakordselt
с наме́рением — kavatsusega, eesmärgiga
вовле́чь* (*буд.* -влеку́, -влечёшь) — meelitama, tõmbama
Ханаа́нская земля — Kaananimaa
признава́ть (-наю́, -наёшь) — tunnistama, tunnustama
и́менно — nimelt
вто́рить (вто́рю, вто́ришь) — kordama
заса́чивать (-ваю, -ваешь) — üles käärima
ря́са — rüü
ля́згать (-гаю, -гаешь) — kilksatama
фы́ркать (-каю, -каешь) — turtsuma, puristama
дуть (ду́ю, ду́ешь) — puhuma
отверга́ть (-га́ю, -га́ешь) — eitama

но взамéн того говорят, будто бы душа не прямо в ад или в рай попадáет, а на некоторое время... в среднее какое-то место поступает.

— И это опять неоснóвательно.

— Как бы вам сказать, батюшка... — задýмывается Порфирий Владимирыч. — Коли начать говорить с тóчки зрéния...

— Нéчего об пустяках говорить. Святая церковь как поёт? Поёт: „В месте злáчном, в месте прохлáдном, йде же несть ни печали, ни воздыхáния...“ Об каком же тут „среднем“ месте ещё разговаривать!

Иудушка, однакож, не вполне соглашáется и хочет кой-что возразúть, но Арина Петровна, которую начинает уж коробúть от этих разговоров, останáвливает его.

— Ну, уж ешь, ешь... богослóв! И суп, чай, давно просты́л! — говорит она и, чтобы переменить разговор, обращается к отцу благочинному. — С рожью-то, батюшка, убрáлись?

— Убрáлся, сударыня; нынче рожь хорошá, а вот яровы́е — не обещают. Овсы́ зерна не успели порядком налúть, а уж мешáться начали. Ни зернá, ни солóмы ожидать нельзя.

— Везде нынче на овсы жáлуются! — вздыхáет Арина Петровна, следя за Иудушкой, как он вычéрпывает ложкой остатки супа.

взамéн — asemel
неоснóвательно — aluseta
с тóчки зрéния — (sellest) seisukohast
злáчный — küllane
йде же несть (*церковно-славянское*) — kus teps pole mitte
воздыхáние — õhkamine
соглашáться (-шáюсь, -шáешься) — nõustuma
коробúть (-блю, -бишь) — ängistama
богослóв — usuteadlane
простúть* (*буд.* -сты́ну, -сты́нешь) — jahtuma
порядком налúть — korralikult täis kasvama (tera)
мешáться (-шáюсь, -шáешься) — segama, *siin*: küpsema

Подают другое кушанье: ветчину́ с горбшком. Иудушка пользуется этим случаем, чтобы возобнови́ть пре́рванный разговор.

— Вот жиды́ этого кушанья не едят, — говорит он.

— Жиды — па́костники, — отзыва́ется отец благочинный: их за это свиным ухом дра́знят.

— Однако́ж, вот и тата́ры... Какая-нибудь причи́на этому да есть.

— И татары — тоже пакостники — вот и причина.

— Мы кони́ны не едим, а татары — свини́ной бре́згают. Вот в Париже, сказывают, крыс во время оса́ды ели.

— Ну, те — французы!

Таким образом идёт весь обед. Подают карасе́й в сметане. Иудушка объясняет:

— Кушайте, батюшка! Это караси особенные: покойный братец их очень любил!

Подают спа́ржу — Иудушка говорит:

— Вот это так спаржа! В Петербурге за этакую спаржу рублик серебрецо́м платить надо. Покойный братец сам за нею ухаживал! Вот она, бог с ней, толстая какая!

У Арины Петровны так и кипи́т сердце: целый час прошёл, а обед только в половине. Иудушка словно нарочно ме́длит: поест, потом положит ножик и вилку, покаля́кает, потом опять пое́ст, и опять покалякает. Сколько

ветчина́ — sink
горо́шек (*уменьш.*) = горо́х — hernes
возобнови́ть* (*буд.* -новлю́, -нови́шь) — uuesti algama
пре́рванный (*причастие*) — katkestatud
жид — juut (halvakspanevalt)
па́костник — roojane
причи́на — põhjus
кони́на — hobuseliha
бре́згать (-гаю, -гаешь) — põlgama
кры́са — rott
оса́да — piiramine
карась (*м. р.*) — koger
спа́ржа — spargel
серебре́ц = серебро́ — hõbe

раз, в быва́лое время, Арина Петровна кри́кивала за это на него: „да ешь же, прости господи, сатана!“ — да, видно, он позабыл маменькины наставле́ния. А может быть, и не позабыл, а наро́чно делает, мстит. А может быть, даже и не мстит созна́тельно, а так нутро́ его, от природы ехи́дное, играет. Наконец, подали жаркое: в ту самую минуту, как все встали и отец дья́кон затяну́л „о блаже́нном успе́нии“, в коридоре поднялась возня́, послышались крики, которые совсем уничто́жили эффект заупоко́йного во́згласа.

— Что там за шум? — кринул Пофирий Владимирыч. — В кабак, что ли, забра́лись?

— Не кричи, сделай милость! Это я... это мои сундуки́ перета́скивают, — отозвалась Арина Петровна и не без ирóнии прибавила: — Будешь, что ли, осма́тривать?

Все вдруг смóлкли; даже Иудушка не нашёлся и побледне́л. Он, впрочем, сейчас же сообрази́л, что надо как-нибудь замя́ть неприя́тную апóстрофу [1] матери, и, обратясь к отцу благочинному, начал:

[1] *Апострофа* — резкое обращение для того, чтобы оборвать кого-либо.

кри́кивать (*многократ.*) = крича́ть
наставле́ние — õpetus
мстить (мщу, мстишь) — kätte maksma
созна́тельно — teadlikult
нутро́ — sisemus
ехи́дный — tige, õel
блаже́нный — õnnis
„о блаже́нном успе́нии“ — õndsast hingamisest
возня́ — askeldus
уничто́жить* (*буд.* -то́жу, -то́жишь) — hävitama
заупоко́йный во́зглас — järelhüüe
кабак — kõrts
сунду́к — kirst, kohver
смóлкнуть* (*буд.* -кну, -кнешь) — vaikima
сообрази́ть* (*буд.* -бражу́, -брази́шь) — taipama
замя́ть* (*буд.* замну́, замнёшь) — summutama
апóстрофа — hüüd (jutu vahele segamiseks)

— Вот тéтерев, например... В России их множество, а в других странах...

— Да ешь, Христа ради; нам ведь двадцать пять вёрст ехать; надо зáсветло поспевáть, — прервала его Арина Петровна. — Петенька! поторопи́ там, голубчик, чтоб пирóжное подавали!

Несколько минут длилось молчание. Порфирий Владимирыч живо доел свой кусок тетéрки и сидел бледный, постýкивая ногой в пол и вздрáгивая губами.

— Обижáете вы меня, добрый друг маменька! Крепко вы меня обижаете! — наконец произнóсит он, не глядя на мать.

— Кто тебя обидит! И чем это я так... крепко тебя обидела?

— Очень, очень обидно... Так обидно! так обидно! В такую минуту... уезжать!... Всё жили да жили... и вдруг... И, наконец, эти сундуки... осмóтр... Обидно!...

— Уж коли ты хочешь всё знать, так я могу и ответ дать. Жила я тут, покуда сын Павел был жив; умер он — я и уезжаю. А что касáется до сундуков, так Улитка давно за мной, по твоему приказанию, следит. А по мне, лучше прямо сказать матери, что она в подозрéнии состоит, нéжели, как змея, из-за чужой спины на неё шипéть.

— Маменька! друг мой! да вы... да я... — простонáл Иудушка.

тéтерев — teder
зáсветло — valge varul
пирóжное — kook
постýкивать (-ваю, -ваешь) — klõbistama, koputama
касáться (-сáюсь, -сáешься) — puutuma
а по мне — minu arvates
подозрéние — kahtlus
состоя́ть (-тою́, -тои́шь) — seisma, olema
нéжели — kui
шипéть (-плю́, -пи́шь) — sisistama

— Будет! — не дала ему продолжáть Арина Петровна. — Я вы́сказалась.

— Но чем же, друг мой, я мог...

— Говорю тебе: я высказалась — и оставь. Отпусти меня, ради Христа, с миром. Тарантáс готов.

Действительно, на дворе раздались бубéнчики и стук подъезжáющего экипáжа. Арина Петровна первая встала из-за стола; за ней поднялись и прóчие.

— Ну, теперь присядемте на минýтку, да и в путь! — сказала она, направля́ясь в гостиную.

Посидéли, помолчáли, а тем врéменем Иудушка совсем уж успел опрáвиться.

— А не то пожи́ли бы, маменька, в Дубровине... Посмотри́те-ка, как здесь хорошо! — сказал он, глядя матери в глаза с лáсковостью провини́вшегося пса.

— Нет, мой друг, будет! Не хочу я тебе, на проща́ние, неприя́тного слова сказать... а нельзя мне здесь остава́ться! Не у чего! Батюшка, помоли́тесь!

Все встали и помолились; затем Арина Петровна со всеми перецеловáлась, всех благослови́ла, по-родственному, и, тяжело ступая ногами, напрáвилась к двери. Порфирий Владимирыч, во главе всех домáшних, проводил её до крыльца, но тут, при виде тарантаса, его сму-

---

бубéнчик — kuljus, kurin
подъезжáющий (*прич.*) — ettesõitev
прóчие = другие
присядемте — istugem
направля́ться (-ля́юсь, -ля́ешься) — minema
направля́ясь (*дееприч.*) — minnes
опрáвиться* (*буд.* -влюсь, -вишься) — toibuma
лáсковость — lahkus
провини́вшийся (*прич.*) — eksinud; süüdlane
пёс (*род.* пса) — koer
смути́ть* (*буд.* смущý, смути́шь) — segadusse viima, pimestama

ти́л бес любому́дрия. „А тарантас-то ведь бра́тцев!“ — блесну́ло у него в голове.

— Так уви́димся, добрый друг маменька! — сказал он, подса́живая мать и искоса погля́дывая на тарантас.

— Коли бог велит... отчего же не увидеться!

— Ах, маменька, маменька, прока́зница вы — право! Велите-ка тарантас-то отложи́ть да с богом на старое гнёздышко... Право! — лебези́л Иудушка.

Арина Петровна не отвечала; она совсем уж усе́лась и кре́стное зна́мение даже сотвори́ла, но сиро́тки что-то ме́длили.

А Иудушка, между тем, погля́дывал да поглядывал на тарантас.

— Так тарантас-то, маменька, как же? Вы сами доста́вите или прислать за ним прика́жете? — наконец, не выдержал он.

Арина Петровна даже затряслáсь вся от негодова́ния.

— Тарантас — мой! — кри́кнула она таким боле́зненным криком, что все́м сделалось и нело́вко, и со́вестно. — Мой! мой! Мой тарантас! Я его... у меня доказа́тельства... свидетели есть! А ты... а тебя... ну, да уж

бес = чорт — kurat
любому́дрие — tarkus
бра́тцев — venna (oma)
подса́живать (-ваю, -ваешь) — istuma aitama, upitama
блесну́ть* (*буд.* блесну́, блеснёшь) — välgatama
прока́зница — tembutleja, vallatleja
отложи́ть* (*буд.* -ложу́, -ло́жишь) — *siin*: lahti rakendama
гнёздышко — pesake
лебези́ть (-бежу́, -бези́шь) — lipitsema, meelitama, amelema
кре́стное зна́мение — ristimärk
сотвори́ть* (*буд.* -ворю́, -вори́шь) — tegema, looma
доста́вить* (*буд.* -влю, -вишь) — kohale tooma
затрясти́сь* (*буд.* -су́сь, -сёшься) — värisema, vabisema
негодова́ние — viha, põlastus, nördimus
боле́зненный — haiglane
нело́вко — piinlik
со́вестно — häbi
доказа́тельство — tõend

подожду... посмотрю, что дальше от тебя будет! Дети! долго ли?

— Помилуйте, маменька! Я ведь не в претéнзии... Если бы даже тарантас был дубровинский...

— Мой тарантас, мой! Не дубровинский, а мой! Не смей говорить... Слышишь!

— Слушаю, маменька... Так вы, голубушка, не забывайте нас... попросту знаете, без затéй! Мы к вам... вы к нам... по-родственному!

— Сели, что ли? Трогай! — крикнула Арина Петровна, едва сдéрживая себя.

Тарантас дрóгнул и покатился мелкой рысцóй по дороге. Иудушка стоял на крыльцé, махал платком, и, покуда тарантас не скрылся совсем из виду, кричал ему вслед:

— По-родственному! Мы к вам, вы к нам... По-родственному!

Глава III.

Семейные итóги.

[Разорвáв с Иудушкой, Арина Петровна поселúлась в Погорéлке. Первое время по переселéнии в Погорелку она хлопотлúво устрáивалась на новом месте. Её внучки — Аннинька и Любинька — жили с ней вместе и скучали. Они уезжáют от бабушки. С их отъéздом пого-

---

не в претéнзии — ei nõuagi
без затéй — lihtsalt
трóгай — lase käia
дрóгнуть* (-гну, -гнешь) — värahtama, võpatama
итóг — lõppkokkuvõte
разорвáть* (*буд.* -рвý, -рвёшь) — katkestama
разорвáв (*дееприч.*) — katkestanud
хлопотлúво — agaralt, hoolitsevalt
устрáиваться (-ваюсь, -ваешься) — end sisse seadma

релковский дом окунýлся в какую-то безнадёжную тишину. Арина Петровна живёт одинокой жизнью, мы́сленно возвраща́ясь к своему про́шлому. Но чем больше дряхле́ла Арина Петровна в безра́достной обстановке, тем „сильнее в ней ска́зывалось желание жизни“. Она ведёт жи́знь, полную лише́ний, непреста́нно думает об оставленном Головлёве. Она стала часто ездить в гости к Иудушке и даже примири́лась с тем, что, „наску́чив продолжи́тельным вдовство́м“, Иудушка взял себе в экономки девицу из духо́вного зва́ния, по имени Евпра́ксия.

Прошло пять лет со времени переселе́ния Арины Петровны в Погоре́лку. Иудушка, как засел в своём родовом Головлёве, так и не дви́гается оттуда. Характери́стика Иудушки — „па́костника, лгуна́ и пустосло́ва“. В своё хозя́йство Иудушка внёс, как говорит Салтыков, „мир делово́го безде́льничества“, занимаясь всякими пустяками. По осенним вечерам Иудушка вместе с матерью и Евпраксе́юшкой играет в дурачки́.

Одна́жды было получено письмо от Анниньки и Любиньки. Внучки извеща́ли ба́бушку, что они поступили на сцену и играют в опере́ттах.

День двадцать третьего ноября па́мятен Иудушке: в этот день его сын Володя покончил самоуби́йством. Иудушка говорит о том, что необходи́мо обе́денку отстоять

окуну́ться* (*буд.* -ну́сь, -нёшься) — sukelduma
мы́сленно — mõttes
дряхле́ть (-ле́ю, -ле́ешь) — raugastuma
ска́зываться (-ваюсь, -ваешься) — avalduma
непреста́нно — lakkamatult
продолжи́тельный — pikk, kauakestev
вдовство́ — lesepõlv
духо́вное зва́ние — vaimulik seisus
делово́й — asjalik
безде́льничество — logelemine, lullilöömine
па́мятный — tähtis
поко́нчить самоуби́йством — ennast tapma
обе́денка (*уменьш.*) = обе́дня — jumalateenistus

и „панихи́дку отслужить“ в память поко́йного сына. Пока отец лицеме́рно вздыхает о поги́бшем сыне, лишённом им самим всякой подде́ржки, слышится звук колоко́льчика. Из пере́дней доно́сится, что приехал „молодой барин“ — Пётр Порфи́рьевич, второй сын Головлёва.

„Иудушка встал и застыл на месте, бледный, как полотно“.]

...Пе́тенька вошёл как-то вяло, поцеловал у отца руку, потом соблю́л тот же церемониа́л относи́тельно бабушки, поклонился Евпраксе́юшке и сел. Это был ма́лый лет двадцати пяти, довольно красивой нару́жности, в доро́жной офице́рской форме. Вот всё, что можно сказать про него, да и сам Иудушка едва ли знал что-нибудь больше. Взаи́мные отноше́ния отца и сына были таковы, что их нельзя было даже назвать натя́нутыми, совсем как бы ничего не существова́ло. Иудушка знал, что есть человек, зна́чащийся по докуме́нтам его сыном, которому он обя́зан в изве́стные сро́ки посыла́ть усло́вленное, то-есть им же самим определённое жа́лованье и от которого, взамен того, он имеет право требовать почтения и повинове́ния. Петенька, с своей стороны, знал, что есть у него отец, который может его во всякое время притесни́ть. Он довольно охотно ездил в Головлёво,

---

панихи́дка (*уменьш.*) = панихи́да
подде́ржка — toetus
колоко́льчик — kelluke, aisakell
доноси́ться (-ношу́сь, -но́сишься) — kostma
соблюсти́* (*буд.* -блюду́, -блюди́шь) — *siin*: täitma
относи́тельно — suhteliselt, suhtes
ма́лый — poiss
нару́жность (*ж. р.*) — välimus
взаи́мный — vastastikune
натя́нутый (*прич.*) — pingulolev
зна́чащийся (*прич.*) — nimetatav, keda nimetatakse
обя́зан (*прич.*) — on kohustatud
срок — tähtaeg
усло́вленный — kokkulepitud
определённое — kindlaksmääratud
жа́лованье — töötasu, palk, annetus, kink; *siin*: elatis
притесни́ть* (*буд.* -тесню́, -тесни́шь) — pigistama
доволь́но охо́тно — meeleldi

особли́во с тех пор, как вышел в офицеры, но не потому, чтобы находил удово́льствие бесе́довать с отцом, а просто потому, что всякого человека, не отда́вшего себе никакого отчёта в жи́зненных целях, как-то инстинкти́вно тянет *в своё место*. Но теперь он, очевидно, прибыл по нужде́, по принужде́нию, вследствие чего он не выразил даже ни одного из тех зна́ков ра́достного недоуме́ния, которыми обыкнове́нно ознаменовывает всякий блу́дный дворя́нский сын свой приезд в родное место.

Петенька был неразгово́рчив. На все восклица́ния отца: „Вот так сюрприз! Ну, брат, одолжи́л! А я-то сижу, да думаю: кого, прости господи, по ночам но́сит! — ан вот он кто!“ и т. д. — он отвечал или молча́нием, или принуждённою улыбкою. А на вопрос: „И как это тебе вдруг вздумалось?“ — отвечал даже сердито: „Так вот, вздумалось и приехал“.

— Ну, спасибо тебе, спасибо, вспомнил про отца, обра́довал. Чай, и про бабушку-старушку вспомнил.

— И про бабушку вспомнил.

— Стой! да тебе, может быть, вспомнилось, что сегодня годовщи́на по брате Володеньке.

— Да, и про это вспомнилось.

особли́во = осо́бенно
не отда́вший (*прич.*) себе никакого отчёта — kes ei anna endale mingit aru
по нужде́ — häda pärast
по принужде́нию — sunnituna
вследствие чего́ — mistõttu
знак — märk
недоуме́ние — teadmatus, nõutus, kahtlus
ознаменовывать (-ваю, -ваешь) — tähistama
блу́дный — eksinud, kadunud
неразгово́рчивый — sõnaaher
одолжи́ть* (*буд.* -жу́, -жишь) — *siin*: kellelegi lahkust v. heategu osutama
ну, брат, одолжи́л — no vennas, olid väga lahke
кого́ по ночам но́сит — keda kihutatakse läbi öö
принуждённый (*прич.*) — sunnitud

В таком тоне разговор дли́лся с полчаса, так что нельзя было понять, взапра́вду ли отвечает Петенька, или только отде́лывается. Поэтому, как ни выно́слив был Иудушка относительно равноду́шия своих детей, однако, и он не выдержал и заметил:

— Да, брат, нела́сков ты. Нельзя сказать, чтоб ты ласковый сын был!

Смолчи́ на этот раз Петенька, прими́ папенькино замеча́ние с кро́тостью, а ещё лучше — поцелуй у папеньки ручку и скажи ему: „Извините меня, до́бренький папенька, я ведь с дороги устал!“ — и всё бы обошлось благополу́чно. Но Петенька поступил совсем, как неблагода́рный.

— Каков есть! — ответил он так грубо, словно хотел сказать: отвяжи́сь ты от меня, сделай милость.

Тогда Порфирию Владимирычу сделалось так больно, так больно, что он уж не нашёл возмо́жности молчать.

— Кажется, как я о вас забо́тился! — сказал он с го́речью. — Даже и здесь сидишь, а всё думаешь: как бы получше, да поскладне́е, да чтобы всем хорошо́нько да ую́тненько, без нужды да без го́рюшка... А вы всё от меня прочь да прочь.

дли́ться (-ли́шься, -ли́тся) — kestma
взапра́вду — tõepoolest
отде́лываться (-ваюсь, -ваешься) — põiklema, lahti saama, pääsema
выно́сливый — kannatlik
равноду́шие — ükskõiksus
нела́сковый — ebalahke
смолчи́ — *siin*: oleks vaikinud
прими́ — *siin*: oleks vastu võtnud
кро́тость (*ж. р.*) — alandlikkus
до́бренький (*уменьш.*) = до́брый
обойти́сь* (*буд.* -ду́сь, -дёшься); (*прош. вр.* обошло́сь) — kõik läks hästi
неблагода́рный — tänamatu
отвяжи́сь (*повелит. наклон.*) — jäta mind rahule
с го́речью — kibedusega
поскладне́е (*сравнит. ст.*) — sobivam
ую́тненько (*уменьш.*) = ую́тно
го́рюшко (*уменьш.*) = го́ре

— Кто же... *вы*?

— Ну, ты... Впрочем, и покойник, ца́рство ему небе́сное, был такой же...

— Что ж, я вам очень благода́рен!

— Никакой я от вас благодарности не вижу. Ни благодарности, ни ласки — ничего.

— Характер нела́сковый — вот и всё. Да вы всё во мно́жественном говорите. Один уже умер...

— Да, умер. Бог наказа́л. Бог непоко́рных детей нака́зывает. И всё-таки я его помню. Он непокорен был, а я его помню. Вот, завтра обе́денку отстоим и панихи́дку отслу́жим. Он меня обидел, а я всё-таки свой долг помню. Господи ты боже мой! да что ж это нынче де́лается? Сын к отцу приехал и с первого же слова уже фы́ркает. Так ли мы в наше время поступа́ли! Бывало, едешь в Головлёво-то, да за тридцать вёрст всё твердишь: „Помяни́, господи, царя Давы́да и всю кро́тость его!" Да вот маменька — живой человек: она скажет. А нынче — не понимаю, не понимаю!

— И я не понимаю. Приехал я смирно, поздоро́вался с вами, руку поцеловал, теперь сижу, вас не тро́гаю, пью чай, а коли дадите ужинать — и пу́жинаю. С чего вы всю эту историю подня́ли?

Арина Петровна сидит в своём кресле и вслу́шивается. И сдаётся ей, что она всё ту же знако́мую повесть слышит, которая давно — и не запомнит она когда — началась. Закры́лась было совсем эта повесть, да вот и опять, нет-нет, возьмёт да и раскро́ется на той же странице. Тем не менее, она понимает, что подо́бная встреча между

ца́рство ему́ небе́сное — olgu taevas talle armuline

наказа́ть* (*буд.* -жу́, -жешь) — karistama

твердить (твержу́, твердишь) — sama kordama, kinnitama

сдаётся ей — talle näib

подо́бный — niisugune, sarnane

отцом и сыном не обещает ничего хоро́шего и потому счита́ет до́лгом вмешаться в ра́спрю и сказать примири́тельное слово.

— Ну, ну, петухи инде́йские, — говорит она, стараясь придать своему поуче́нию шутли́вый тон. — Только что сви́делись, а уж и разодра́лись! Так и наска́кивают друг на дружку, так и наскакивают! Смотри, сейчас перья полетят! Ах-ах-ах горе какое! А вы, мо́лодцы, сми́рненько посидите да ладком между собой поговорите, а я, старуха, послушаю да полюбу́юсь на вас! Ты, Петенька, — уступи́! Отцу, мой друг, всегда нужно уступить, потому что он — отец! Ежели иной раз и горько́нько что от отца покажется, а ты прими с гото́вностью, да с поко́рностью, да с почте́нием, потому что ты — сын! Может, из горького-то да вдруг сладкое сделается — вот ты и в вы́игрыше! А ты, Порфирий Владимирыч, — снизойди́! Он — сын, человек молодой, не́женный. Он семьдесят пять вёрст по ухабам да по сугро́бам проехал и устал, и иззя́б, и усну́ть ему хочется! Вот чай-то уж кончили, вели-ка подавать у́жинать, да и на покой! Так-то, други мои! Разбредёмся все по своим местам, помо́лимся, ан, сердце-то у нас и пройдёт. И все, какие у нас дурные

считать до́лгом — kohuseks lugema v. pidama
ра́спря — nääklemine
примири́тельный — lepitav
петух индейский — kalkuni-kukk
разодра́ться* (*буд.* -деру́сь, -дерёшься) — kaklema hakkama
наска́кивать (-ваю, -ваешь) — kallale kargama
сми́рненько = сми́рно
ладко́м — sõbralikult
уступи́ть* (*буд.* -плю́, -пишь) — järele andma
горько́нько = го́рько
в вы́игрыше — võidul
снизойти́* (*буд.* -зойду́, -зойдёшь) alla laskuma, *siin:* vastu tulema
не́женный (*прич.*) — hellitatud, õrnake
иззя́бнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — läbi külmama
иззя́б (*прош. вр.*) — on läbi külmanud
разбрести́сь* (-дёшься, -дётся) — laiali valguma, laiali minema

мысли были — все сном бог прогóнит! А завтра ранёхонько встанем, да и об покойнике помолимся. Обéденку отстоúм, панихúдку отслужим, а потом, как ворóтимся домой, и побесéдуем. И всякий, отдохнýвши, своё дело по порядку, как следует, расскáжет. Ты, Петенька, про Петербург, а ты, Порфирий, — про деревéнское своё житьё. А теперь поýжинаем — и, с богом, на боковýю!

Это увещевáние оказывает своё действие не потому, что оно заключáло что-нибудь действительно убеди́тельное, а потому, что Иудушка и сам видит, что он зарапортовáлся, что лучше как-нибудь миром покончить день. Поэтому он встаёт с своего места, целует у маменьки ручку, благодарит „за науку“ и прикáзывает подавать ужинать. Ужин проходит сурово и молчаливо.

Столовая опустéла: все разошлись по своим комнатам. Дом мало-помáлу стихает, и мёртвая тишина ползёт из комнаты в комнату и, наконец, доползáет до последнего убéжища, в котором дольше прочих закоýлков упóрствовала обрядовая жизнь, т.-е. до кабинéта головлёвского барина. Иудушка, наконец, покончил с поклóнами, которые он долго-долго отсчúтывал перед образáми, и тоже улёгся в постель.

Лежит Порфирий Владимирыч в постели, но не может сомкнýть глаз. Чýет он, что приезд сына предвещáет

ранёхонько = páно — vara (hommikul)
увещевáние — manitsus
заключáть (-чáю, -чáешь) — sisaldama
убеди́тельный — veenev
убéжище — pelgupaik
закоýлок (*род.* закоýлка) — sopp
упóрствовать (-вую, -вуешь) — vastu panema v. pidama
обрядовый — kombetalituslik
отсчúтывать (-ваю, -ваешь) — loendama
улéчься * (*буд.* -ля́гусь, -ля́жешься) — heitma
сомкнýть * (*буд.* -кнý, -кнёшь) — sulgema
чýять (чýю, чýешь) — tundma
предвещáть (-щáю, -щáешь) — ette kuulutama, ennustama

что-то не совсем обыкновенное, и уже зара́нее в голове его зарожда́ются всевозмо́жные пустосло́вные поуче́ния. Поучения эти имеют то досто́инство, что они ко всякому случаю приго́дны и даже не представля́ют собой после́довательного сцепле́ния мыслей . . .

Не спится Иудушке: целая масса пустяков обступи́ла его изголо́вье и да́вит его. Со́бственно говоря, зага́дочный приезд Петеньки не особенно волнует его, ибо, что бы ни случилось, Иудушка уже ко всему готов зара́нее. Он знает, что ничто не застанет его врасплох и ничто не заставит сделать какое-нибудь отступле́ние от той се́ти пустых и наскво́зь прогни́вших афори́змов, в которую он запу́тался с головы до ног. Для него не существу́ет ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви. Весь мир в его глазах есть гроб, мо́гущий служить лишь по́водом для бесконе́чного пустосло́вия. Уж на что было больше горя, когда Володя покончил с собой, а он и тут устоя́л. Это была очень гру́стная история, продолжа́вшаяся целых два года. Целых два года Володя перемога́лся; сначала выказывал гордость и реши́мость не нуждаться в помощи отца; потом осла́б, стал моли́ть, доказывать,

---

зара́нее — varakult, aegsasti
всевозмо́жный — kõiksugu
пустосло́вный — tühisõnaline
досто́инство — väärtus
приго́дный — kõlbuline
после́довательный — järjekindel
сцепле́ние — seostumine
обступи́ть* (*буд.* -плю́, -пишь) — ümbritsema
изголо́вье — peats
дави́ть (-влю́, -вишь) — rõhuma
со́бственно говоря́ — õieti öelda
врасплох — ootamatult
отступле́ние — taganemine
сеть (*ж. р.*) — võrk
наскво́зь — läbi
прогни́вший (*прич.*) — pehkinud
по́вод — ettekääne
устоя́ть* (*буд.* -ою́, -ои́шь) — kindlaks jääma
перемога́ться (-га́юсь, -га́ешься) — enesest võitu saama; oma häda v. valu maha suruma
дока́зывать (-ваю, -ваешь) — selgeks tegema, tõendama, tõestama

грозить . . . И всегда встречал в ответ готовый афоризм, который представля́л собой камень, поданный голодному человеку. Сознавал ли Иудушка, что это камень, а не хлеб, или не сознавал — это вопрос спо́рный; но во всяком случае у него ничего другого не было, и он подавал свой камень, как еди́нственное, что он мог дать. Когда Володя застрели́лся, он отслужил по нём панихиду, записал в календаре день его смерти и обещал и на будущее время каждого́дно 23 ноября служить панихиду „и с литурги́ею“. Но когда по временам даже и в нём подними́лся какой-то тусклый голос, который бормота́л, что всё-таки разреше́ние семе́йного спора самоуби́йством — вещь по малой мере подозри́тельная, тогда он выводил на сцену целую сви́ту готовых афоризмов, вро́де: „бог непоко́рных детей наказывает“, „гордым бог проти́вится“ и проч. — и успока́ивался.

Вот и теперь. Нет сомне́ний, что с Петенькой случилось что-то недоброе, но, что бы ни случи́лось — он, Порфирий Головлёв, должен быть выше этих случа́йностей. Сам запу́тался — сам и распу́тывайся; умел кашу заварить — умей и расхлёбывать; любишь кататься — люби и саночки возить. Именно так; именно это самое он и скажет завтра, об чём бы ни сообщил ему сын. А что, ежели и Петенька, подобно Володе, отка́жется принять камень вместо хлеба? Что, ежели и он . . . Иудушка

грози́ть (-жу́, -зи́шь) — ähvardama
каждого́дно — iga aasta
и с литурги́ею — ja liturgiaga
ту́склый — tuhm
бормота́ть (-мочу́, -мо́чешь) — pomisema
разреше́ние — luba; lahendamine
подозри́тельный — kahtlane
сви́та — saatkond
проти́виться (-влюсь, -вишься) — vastu astuma, avaldama vastupanu
распу́тываться (-ваюсь, -ваешься) — välja rabelema
расхлёбывать (-баю, -баешь) — rüüpima, lürpima, ära sööma

отплёвывается от этой мысли и припи́сывает её навожде́нию лука́вого. Он перевора́чивается с боку на бок, уси́ливается уснуть и не может. Только что начнёт заводи́ть его сон — вдруг: „и рад бы до неба достать, да руки коротки́!“ или: „по одёжке протя́гивай ножки“. . . вот я . . . вот ты . . . пры́тки вы очень, а знаешь послó́вицу: „поспе́шность потре́бна только блох ловить“. Обступи́ли кругом пустяки, ползут, лезут, давят. И не спит Иудушка под бре́менем пустослóвия, которым он наде́ется завтра утоли́ть себе душу.

Не спится и Петеньке, хотя дорога поря́дком-таки́ излома́ла его. Есть у него дело, которое может разреши́ться только здесь, в Головлёве, но такое это дело, что и не весть как за него взяться. По правде говоря, Петенька отлично понимает, что дело его безнадёжное, что поездка в Головлёво принесёт только лишние неприя́тности, но в том-то и шту́ка, что есть в человеке какой-то тёмный

отплёвываться (-ваюсь, -ваешься) — sülitama, sülitamisega lahti saama v. lahti saada püüdma

припи́сывать (-ваю, -ваешь) — (kellegi) arvele kirjutama v. (kellelegi) omistama

навожде́ние — viirastus, kiusatus

лука́вый — vanakuri

перевора́чиваться (-ваюсь, -ваешься) — ennast küljelt küljele käänama

уси́ливаться (-ваюсь, -ваешься) — agaralt püüdma, jõudu pingutama

заводи́ть, (-вожу́, -во́дишь) — väsinuks vedama, vedamisega ära väsitama

то́лько начнёт его сон заводи́ть — vaevalt saab sõba silmale

по одёжке протягивай но́жки (*послови́ца*) — sea suu sekki mööda

пры́ткий — kärme, nobe, väle

поспе́шность потре́бна то́лько блох ловить — kiirus on vajalik vaid kirpude püüdmiseks

бре́мя — koorem, ike, raskus

утоли́ть* (*буд.* -лю́, -ли́шь) — vaigistama, leevendama

поря́дком-таки́ — tublisti

изломáть (-мáю, -мáешь) — murdma; *siin:* vintsutama

и не весть как — ei tea kuidas

в том-то и шту́ка — selles lugu seisabki

инстинкт самосохранения, который пересиливает всякую сознательность и который так и подталкивает: испробуй всё до последнего. Вот он и приехал, да вместо того, чтоб закалить себя и быть готовым перенести всё, чуть было с первого шагу не разругался с отцом. Что-то будет из этой поездки? Совершится ли чудо, которое должно превратить камень в хлеб, или не совершится?

Не прямее ли было бы взять револьвер и приставить его к виску: „Господа, я не достоин носить ваш мундир! Я растратил казённые деньги, и потому сам себе произношу справедливый и строгий суд!“ Бац! — и все кончено. „Исключается из списков умерший поручик Головлёв!“ Да, это было бы решительно и... красиво. Товарищи сказали бы: „Ты был несчастен, ты увлекался, но ... ты был благородный человек!“ Но он, вместо того чтобы сразу поступить таким образом, довёл дело до того, что поступок его стал всем известен, — и вот его отпустили на определённый срок, с тем, чтобы в течение его растраты была непременно пополнена. А потом — вон из полка. И для достижения этой-то цели, в конце которой стоял позорный исход только что начатой карьеры,

---

самосохранение — enesealalhoid
пересиливать (-ваю, -ваешь) — kellegi jõudu ületama; võitu saama
сознательность — teadlikkus, teadvuslikkus
подталкивать (-ваю, -ваешь) — takka tõukama
разругаться* (*буд.* -гаюсь, -гаешься) — tülli minema
висок (*род.* виска) — meelekoht
не достоин (*прич.*) — ei ole vääriline
растратить* (*буд.* -трачу, -тратишь) — raiskama
произносить (-ношу, -носишь) — ütlema, lausuma, pidama (kohut)
справедливый — õiglane
исключать (-чаю, -чаешь) — (nimekirjast) kustutama
благородный — üllas, õilis
поступок — tegu
определённый — teatav
растрата — raiskamine, raisatud raha
достижение — saavutamine
позорный — häbistav
исход — lõpp

он поехал в Головлёво, поехал с полной увéренностью получить камень вместо хлеба.

А может быть, что-нибудь и будет. Ведь случáется же... Вдруг нынешнее Головлёво исчéзнет, и на месте его очýтится новое Головлёво, с новою обстановкой, в которой он... Не то чтобы отец... умрёт — зачем? — а так... вообще, будет новая „обстановка“... А может быть и бабушка — ведь у неё деньги есть. Узнает, что беда впереди — и вдруг даст! На, скажет, поезжай скорее, покуда срок не прошёл. — И вот он едет, торопит ямщиков, насилу поспевáет на станцию — и является в полк как раз за два часа до срока. „Молодец Головлёв! — говорят товарищи. — Руку, благорóдный молодой человек, и пусть отныне всё будет забыто!“ И он не только остаётся в полку попрéжнему, но произвóдится сначала в штабс-капитáны, потом в капитаны, делается полковым адъютáнтом (казначéем он уж был) и, наконец, в день полковóго юбилéя...

Ах! поскорей бы эта ночь прошла! Завтра... ну, завтра пусть будет, что будет! Но что он должен будет завтра выслушать... ах, чего только он не выслушает! Завтра... но для чего же завтра? Ведь есть ещё целый день впереди... Ведь он выговорил себе два дня сóбственно для того, чтобы иметь время убедúть, растрóгать.. Чорта с два! убедишь тут, растрóгаешь! Нет уж...

увéренность (*ж. р.*) — veendumus
нынéшний — praegune
исчéзнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — kaduma
очутúться* (*буд.* очущýсь, очýтишься) — äkki kuhugi sattuma; *sün:* tekkima
ямщúк — postipoiss
отныне — nüüdsest peale
казначéй — laekahoidja
убедúть* (*буд.* убеждý, убедúшь) — veenma
растрóгать (-гаю, -гаешь) — liigutama, heldima panema

Тут мысли его оконча́тельно путаются и постепе́нно, одна за другой, утопа́ют в сонной мгле. Через четверть часа головлёвская усадьба всеце́ло погружа́ется в тяжкий сон.

На другой день рано утром весь дом уже на ногах. Все поехали в церковь, кроме, впрочем, Петеньки, который остался дома под предло́гом, что устал с дороги. Наконец, отслу́шали обедню и панихиду и ворот и́лись домой. Петенька, по обыкнове́нию, подошёл к руке отца, но Иудушка подал руку бо́ком, и все заметили, что он даже не перекрестил сына. Напились чаю, поели помина́льной кутьи́; Иудушка ходил мрачный, ша́ркал ногами, избегал разговоров, вздыхал, беспреста́нно скла́дывал руки, в знак умной молитвы, и совсем не глядел на сына. С своей стороны и Петенька ёжился и молча курил папиро́ску за папироской. Вчерашнее натя́нутое положение не то́лько не улучшилось за ночь, но приняло такие резкие тоны, что Арина Петровна серьёзно обеспокоилась и решилась разве́дать у Евпаксе́юшки, не случилось ли что-нибудь.

— Что такое сделалось, — спросила она, — что они с утра словно во́роги друг на друга смотрят?

— А я почём знаю! Разве я в и́хние дела вхожу́! — огрызну́лась Евпраксея...

[На другой день, когда Иудушка после обеда удали́лся спать, Петенька признался бабушке Арине Петровне, что он проиграл три

утопа́ть (-па́ю, -па́ешь) — uppuma
погружа́ться (-жа́юсь, -жа́ешься) — vajuma
под предло́гом — ettekäändel
бо́ком — *siin:* kõrvale
ёжиться (ёжусь, ёжишься) — kössi tõmbama
натя́нутый (*прич.*) — pinev
разве́дать (-даю, -даешь) — järele kuulama
во́рог = враг — vaenlane
а я почём зна́ю — kust mina seda tean

тысячи казённых денег. Он просит бабушку спасти его и дать ему три тысячи взаймы. Но Арина Петровна испу́ганно говорит, что у неё денег нет. Петенька решает на следующий день объясниться с отцом.]

Петенька встал рано после почти совсем бессо́нной ночи. Всё та же раздво́енная мысль преследовала его — мысль, начинавшаяся наде́ждой: „может быть, и даст!“ и неизме́нно конча́вшаяся вопро́сом: „и зачем я сюда приехал?“ Может быть, он не понимал своего отца, но, во всяком слу́чае, он не знал за ним ни одного чувства, ни одной сла́бой струны́, за которую предстоя́ла бы возмо́жность ухвати́ться, и эксплоати́руя которую, можно было бы чего-нибудь дости́гнуть. Он чу́вствовал только одно: что в прису́тствии отца он находится лицом к лицу с чем-то неизъясни́мым, неулови́мым. Незна́ние, с какого конца подойти, с чего начать речь, порожда́ло ежели не стра́х, то, во всяком случае, беспоко́йство. И так шло с самого детства. Всегда, с тех пор как он начал себя помнить, дело было поста́влено так, что лучше казалось совсем отказа́ться от какого-нибудь предположе́ния, нежели поставить его в зави́симость от решения отца. Так было и теперь. С чего он начнёт? как начнёт? что скажет... Ах, зачем только приехал!

Им овладе́ла тоска. Тем не менее, он понял, что впереди остава́лось только несколько часов и что, сле́дова-

---

взаймы́ — laenuks
испу́ганно — kohkunult
раздво́енная (*прич.*) — kaheks jagatud; раздво́енная мысль — kõhklemine
неизме́нно — muutmatult
струна́ — (pilli)keel; *siin:* õrn külg
ухвати́ться* (*буд.* -хвачу́сь, -хва́тишься) — haarama
прису́тствие — juuresolek
неизъясни́мый — seletamatu
неулови́мый — tabamatu
отказа́ться* (*буд.* -кажу́сь, -ка́жешься) — loobuma
предположе́ние — kavatsus
зави́симость — sõltuvus

тельно, надо же что-нибудь делать. Набра́вшись напускно́й реши́мости, застегну́вши сюртук и пошепта́вши что-то на ходу, он довольно твёрдым шагом направился к отцо́вскому кабинету.

Иудушка стоял на молитве. Он был на́божен и каждый день охотно посвящал моли́тве несколько часов. Но он молился не потому, что любил бога и надеялся посре́дством молитвы войти в обще́ние с ним, а потому, что боялся чорта, и наде́ялся, что бог изба́вит его от лука́вого. Он знал мно́жество молитв и в осо́бенности отлично изучил технику моли́твенного стоя́ния. То-есть знал, когда нужно шевелить губами и зака́тывать глаза, когда следует скла́дывать руки ладо́нями внутрь и когда держать их возде́тыми, когда надлежи́т умиля́ться и когда стоять чи́нно, творя́ уме́ренные кре́стные зна́мения. И глаза, и нос его красне́ли и увлажня́лись в определённые минуты, на которые ука́зывала ему моли́твенная пра́ктика. Но молитва не обновля́ла его, не просветля́ла его чувства, не вноси́ла никакого луча́ в его тусклое существова́ние. Он мог молиться и проде́лывать все нужные телодвиже́ния — и в то же время смотреть в окно и замечать, не

набра́вшись (*дееприч.*) — kogunud
напускно́й — teeseldud
реши́мость — otsustavus
застегну́вши (*дееприч.*) — kinni nööpinud
прошепта́вши (*дееприч.*) — sosistanud
на́божный — jumalakartlik
посре́дством — kaudu, abil
в обще́ние — ühendusse
стоя́ние — seismine
надлежи́т — vaja
чи́нно — väärikalt
творя́ (*дееприч.*) — tehes
кре́стные знаме́ния — ristimärgid
увлажня́ться (-ня́ется, -ня́ешься) — niiskeks muutuma
обновля́ть (-вля́ю, -вля́ешь) — uuendama
просветля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — valgustama
вноси́ть (вношу́, вно́сишь) — tooma, sisse kandma
луч — kiir
телодвиже́ние — kehaliigutus

идёт ли кто без спросу в погреб и т. д. Это была совершéнно осóбенная, частная фóрмула жизни, которая могла существовáть и удовлетворя́ть себя совсем незави́симо от общей жи́зненной фóрмулы.

Когда Петенька вошёл в кабинет, Порфирий Владимирыч стоял на коленях с воздéтыми руками. Он не перемени́л своего положéния, а только подры́гал одной рукой в воздухе, в знак того, что ещё — не время. Петенька расположи́лся в столовой, где уж был накрыт чайный прибóр, и стал ждать. Эти полчаса показались ему вéчностью, тем более что он был уверен, что отец заставля́ет его ждать нарóчно. Напускна́я твёрдость, которою он вооружился, мало-помалу стала уступáть место чувству досáды. Сначала он сидел смирно, потом принялся ходить взад и вперёд по комнате и, наконец, стал что-то насви́стывать, вследствие чего дверь кабинета приотвори́лась и оттуда послышался раздражённый голос Иудушки:

— Кто хочет свистáть, тот может для этого на коню́шню итти.

Немного погодя, Порфирий Владимирыч вы́шел, одетый весь в чёрном, в чистом белье, словно приготóвленный к чему-то торжéственному. Лицо у него было светлое, умилённое, дышащее смирéнием и радостью, как

чáстный — era-
удовлетворя́ть (-ря́ю, -ря́ешь) — rahuldama
перемени́ть* (*буд.* -меню́, -мéнишь) — muutma
положéние — asend
подры́гать* (*буд.* -гаю, -гаешь) — vehkima
вéчность — igavik
уступáть (-пáю, -пáешь) — maad andma, järele andma
досáда — pahameel
приотвори́ться* (*буд.* -вори́шься, -вори́тся) — paokile avanema
раздражённый (*прич.*) — ärritatud
коню́шня — tall
торжéственный — pidulik
умилённый — hardunud, liigutatud
смирéние — rahu

будто он сейчас только „сподо́бился“. Он подошёл к сыну, перекрестил и поцеловал его.

— Здравствуй, друг! — сказал он.

— Здравствуйте.

— Каково почивал? Посте́льку хорошо ли постла́ли? Кло́пиков, бло́шек не чувствовал ли?

— Благодарю вас. Спал.

— Ну, спал, так и слава богу. У родителей только и мо́жно сла́денько поспать. Это уж я по себе знаю: как ни хорошо, бывало, устроишься в Петербурге, а никогда так сладко не уснёшь, как в Головлёве. Точно вот в колыбе́льке тебя пока́чивает. Так как же мы с тобой: попьём чайку, что ли, сначала, или ты сейчас что-нибудь сказать хочешь?

— Нет, лучше теперь поговори́м. Мне через шесть часов уе́хать надо, так, может быть, и обдумать кой-что время пона́добится.

— Ну, ладно. Только я, брат, говорю прямо: никогда я не обду́мываю. У меня всегда ответ готов. Коли ты правильно чего просишь — изво́ль! никогда я ни в чём правильном не откажу. Хоть и трудне́нько иногда, и не по силам, а е́жели правильно — не могу отказать! Натура такая. Ну, а ежели просишь непра́вильно — не прогне́вайся! Хоть и жалко тебя — а откажу! У меня, брат, вы́вертов нет! Я весь тут, на ладони. Ну, пойдём, пой-

---

сподо́биться* (*буд.* -до́блюсь, -до́бишься) — pihilt tulema
посте́лька (*уменьш.*) = посте́ль — magamisase
постла́ть* (*буд.* -стелю́, -сте́лешь) — aset tegema
кло́пик (*уменьш.*) = клоп — lutikas
бло́шка (*уменьш.*) = блоха́ — kirp
колыбе́лька — häll
пона́добиться* (*буд.* -блюсь, -бишься) — tarvis minema
изво́ль (*повелит.*) — ole lahke
вы́верт — väänak, riugas

дём в кабинет! Ты поговори́шь, а я послу́шаю! Послушаем, послушаем, что такое!

Когда оба вошли в кабинет, Порфирий Владимирыч оставил дверь слегка приотворённою и затем ни сам не сел, ни сына не посадил, а начал ходить взад и вперёд по комнате. Словно он инстинкти́вно чувствовал, что дело будет щекотли́вое и что объясня́ться о таких предме́тах на ходу́ гораздо свобо́днее. И выраже́ние лица скрыть удо́бнее, прекрати́ть объясне́ние, ежели оно при́мет слишком неприятный оборо́т, легче. А с помощью приотворённой двери и на свиде́телей можно сосла́ться, потому что маменька с Евпраксе́юшкой, наверное, не заме́длят явиться к чаю в столовую.

— Я, папенька, казённые деньги проиграл, — разом и как-то ту́по высказался Петенька.

Иудушка ничего не сказал. Только можно было заме́тить, как дро́гнули у него губы. И вслед затем он по обыкнове́нию начал шептать.

— Я проиграл три тысячи, — пояснил Петенька — и ежели послеза́втра их не внесу, то могут произойти́ очень неприя́тные для меня после́дствия.

— Что ж, внеси! — любе́зно молвил Порфирий Владимирыч.

Несколько ту́ров отец и сын сделали молча. Петенька

щекотли́вый — piinlik
предме́т — asi
на ходу́ — kõndides
скры́ть* (*буд.* скро́ю, скро́ешь) — varjama
приня́ть* (*буд.* -му́, -мешь) — võtma
оборо́т — pööre
сосла́ться* (*буд.* сошлю́сь, сошлёшься) — toetuma
заме́длить* (*буд.* -лю, -лишь) — viivitama
ту́по — *siin:* tuimalt
произойти́* (*буд.* -зойдёшь, -зойдёт) — juhtuma, toimuma, sündima
после́дствие — tagajärg
тур — *siin:* tiir

хотел объясниться дальше, но чувствовал, что у него захвати́ло горло.

— Откуда же я возьму деньги? — наконец выговорил он.

— Я, любе́зный друг, твоих исто́чников не знаю. На какие ты источники рассчи́тывал, когда прои́грывал в карты казённые деньги, — из тех и плати.

— Вы сами хорошо знаете, что в подо́бных случаях люди об источниках забыва́ют!

— Ничего я, мой друг, не знаю. Я в карты никогда не и́грывал — только вот разве с маменькой в дурачки́ сыграешь, чтоб поте́шить старушку. И, пожалуйста, ты меня в эти грязные дела не впу́тывай, а пойдём-ка лучше чайку попьём. Попьём да посидим, может, и поговорим о чём-нибудь, только уж, ради Христа, не об этом.

И Иудушка напра́вился было к двери, чтобы ю́ркнуть в столовую, но Петенька остановил его.

— Позвольте, одна́кож, — сказал он, — надобно же мне как-нибудь выйти из этого положения!

Иудушка усмехну́лся и посмотрел Петеньке в лицо.

— Надо, голу́бчик! — согласился он.

— Так помоги́те же!

— А это... это уж другой вопрос. Что надобно как-нибудь выйти из этого положения — это так, это ты правду сказал. А как выйти — это уже не моё дело!

— Но почему же вы не хотите помочь?

— А потому, во-первых, что у меня нет денег для покрытия твоих дрянны́х дел, а во-вторых — и потому,

---

захвати́ло горло — hing jäi kurku kinni
исто́чник — allikas
рассчи́тывать (-ваю, -ваешь) — arvestama
поте́шить* (*буд.* -шу, -шишь) — lõbustama
ю́ркнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — lipsama
одна́кож — siiski

что вообще это до меня не касается. Сам напу́тал — сам и выпу́тывайся. Любишь кататься — люби и саночки возить. Так-то, друг. Я ведь и давеча с того начал, что ежели ты просишь правильно...

— Знаю, знаю. Много у вас на языке слов...

— Постой, попридержи́ свои де́рзости, дай мне досказать. Что это не одни слова — это я тебе сейчас докажу... Итак, я тебе да́веча сказал: если ты будешь просить до́лжного, де́льного — изво́ль, друг, всегда готов тебя удовлетвори́ть! Но ежели ты приходишь с просьбой не дельною — извини, брат! На дрянны́е дела у меня денег нет, нет и нет! И не будет — ты это знай! И не смей говорить, что это — одни „слова", а понимай, что эти слова очень бли́зко грани́чат с делом.

— Поду́майте, однако́ж, что со мной будет!

— А что богу уго́дно, то и будет, — отвечал Иудушка, слегка воздева́я руки и и́скоса погля́дывая на образ.

Отец и сын опять сделали несколько туров по комнате. Иудушка шёл не́хотя, словно жаловался, что сын держит его в плену. Петенька, подбоче́нившись, следовал за ним, кусая усы и нервно усмехаясь.

— Я последний сын у вас, — сказал он, — не забу́дьте об этом.

— У Ио́ва, мой друг, бог и всё взял, да он не ропта́л, а только сказал: бог дал, бог и взял — твори, господи, волю свою! Так-то, брат.

— То бог взял, а вы сами у себя отнима́ете. Володя...

попридержи́ (*повелит.*) — pidurda
де́рзость (*ж. р.*) — häbematus
да́веча = только что — äsja
до́лжный — vajalik
делово́й — asjalik
дрянно́й — närune
слова́ бли́зко грани́чат с де́лом — „sõnad on lähedased tegudele", s. t. asjalikult öeldud
подбоче́нившись (*дееприч.*) — käed puusas

— Ну, ты, кажется, по́шлости начинаешь говорить!

— Нет, это не пошлости, а правда. Всем известно, что Володя...

— Нет, нет, нет! Не хочу я твои пошлости слушать! Да и вообще — довольно. Что надо было вы́сказать, то ты высказал. Я тоже ответ тебе дал. А теперь пойдём и будем чай пить. Посиди́м да поговорим, потом поеди́м, вы́пьем на проща́нье — и с богом. Видишь, как бог для тебя милостив! И пого́дка унялась, и доро́жка погла́же стала. Полего́ньку да помале́ньку, трюх да трюх — и не увидишь, как доплетёшься до станции!

— Послу́шайте! наконец, я прошу вас! Ежели у вас есть хоть капля чувства...

— Нет, нет, нет! Не будем об этом говорить! Пойдём в столовую: маменька, поди, давно без чаю соску́чилась. Не годится старушку заставлять ждать.

Иудушка сделал круто́й поворо́т и почти бегом напра́вился к двери.

— Хоть уходите, хоть не уходите, я этого разговора не оставлю! — крикнул ему вслед Петенька. — Хуже будет, как при свиде́телях начнём разговаривать!

Иудушка вороти́лся назад и встал прямо против сына.

—Что тебе от меня, негодя́й, нужно... ска́зывай? — спросил он взволно́ванным голосом.

— Мне нужно, чтобы вы заплатили те деньги, которые я проиграл.

— Никогда!

по́шлость — labasus
пого́дка (*уменьш.*) = пого́да
доро́жка (*уменьш.*) = доро́га
трюх да трюх — sõrk ja sõrk
доплести́сь* (*буд.* -плету́сь, -плетёшься) — sõrkima
круто́й — järsk
поворо́т — pööre
взволно́ванный (*прич.*) — erutatud

— Так это ваше последнее слово?

— Видишь, — торже́ственно воскли́кнул Иудушка, ука́зывая пальцем на образ, висе́вший в углу, — это видишь? Это — па́пенькино благослове́ние... Так вот я при нём тебе говорю: никогда!!

И он реши́тельным шагом вышел из кабине́та.

— Уби́йца! — пронесло́сь вдого́нку ему.

Арина Петровна сидит уже за столом, и Евпраксеюшка делает все приготовле́ния к чаю. Старуха заду́мчива, молчали́ва и даже как будто стыди́тся Петеньки. Иудушка, по обы́чаю, подходит к её ручке, и, по обычаю же, она машина́льно кре́стит его. Потом, по обычаю, идут вопросы, все ли здоровы, хорошо ли почивали, на что следуют обычные односложные ответы.

Уже наканý не вечером она была скучна. С тех пор, как Петенька попросил у неё денег и разбудил в ней воспомина́ние о „прокля́тии", она вдруг впала в какое-то зага́дочное беспоко́йство, и её неотступно начала пресле́довать мысль: „а что, ежели прокляну?" Узнавши утром, что в кабинете началось объясне́ние, она обратилась к Евпраксе́юшке с просбой:

— Поди-ка, суда́рка, подслушай потихо́ньку у дверей, что они там говорят!

Но Евпраксеюшка хотя и подслушала, но была настолько глупа́, что ничего не поняла.

— Так проме́жду себя разгова́ривают! Не очень кричат! — объяснила она, возврати́вшись.

убúйца — mõrtsukas

пронести́сь* (*буд.* -несу́сь, -несёшься) — kõlama

вдого́нку — järele

по обы́чаю — harjunud viisil

односло́жный — ühesilbiline

суда́рка — emandake

Тогда Арина Петровна не вытерпела и сама отпра́вилась в столовую, куда тем вре́менем и самовар был уже подан. Но объяснение уже приходило к концу; слышала она только, что Петенька возвыша́ет голос, а Порфирий Владимирыч словно зуди́т в ответ.

„Зудит, именно зудит, — верте́лось у неё в голове, — вот и тогда он также зуде́л, и как это я в то время не поняла".

Наконец, оба, и отец, и сын, появились в столовую. Петенька был кра́сен и тяжело́ дышал; глаза у него смотре́ли широко́, волосы на голове растрепа́лись, лоб был усе́ян мелкими ка́плями по́та. Напротив, Иудушка вошёл бледный и злой; хотел казаться равноду́шным, но, несмотря на все уси́лия, нижняя губа его дрожа́ла. Насилу мог он выговорить обы́чное у́треннее приветствие милому другу маменьке.

Все заняли свои места вокруг стола; Петенька сел несколько пода́ль, отвали́лся на спинку стула, положил ногу на ногу и, закуривая папироску, иронически посма́тривал на отца.

— Вот, маменька, и пого́дка у нас унялась, — начал Иудушка, — какое вчера смяте́ние было, ан, богу, стоило только захотеть — вот у нас тишь да гладь, да бо́жья благода́ть. Так ли, друг мой?

— Не знаю; не выходила я из дому сегодня.

— А мы, кстати, дорогого гостя провожа́ем, — продолжал Иудушка, — я давеча ещё где-где встал, посмотрел в

зуди́ть (зужу́, зуди́шь) — õrritama

растрепа́ться* (*буд.* -плю́сь, -плешься) — sassi minema

усе́ян (*прич.*) — kaetud

пода́ль = пода́льше — kaugemale

отвали́ться* (*буд.* -валю́сь, -ва́лишься) — naalduma, laskuma

смяте́ние — segadus

тишь да гладь, да бо́жья благода́ть — vait ja vaga, jumalaõnnistus aga

окно — ан, на дворе тихо да спокойно, точно вот, ангел божий пролетел и в одну минуту своим крылом всё это возмуще́ние усмири́л!

Но никто даже не ответил на ласковые Иудушкины слова; Евпраксеюшка шумно пила с блю́дечка чай, ду́я и отфы́ркиваясь; Арина Петровна смотрела в чашку и молчала; Петенька, раска́чиваясь на стуле, продолжал посматривать на отца с таким ирони́чески-вызыва́ющим видом, точно вот ему больших усилий стоит, чтобы не пры́снуть со смеха.

— Тепе́рича, ежели Петенька и не ши́бко поедет, — опять начал Порфирий Владимирыч, — и тут к вечеру легко до станции железной дороги поспеет. Лошади у нас свои, не му́ченные, часика два в Муравьёве покормят — мигом домча́т. А там — фию́ю! пошла машина погромы́хивать! Ах, Петька, Петька! недо́брый ты! Остался бы ты здесь с нами, погости́л бы — право. И нам было бы веселее, да и ты бы — смотри, как бы ты здесь в одну неделю попра́вился.

Но Петенька все продолжает раска́чиваться на стуле и посма́тривать на отца.

— Ты что на меня всё смотришь, — закипает, наконец, Иудушка, — узо́ры, что ли, видишь?

— Смотрю, жду, что ещё от вас будет.

— Ничего, брат, не высмотришь! Как сказано, так и будет. Я своего слова не изменю́.

возмуще́ние — möll; pahameel
усмири́ть* (*буд.* -мирю́, -мири́шь) — rahustama
блю́дечко — alustass
раска́чиваясь (*дееприч.*) — kiikudes
вызыва́ющий (*прич.*) — väljakutsuv
ши́бко — kiiresti
му́ченные (*прич.*) — piinatud, kurnatud
домча́ть* (*буд.* -чу́, -чи́шь) — (pärale) kihutama
погромы́хивать (-ваю, -ваешь) — müristama (vahetevahel)
узо́р — muster, ehe

Наступает минута молчания, в продолже́ние которой я́вственно раздаётся шопот:

— Иудушка!

Порфирий Владимирыч, несомне́нно, слышал, эту апо́строфу (он даже побледне́л), но делает вид, что восклица́ние до него не отно́сится.

— Ах, детки, детки! — говорит он, — и жаль вас, и хотелось бы приласкать да приголу́бить вас, да, видно, не́чего делать — не судьба́. Сами вы от родителей бежите, свои у вас завели́сь друзья-приятели, которые дороже для вас и отца с матерью. Ну, и не́чего делать. Подумаешь-подумаешь — и покоришься. Люди вы молодые, а молодому, известно, приятнее с молодым побыть, чем со стариком-ворчуно́м. Вот и смиря́ешь себя, и не ро́пщешь: только и просишь отца небе́сного: твори́, го́споди, во́лю свою́.

— Уби́йца! — вновь шепчет Петенька, но уже так я́вственно, что Арина Петровна со страхом смотрит на него. Перед глазами её что-то вдруг пронеслось, словно тень Стёпки-балбеса.

— Ты про кого это говоришь? — спрашивает Иудушка, весь дрожа от волнения.

— Так, про одного знакомого.

— То-то! так ты так и говори! Ведь бог знает, что у тебя на уме: может быть, ты из прису́тствующих кого-нибудь так чести́шь!

Все смолкают; стаканы с чаем стоят нетро́нутыми. Иудушка тоже отки́дывается на спинку стула и нервно

я́вственно — selgesti

приголу́бить* (*буд.* -лу́блю, -лу́бишь) — hellitsema, õrnalt kohtlema, silitlema

ворчу́н — toriseja

прису́тствующий (*прич.*) — siinviibija

чести́ть (чещу́, чести́шь) — solvavalt nimetama, sajatama, kiruma

нетро́нутый — puutumata

пока́чивается. Петенька, видя, что всякая надежда поте́ряна, ощущает что-то вроде предсме́ртной тоски и под влиянием её готов итти до крайних преде́лов. И отец, и сын с какою-то неизъясни́мою улыбкой смотрят друг другу в глаза. Как ни вы́школил себя Порфирий Владимирыч, но бли́зится минута, когда и он не в состоя́нии будет сде́рживаться.

— Ты бы лучше за добра́-ума́ уехал! — наконец, выска́зывается он. — Да!

— И то уеду.

— Чего ждать-то! Я вижу, что ты на ссо́ру ле́зешь, а я ни с кем ссориться не хочу. Живём мы здесь тихо да смирно, без ссор да без свар; вот бабушка-старушка здесь сидит — хот бы её ты посо́вестился! Ну, зачем ты к нам приехал?

— Я вам говорил, зачем.

— А коли за тем только, так напра́сно трудился. Уезжай, брат! Эй, кто там, велите-ка для молодого барина киби́тку закла́дывать! Да цыплёночка жа́реного, да ико́рки, да ещё там что-нибудь... яичек, что ли... в бумажку заверни́те. На станции, брат, и заку́сишь, покуда лошадей поко́рмят. С богом!

— Нет, я ещё не поеду. Я ещё в церковь пойду, попрошу панихидку по убие́нном рабе божием Владимире отслужи́ть.

предсме́ртный — surmaeelne
преде́л — piir
неизъясни́мый — seletamatu
вы́школить* (*буд.* -колю, -колишь) — välja koolitama
за добра́-ума́ — heaga
на ссо́ру ле́зешь — tülli kipud
киби́тка — kibitka (talvine kaetud sõidutõld)
цыплёночек — kanapoeg, tibuke
завернуть* (*буд.* -ну́, -нёшь) — sisse mähkima
закуси́ть* (*буд.* -кушу́, -ку́сишь) — sööma, suhupistet võtma
убие́нный (*прич.*) — tapetud

— По самоуби́йце, то́-есть...

— Нет, по убие́нном.

Отец и сын смотрят друг на друга во все глаза́. Так и кажется, что оба сейчас вскоча́т. Но Иудушка делает над собой нечелове́ческое уси́лие и обора́чивается со стулом лицом к столу.

— Удиви́тельно! — говорит он надо́рванным голосом, — у-ди-ви-тель-но!

— Да, по убие́нном! — грубо наста́ивает Петенька.

— Кто же его убил? — любопы́тствует Иудушка, по-ви́димому, всё-таки наде́ясь, что сын опо́мнится.

Но Петенька, нимало не смуща́ясь, выпа́ливает, как из пушки:

— Вы!

— Я?!

Порфирий Владимирыч не может притти́ в себя́ от изумления. Он торопли́во поднима́ется со стула, обращается лицом к образу и начинает молиться.

— Вы! вы! вы! — повторяет Петенька.

— Ну, вот! ну, слава богу! Вот теперь поле́гче стало, как помолился! — говорит Иудушка, вновь приса́живаясь к столу. — Ну, постой, погоди, хоть мне, как отцу, можно было бы и не входить с тобой в объясне́ния — ну, да уж пусть будет так! Стало быть, по-тво́ему, я убил Володеньку!

— Да, вы!

— А по-мо́ему, это не так. По-моему, он сам себя

уси́лие — jõupingutus

обора́чиваться (-ваюсь, -ваешься) — pöörduma

надо́рванный — katkev

наста́ивать (-ваю, -ваешь) — peale käima

любопы́тствовать (-вую, -вуешь) — uudishimutsema

опо́мниться* (*буд.* -нюсь, -нишься) — aru pähe võtma

выпа́ливать (-ваю, -ваешь) — välja pahvatama

притти́ в себя́ — toibuma

ста́ло быть — tähendab, järelikult

застрелил. Я в то время был здесь, в Головлёве, он — в Петербурге. При чём же я тут мог быть? Как мог я его за семьсот вёрст убить?

— Уж будто вы и не понимаете?

— Не понимаю... видит бог, не понимаю!

— А кто Володю без копейки оставил? Кто ему жа́лованье прекрати́л? Кто?

— Те-те-те! так зачем же он жени́лся против желания отца?

— Да ведь вы же позво́лили!

— Кто? Я? Христос с тобой! Никогда я не позволя́л! Нникогда!

— Ну, да, то-есть вы и тут по своему обыкнове́нию поступили. У вас ведь каждое слово десять значе́ний имеет: пойди, уга́дывай.

— Никогда я не позволя́л. Он мне в то время написал: „Хочу, папа, жениться на Лидочке.“ Понимаешь: „хочу“, а не „прошу позволе́ния“. Ну, и я ему ответил: коли х о ч е ш ь жениться, так женись, я препя́тствовать не могу! Только всего и было.

— Только всего и было! — поддра́знивает Петенька. — А разве это — не позволе́ние?

— То-то, что нет. Я что сказал? Я сказал: не могу препя́тствовать — только и всего! А позволяю или не позволяю, — это другой вопрос. Он у меня позволения и не просил; он прямо написал: „Х о ч у, папа, жениться на Лидочке“ — ну, и я насчёт позволения умолчал. Х о ч е ш ь жениться — ну, и Христос с тобой, женись,

---

по своему́ обыкнове́нию — omal viisil, oma harjumuste järgi

значе́ние — tähendus

препя́тствовать (-вую, -вуешь) — takistama

поддра́знивать (-ваю, -ваешь) — näägutama

мой друг, хоть на Лидочке, хоть на разли́дочке — я препя́тствовать не могу!

— А только без куска хлеба оставить можете. Так вы бы так и писали: не нравится, дескать, мне твое наме́рение, а потому хоть я тебе не препя́тствую, но всё-таки предупрежда́ю, чтоб ты больше не рассчи́тывал на денежную помощь от меня. По крайней мере, тогда было бы ясно.

— Нет, этого я никогда не позволю себе сделать. Чтоб я стал употребля́ть в дело угрозы совершенноле́тнему сыну — никогда! У меня такое правило, что я никому не препятствую! Захотел жениться — женись! Ну, а насчёт последствий — не прогне́вайся! Сам должен был предусма́тривать — на то и ум тебе от бога дан. А я, брат, в чужие дела не вме́шиваюсь. И не только сам не вмешиваюсь, да не прошу, чтоб и другие в мои дела вмешивались. Да, не прошу, не прошу, не прошу и даже... запреща́ю! Слышишь ли, дурной, непочти́тельный сын — за-пре-щаю!

— Запрещайте, пожалуй, всем ртов не зама́жете!

— И хоть бы он раска́ялся! Хоть бы он понял, что отца обидел! Ну, сделал пошлость, — ну, и раскайся! Попроси́ проще́ния! Простите, мол, ду́шенька-па́пенька, что вас огорчил! А то — на́тко!

хоть на Ли́дочке, хоть на разли́дочке — (sõnade mäng) eesti keeles umbes: kas Liidaga või lidaga

наме́рение — kavatsus

предупрежда́ть (-да́ю, -да́ешь) — hoiatama

употребля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — tarvitama

совершенноле́тний — täiskasvanud

не прогне́вайся (*повелит. накл.*) — ära pahaks pane

предусма́тривать (-ваю, -ваешь) — ette nägema

ртов не зама́жете — suud lukku panna ei saa

раска́яться * (*буд.* -ка́юсь, -ка́ешься) — kahetsema

на́тко — säh sulle!

— Да ведь он писал вам; он объяснил, что ему жить нечем, что дольше ему терпеть нет сил...

— С отцом не объясня́ются-с. У отца прощения про́сят — вот и всё.

— И это было. Он так был изму́чен, что и прощенья просил. Всё было, всё!

— А хоть бы и так — опять-таки он не прав. Попросил раз прощенья, видит, что папа не прощает, — и в другой раз попроси!

— Ах, вы!

Сказа́вши это, Петенька вдруг перестаёт качаться на стуле, оборачивается к столу и облока́чивается на него обеими руками.

— Вот и я... — чуть слышно произносит он.

Лицо его постепе́нно искажа́ется.

— Вот и я... — повторяет он, разража́ясь истери́ческими рыда́ниями.

— А кто же вино...

Но Иудушке не удало́сь окончить своё поучение, ибо в эту самую минуту случилось нечто совершенно неожи́данное. Во время опи́санной сейчас перестре́лки об Арине Петровне словно позабы́ли. Но она отню́дь не остава́лась равнодушной зри́тельницей этой семейной сцены. Напротив того, с первого же взгляда можно было заподо́зрить, что в ней происходит что-то не совсем обыкновенное и

облока́чиваться (-ваюсь, -ваешься) — toetama
постепе́нно — aegamööda
искажа́ться (-жа́ешься, -жа́ется) — moonduma
разража́ться (-жа́юсь, -жа́ешься) — puhkema
истери́чески — hüsteeriliselt
рыда́ние — vali nutt
не удало́сь — ei õnnestunud
перестре́лка — tulevahetus
отню́дь — mitte sugugi
зри́тельница — pealtvaataja
заподо́зрить* (*буд.* -зрю, -зришь) — aimama

что, может быть, настала минута, когда перед умственным её оком предстали во всей полноте и наготé итоги её со́бственной жизни. Лицо её оживи́лось, глаза расши́рились и блесте́ли, губы шевели́лись, как будто хотели сказать какое-то слово — и не могли. И вдруг, в ту самую минуту, когда Петенька огласи́л столовую рыданиями, она грузно поднялась с своего кресла, протяну́ла вперёд ру́ку, и из груди её вырвался вопль:

— Прро-кли-ннáааю!

Глава IV.

Племя́ннушка.

(Краткое изложение главы.)

Вопреки́ ожиданиям Петеньки, Иудушка спокойно вы́нес материнское прокля́тие „и ни на́ волос не отступи́л от тех реше́ний, которые, так сказать, „всегда готовые сидели в его голове“.

Арина Петровна, уехав в Погорелку, месяц провела́ в совершенном уедине́нии. Однажды утром, она по обыкнове́нию собиралась встать с постели и не могла. Наканý не смерти Арины Петровны Иудушка посетил её. „Шу́точками и прибау́точками“ он старался подбодри́ть „маменьку“, но её силы уже па́дали. После похорон матери Иудушка вскоре получил письмо от Петеньки, который после суде́бного процесса был вы́слан в одну из дальних губе́рний.

о́ко ≐ глаз
нагота́ — alastiolek
огласи́ть* (*буд.* -лашу́, -ласи́шь) — rõkkama panema, pasundama
вопль (*ж. р.*) hädakisa
племя́ннушка — õetütreke
вопреки́ — vastupidi
и ни на́ волос — juuksekarva võrdki
наканý не — eel, eelõhtul
шу́точка — naljatused, naljake
прибау́точка — sõnakõlks
подбодри́ть* (*буд.* -бодрю́, -бодри́шь) — julgustama

Петенька просил отца о материа́льной помощи. Иудушка послал Петеньке письмо с нравоуче́ниями, но помощи никакой не обещал. Не доехав до места ссы́лки, Петенька слёг в больницу и умер.

После вре́менного прекраще́ния спекта́клей в Головлёво прибыла погости́ть Аннинька. За это время она преврати́лась в деви́цу „с ре́зкими и даже развя́зными мане́рами“. Нару́жность её до́вольно приятно порази́ла Иудушку. Аннинька посетила Погорелку, попла́кала на могиле бабушки. Когда-то она рвала́сь из Погорелки, но теперь, припоминая свою жизнь среди „раскра́шенных кули́с“, она тяжело переживает уга́р вечно шумной жизни провинциа́льной опереточной актрисы, окружённой цини́чными и полупья́ными покло́нниками.

Посты́лая ску́ка в Головлёве отта́лкивает Анниньку, и её тя́нет обратно. „Жизнь актрисы взбудора́жила её“. Подробное описание тяжёлых переживаний Анниньки — провинциа́льной опереточной актрисы. Иудушка делает попы́тку удержать Анниньку в Головлёве. Но тщётно. „Освобождение из головлёвского плена“ радует Анниньку. До своего отъезда Аннинька заказала панихиду по бабушке на сельском кладбище. Сельский батюшка и попадья́ пригласили Анниньку в гости, но смотрели на неё, как на „па́дшую“ же́нщину.

нравоуче́ние — kombeõpetus, moraal
прекраще́ние — katkestamine
спекта́кль (*м. р.*) — etendus
преврати́ться* (*буд.* -щу́сь, -ти́шься) — muutuma
развя́зный — väga vaba käitumises
раскра́шенный — värvitud
уга́р — karm, uim
цини́чный — küüniline, häbitu
полупья́ный — pooljoobnud
покло́нник — austaja
посты́лый — vastumeelne, vastik, eemaletõukav, tüütav
взбудора́жить* (*буд.* -ра́жу, -ра́жишь) — erutama
попы́тка — katse
тщётно — asjata
попадья́ — preestriemand
па́дший (*прич.*) — langenud

Глава V.

Недозво́ленные семейные радости.

(Краткое изложение главы.)

Евпраксеюшка — экономка Иудушки — родила́ ребёнка. С помощью Улитушки — ловкой старухи старого крепостно́го времени — Иудушка сплавля́ет младе́нца Евпраксеюшки в воспита́тельный дом.

Глава VI.

Вы́морочный.

(Краткое изложение главы.)

Вокруг Иудушки все опусте́ло: „Одни — перемёрли, другие — ушли". „Даже Аннинька, несмотря на жалкую бу́дущность кочу́ющей актрисы, не соблазни́лась головлёвскими прибо́льями". Евпраксеюшка, которую сначала Иудушка мог угнета́ть „без малейших опасе́ний", одержала верх над иудушкиным пустосло́вием. После исчезнове́ния её ребёнка в ней явилась не́нависть, желание досади́ть, изга́дить жизнь, извести́: началась несно́снейшая из всех войн — „война́ приди́рок, поддра́зниваний,

---

недозво́ленный — lubamatu

сплавля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — käest ära toimetama, ära saatma

воспита́тельный — kasvatus-

перемере́ть* (*буд.* -мрёшь, -рёт) — ära surema

кочу́ющий — ränd-, rändav

соблазни́ться* (*буд.* -ни́юсь, -ни́шься) — meelitatud saama

прибо́лье — lahedus, vabadus ning küllus

угнета́ть (-та́ю, -та́ешь) — orjastama, rõhuma

без мале́йших опасе́ний — ilma vähemagi ohuta

одержа́ть верх — üle (v. võidu) saama

исчезнове́ние — kadumine

досади́ть* (*буд.* -сажу́, -сади́шь) — meelehärma sünnitama, pahandama, kiusama

изга́дить* (*буд.* -га́жу, -га́дишь) — ära rikkuma, nurja v. luhta v. hukka ajama

извести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — hinge välja sööma

несно́сный — talumatu

приди́рка — norimine

мелких уко́лов". Эта „война" сломи́ла Порфирия Головлёва. Одержав верх над Иудушкой, Евпраксеюшка начала вести самый разгу́льный образ жизни, а Порфирий Владимирович совсем одича́л. Он стал безнадёжным алкого́ликом, совсем забро́шенным Евпраксией, которая делала всё, что хотела.

Глава VII

Расчёт.

(Краткое изложение главы.)

В один из дека́брьских дней, когда „схва́ченная неогля́дным снежным са́ваном окре́стность тихо цепене́ет", в Головлёве появилась Аннинька. „Одета она была совсем не по сезону, в городское ватное пальто, больше для вида, нежели для тепла, оторо́ченное бара́шком, и видимо закоченела". Её жалкий, несча́стный вид произвёл осо́бенное впечатле́ние на Евпраксию.

Далее в этой главе описывается жизнь Анниньки. Как Аннинька, так и Любинька оказались актрисами посре́дственными и брали больше развя́зностью мане́р. Любинька очень скоро попада́ет на содержа́ние к зе́мскому деятелю Лю́лькину, Аннинька сначала крепи́тся,

---

уко́л — nõelapiste
разгу́льный — prassija(lik)
о́браз жи́зни — eluviis
одича́ть* (*буд.* -ча́ю, -ча́ешь) — metsistuma
забро́шенный — hüljatud, kõrvale heidetud
расчёт — lõpparve
схва́ченный (*прич.*) — haaratud
неогля́дный — piiritu
са́ван — surilina
окре́стность — ümbrus
цепене́ть (-не́ю, -не́ешь) — tarduma
оторо́ченный — kanditud
бара́шек — tallenahk
закоченеть* (*буд.* -чене́ю, -чене́ешь) — külmast kangestuma
произвести́* (*буд.* -веду́, -ведёшь) — jätma, avaldama
посре́дственный — keskpärane
на содержа́ние — ülalpidamisele
крепи́ться (креплю́сь, крепи́шься) — vastu pidama

пыта́ясь отстоя́ть своё челове́ческое досто́йнство, но затем также стано́вится содержа́нкой: она попадает к „покрови́телю“ — купцу Ку́кишеву. Как Люлькин, так и Кукишев оказались растра́тчиками. Люлькин ещё до суда покончил самоуби́йством, а Кукишев был приговорен к ссы́лке в Сибирь на поселе́ние. После этой истории Аннинька и Любинька дошли до после́дней сте́пени униже́ния и нищеты́. Более реши́тельная Любинька кончает самоуби́йством. Аннинька „мгнове́нно стру́сила“ и не решилась выпить яд.

„Артисти́ческая карьера девиц Погорельских кончилась. В тот же день ве́чером Любинькин труп вы́везен в поле и зары́т. Аннинька оста́лась жива́“.

Возврати́вшись в посты́лое Головлёво, Аннинька полна дум о тяжёлом прошлом. Этот груз кошма́рных воспомина́ний о бесшаба́шной жизни провинциа́льной опере́точной актрисы сплегается для неё с тоскли́вой жизнью в Головлёве. По вечерам Аннинька вместе с Евпраксией пьёт водку и бренчи́т на гитаре пошлую песню об „Усаче́“. К их компа́нии присоединя́ется потом и оконча́тельно опусти́вшийся Иудушка.

Наконец, ужасная правда стала ясна Иудушке. Все

пыта́ясь (*дееприч.*) — püüdes
отстоя́ть* (*буд.* -стою́, -стои́шь) — kaitsma, alal hoidma
досто́инство — väärikus
содержа́нка — ülalpeetav, armuke
покрови́тель (*м. р.*) — eestkostja
на поселе́ние — asumisele
сте́пень (*ж. р.*) — aste
униже́ние — põlgus
нищета́ — vaesumine, vaesus
мгнове́нно — silmapilkselt
стру́сить* (*буд.* -рушу́, -сишь) — araks minema
зары́т (*прич.*) — maha maetud
кошма́рный — kohutav, painajalik
бесшаба́шный — meeletu, metsik
бренча́ть (-чу́, -чи́шь) — klimberdama
уса́ч — pikkade vurrudega mees
присоединя́ться* (*буд.* -диню́сь, -ни́шься) — liituma
опусти́вшийся — langenud

кругом него вымерли, кроме жалкой Аннинькн, котора также стреми́тся докана́ть его.

Иудушка осозна́л, наконец, свои преступле́ния и увидел ничто́жество своей жизни. В одну из ма́ртовских весе́нних ночей Иудушка отправляется на могилу своей матери с тем, чтобы вы́плакать там проще́ние себе, но на пути умирает. Недалеко от дороги был „найден закоченёвший труп головлёвского барина".

ПО́ВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРА́ЛОВ ПРОКОРМИ́Л.

Жили да были два генера́ла, и так как оба были легкомы́сленны, то в скором вре́мени, по щу́чьему веле́нию, по моему хоте́нию, очути́лись на необита́емом о́строве.

Служи́ли генералы всю жизнь в какой-то регистрату́ре; там родили́сь, воспита́лись и соста́рились, сле́довательно ничего не понима́ли. Даже слов никаких не знали, кроме „приме́те увере́ние в соверше́нном моём почте́нии и пре́данности".

стреми́ться (-лю́сь, -и́шься) — püüdma
докана́ть* (*буд.* -на́ю, -на́ешь) — lõpule viima
осозна́ть* (*буд.* -на́ю, -наешь) — teadlikuks saama
ничто́жество — tühisus
закоченёвший (*прич.*) — tardunud
по щу́чьему веле́нию, по моему́ хоте́нию — havi käsul, minu soovil
очути́ться* (*буд.* очучу́сь, очу́тишься) — sattuma, osutuma
необита́емый — asustamata
сле́довательно — järelikult
приме́те (*повел.*) — võtke vastu
увере́ние — kinnitus
соверше́нный — täielik
пре́данность — truudus

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит. Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! Где мы? — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а на яву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сновидение — пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за кото-

---

упразднить* (*буд.* -дню, -дни́шь) — lõpetama
за ненадобностью — vajaduse puudumisel
за штатом — erus
кухарка — köögitüdruk
разумеется — mõistagi
сниться сни́шься, сни́тся) — unes nägema
мне сни́тся — mina näen unes
оказия — (paha) lugu
однако — aga, kuid
стараться (-ра́юсь, -ра́ешься) — püüdma
уверить* (*буд.* -ве́рю, -ве́ришь) — tõendama
сновидение — unenägu
пришлось убедиться — tuli veenduda
расстилаться (-ла́ешься, -ла́ется) — laiuma
клочок — tükike

рым стла́лось всё то же безграни́чное море. Запла́кали генера́лы в первый раз после того, как закрыли регистрату́ру.

Стали они друг друга рассма́тривать и увидели, что они в ночных руба́шках, а на ше́ях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку́ испи́ть хорошо, — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним несли́ханная штука случилась, и во второй раз запла́кал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слёзы, — ежели тепе́рича [1] доклад написа́ть — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдёмся; можеть быть, что-нибуть и найдём.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как нача́льник однажды говорил: если хочешь сыска́ть восто́к, то встань глазами на север и в правой руке получишь иско́мое. Начали искать се́вера, становились так и сяк, перепро́бовали все стра́ны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство; вы пойдёте направо, а я налево — этак-то лучше будет, — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в

---

[1] теперича — искажённое слово *теперь*.

стла́ться (стелешься, стелется) — laiuma
испи́ть (*наро́дное*) = пить — jooma
тепе́рича (*наро́дное*) = тепе́рь — nüüd
сойти́сь* (*буд.* -йду́сь, -йдёшься, -йдётся) kokku saama
сыска́ть* (*буд.* сыщу́, сы́щешь) — üles otsima
иско́мое — otsitav

школе воéнных кантони́стов [1] учителем каллигра́фии [2] и, следовательно, был поумнее.

Сказано-сделано. Пошёл один генерал направо и видит: растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попро́бовал поле́зть — ничего не вышло, только руба́шку изорва́л. Пришёл генерал к ручью́, видит рыба там, словно в садке́ на Фонта́нке, так и кишúт [3] и кишúт.

„Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую", — подумал генерал и даже в лице измени́лся от аппети́та.

Зашёл генерал в лес — а там ря́бчики сви́щут, тетерева́ току́ют, зайцы бегают.

— Господи, еды́-то, еды-то, — сказал генерал, почу́вствовав, что его уже начинает тошни́ть.

Делать не́чего, пришлось возвраща́ться на усло́вленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уже дожида́ется.

---

[1] К а н т о н и́ с т ы — сыновья солдат, с детства определявшиеся на военную службу и учившиеся в особо устроенных для них военных школах.

[2] К а л л и г р а́ ф и я — искусство чётко и красиво писать.

[3] К и ш и́ т — глагол, который обозначает обилие; здесь: р ы б а к и ш и́ т — о ч е н ь много рыбы.

кантони́ст — kantonist
каллигра́фия — ilukiri
ле́зть (ле́зу, ле́зешь) — ronima
изорва́ть* (*буд.* -ву́, -вёшь) — katki rebima
садо́к — kalakumm, sump
кише́ть (-ши́шь, -ши́т) — kubisema
измени́ться* (*буд.* -нюсь, -нишься) — muutuma
ря́бчик — laanerüü
свисте́ть (свищу́, свисти́шь) — vilistama
те́терев — teder
токова́ть (-ку́ю, -ку́ешь) — kudrutama
еда́ — söök
тошни́ть (*безличн.*) — iiveldama, oksele ajama
усло́вленное (*прич.*) — kokkulepitud

— Ну, что, ваше превосходительство, промы́слили что́-нибуть?

— Да вот нашёл старый ну́мер „Московских Ведомостей“ и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натощáк. То беспокóит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминáются виденные днём плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что челове́ческая пи́ща, в первонача́льном виде, лета́ет, пла́вает и на деревьях растёт? — сказал один генерал.

— Да, — отве́тил другой генерал, — призна́ться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде роди́тся, как их утром к кофею подают.

— Стало быть, если, например, кто хочет куропа́тку съесть, то должен сначала её изловúть, убить, ощипа́ть, изжа́рить... Только как всё это сделать?

— Как всё это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолча́ли и стали стара́ться заснуть; но голод реши́тельно отогнал сон. Рябчики, инде́йки, поросята так

промы́слить* (*буд.* -лю, -лишь) — hankima, muretsema
ве́домость (*ж. р.*) — teade
не спи́тся им натощáк — und ei tule tühja kõhuga
припоминáться (-нáюсь, -нáешься, -нáется) — meenuma
в первонача́льном ви́де — algkujul
призна́ться* (*буд.* -нáюсь, -наешься) — tõtt tunnistama
куропа́тка — põldpüü
изловúть* (*буд.* -ловлю́, -ло́вишь) — kinni püüdma
ощипа́ть* (*буд.* -иплю́, -иплешь) — kitkuma
изжа́рить* (*буд.* -рю, -ришь) — praadima
инде́йка — kalkun

и мелька́ли перед глазами, сочные, слегка́ подрумя́ненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой со́бственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перча́тки бывают, когда долго но́шены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взгляну́ли друг на друга: в глазах их свети́лся зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рыча́ние. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервени́лись. Полете́ли кло́чья, раздался визг и о́ханье; генерал, который был учителем каллигра́фии, откуси́л у своего товарища орден и немедленно проглоти́л. Но вид теку́щей крови как будто образу́мил их.

— С нами кре́стная сила! — сказали они оба разом, — ведь этак мы друг друга съеди́м!

— И как мы попа́ли сюда! Кто тот злоде́й, который над нами такую штуку сыгра́л!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разгово́ром развле́чься, а то у нас тут уби́йство будет! — проговорил один генерал.

слегка́ — kergelt
подрумя́ненный (*прич.*) — *siin:* pruunistunud
пику́ли (*мн. ч.*) — piklid, (= marineeritud noor keeduvili)
перча́тка — kinnas
но́шены (*прич. кра́ткая ф.*) — kantud
зловещий — kurjakuulutav
глухо́й — tume
рыча́ние — mõmin
в одно́ мгнове́ние о́ка — silmapilkselt
остервени́ться* (*буд.* -ню́сь, -ни́шься) — raevuma
кло́чья (*мн. ч.*) — tükid
визг — vingumine
о́ханье — oie
откуси́ть* (*буд.* -кушу́, -ку́сишь) — ära hammustama
проглоти́ть* (*буд.* -глочу́, -гло́тишь) — alla neelama
теку́щая (*прич.*) — voolav
с на́ми кре́стная си́ла — püha ristike olgu meiega
злоде́й — roimar, näru, kurjategija
развле́чься* (*буд.* -влеку́сь, -влечёшься) — meelt lahutama
уби́йство — mõrv

— Начина́йте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде всходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Стра́нный вы человек, ваше превосходительство! Но ведь и вы прежде встаёте, идёте в департа́мент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допусти́ть такую перестано́вку: сперва ложусь спать, вижу разли́чные сновиде́ния, а потом встаю?

— Гм, да... А я, призна́ться, как служил в департаменте, всегда так думал: вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать, и спать пора!

Но упомина́ние об ужине обоих пове́ргло в уны́ние и пресе́кло [1] разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными со́ками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы произво́дят другие соки, эти, в свою о́чередь, ещё производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекрати́тся...

— Тогда что ж?

---

[1] Пресе́кло (от глагола *пресе́чь*) — прекратило.

стра́нный — imelik
допусти́ть* (*буд.* -пущу́, -пу́стишь) — oletama, juurde laskma
перестано́вка — ümberpaigutus
упомина́ние — meenutamine
пове́ргнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — (teatavasse (raskesse) seisukorda) tõukama
уны́ние — nukrus
пресе́чь* (*буд.* -секу́, -сечёшь) — katkestama
сок — mahl
производи́ть (-вожу́, -во́дишь) — tootma, valmistama
в свою́ о́чередь — omakorda
прекрати́ться* (*буд.* -ти́шься, -ти́тся) — lakkama olemast

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чём ни начина́ли генералы разговор, он постоя́нно своди́лся на воспомина́ние о еде́, и это ещё более раздража́ло аппетит. Положи́ли: разговоры прекрати́ть, и, вспомнив о найденном нумере „Московских Ведомостей", жадно принялись читать его.

„Вчера, — читал взволно́ванным голосом один генерал, — у почте́нного начальника нашей древней столицы был пара́дный обед. Стол серви́рован [1] был на сто перео́н с ро́скошью изуми́тельною. Дары всех стран назна́чили себе как бы рандеву́ [2] на этом волше́бном празднике. Тут была и „шексни́нска сте́рлядь золотая" [3], и пито́мец лесов кавка́зских — фазан, и, столь редкая на нашем севере в феврале ме́сяце, земляни́ка..."

---

[1] Серви́ро́ван — приготовлен.

[2] Рандеву́ — свидание.

[3] Строка из написанного в 1795 году стихотворения поэта Державина „Приглашение к обеду"; шексни́нска — шекснинская (Шексна́ — река).

своди́ться (-дишься, -дится) — üle kanduma, välja jõudma
раздража́ть (-жа́ю, -жа́ешь) — ärritama
положи́ть* (*буд.* -жу́, -жишь) — panema; *siin:* otsustama
жа́дно — ahnelt
почте́нный — lugupeetud
серви́ро́ван (*прич. крат. ф.*) — kaetud
перео́на — isik
ро́скошь (*ж. р.*) — toredus
дар — and
назна́чить* (*буд.* -чу, -чишь) — määrama
рандеву́ — kohtamine
волше́бный — muinasjutuline
Шексна́ — Šeksna, Volga harujõgi
сте́рлядь — sterlet (kala)
пито́мец — kasvandik
фаза́н — fasaan
столь — nii...
ре́дкий — harukordne

— Тьфу ты, господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти друго́го предмета? — воскликнул в отча́янии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочёл сле́дующее:

„Из Тулы пишут: вчера́шнего числа, по случаю пои́мки в реке Упе́ осетра́ (происше́ствие, которого не запомнят даже старожи́лы, тем более, что в осетре был опо́знан частный при́став Б.), был в здешнем клубе фестива́ль [1]. Вино́вника торжества́ внесли на грома́дном деревя́нном блюде, обло́женного огурчиками и держа́вшего в па́сти кусок зе́лени. Доктор П., бывший в тот день дежурным старшино́ю, забо́тливо наблюда́л, дабы все гости получили по куску́. Подли́вка была самая разнообра́зная и даже почти прихотли́вая ...“

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не сли́шком осторожны в вы́боре чтения, — прерва́л первый генера́л и, взяв в свою очередь газету, прочёл:

„Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобре́л следующий оригина́льный спо́соб приготовле́ния

[1] Фестива́ль — празднество.

предме́т — aine
отча́яние — ahastus, meeleheide
пои́мка — püüdmine
старожи́л — vana elanik
опо́знан (*прич. кратк. ф.*) — ära tuntud
ча́стный при́став — erapristav
вино́вник — *siin:* põhjustaja
торжество́ — pidu
внести́* (*буд.* -несу́, -несёшь) — sisse kandma
блю́до — liud
обло́женный (*прич.*) — piiratud
держа́вший (*прич.*) — hoidnud
пасть (*ж. р.*) — loomasuu, lõuad
зе́лень — roheline(aedvili), haljastoit
дежу́рный — korrapidaja
старшина́ — vanem
забо́тливо — hoolega
наблюда́ть (-да́ю, -да́ешь) — jälgima
да́бы = что́бы — et
подли́вка — kaste
прихотли́вый — eriskummaline
осторо́жный — ettevaatlik
изобрести́* (*буд.* -брету́, -бретёшь) — leiutama
спо́соб — viis

ухи́: взяв живого нали́ма, предвари́тельно его вы́сечь; когда же от сече́ния пе́чень его увели́чится...“

Генералы пони́кли головами. Всё, на что бы они ни обратили взо́ры, всё свидетельствовало об еде. Со́бственные их мысли злоумышля́ли против них, ибо как они ни стара́лись отгонять представле́ния о бифште́ксах, но представле́ния эти пробива́ли себе путь наси́льственным о́бразом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озари́ло вдохнове́ние...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика́?

— То-есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика! Мужик везде есть, — стоит только поискать его! Наверное он где-нибудь спря́тался, от работы отлы́нивает!

Мысль эта до того обо́дрила генералов, что они вскочили как встрёпанные и пустились оты́скивать мужика.

уха́ — kalasupp
нали́м — luts
предвари́тельно — ettevalmistavalt
вы́сечь* (*буд.* -секу, -сечешь) — peksma
сече́ние — peks, piitsutamine
пони́кнуть голово́й — pead norgu laskma
взор — pilk
свиде́тельствовать (-вую, -вуешь) — tunnistama
злоумышля́ть (-ля́ю, -ля́ешь) — kurja sepitsema
представле́ние — ettekujutus
наси́льственным о́бразом — vägivaldsel viisil
озари́ть* (-рю́, -ри́шь) — valgustama, särama panema
вдохнове́ние — vaimustus
отлы́нивать (-ваю, -ваешь) — tööst kõrvale hoidma, „viilima“
обо́дрить* (*буд.* -рю, -ришь) — julgustama
пусти́лись оты́скивать — hakkasid otsima

Долго они броди́ли по острову без вся́кого успе́ха, но, наконец, острый запах мяки́нного хлеба и кислой овчи́ны навёл их на след. Под деревом, брю́хом кве́рху и подложи́в под голову кула́к, спал грома́днейший мужичи́на и самым наха́льнейшим образом уклоня́лся от работы. Негодова́нию генера́лов преде́ла не было.

— Спишь, лежебо́к! — наки́нулись они на него, — небо́сь и ухом не ведёшь, что тут два генерала вторые сутки с голоду умира́ют! Сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы стро́гие. Хотел было дать от них стрекача́, но они так и закоченé ли, вцепи́вшись в него.

И зача́л он перед ними де́йствовать.

Полез сперва́-на́-перво на дерево и нарвал генералам по деся́тку самых спе́лых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопа́лся в земле — и добыл оттуда карто́фелю; потом взял два куска дерева, потёр их друг об дружку — извлёк огонь. Потом из собственных волос сделал сило́к и поймал ря́бчика. Наконец, развёл огонь и напёк

успе́х — edu
о́стрый — terav
мяки́нный — agana-
овчи́на — lambanahk
брю́хом кве́рху — kõht ülespoole
мужичи́на — talumees
наха́льнейший (*превосх. ст.*) — häbematuim
уклоня́ться (-ня́юсь, -ня́ешься) — kõrvale hoidma
негодова́ние — meelepaha
лежебо́к — vedelvorst
небо́сь и у́хом не ведёшь — küllap sa ei liiguta vist kõrvugi
вцепи́вшись (*прич.*) — kinni haarates
зача́л (*наро́дное*) = на́чал — algas
сперва́-на́-перво — kõige esiteks
спе́лый — valminud
покопа́ться* (*буд.* -на́юсь, -на́ешься) — kaevama
потере́ть* (*буд.* -тру́, -трёшь) — hõõruma
извле́чь* (*буд.* -влеку́, -влечёшь) — välja võtma, saavutama
сило́к — silmus
напе́чь* (*буд.* -пеку́, -печёшь) — küpsetama

столько разной прови́зии, что генералам пришло даже на мысль: не дать ли и тунея́дцу части́чку?

Смотре́ли генералы на эти мужицкие стара́ния, и сердца у них весело игра́ли. Они уже забыли, что вчера чуть не у́мерли с го́лоду, а думали: вот как хорошо быть генера́лами — нигде не пропадёшь!

— Дово́льны ли вы, господа генералы? — спрашивал, между тем, мужичина-лежебок.

— Довольны, любе́зный друг, видим твоё усе́рдие! — отвечали генералы.

— Не позво́лите ли теперь отдохну́ть?

— Отдохни, дружок, только све́й прежде верёвочку.

Набрал сейчас мужичи́на дикой конопли́, размочи́л в воде, поколоти́л, помя́л — и к вечеру верёвка была готова. Этой верёвкой генералы привяза́ли мужичи́ну к дереву, чтобы не убёг, а сами легли спать.

Прошёл день, прошёл другой; мужичи́на до того изловчи́лся, что стал даже в приго́ршне суп вари́ть. Сделались наши генералы весёлые, ры́хлые, сы́тые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всём готовом живут, а в

провизия — toit
тунеядец — söödik, logeleja, päevavaras
части́чка — osake
стара́ние — usinus, hoolsus
усе́рдие — püüdlikkus
свить* (*буд.* совью, совьёшь) — punuma
ди́кий — metsik
конопля́ — kanep
размочи́ть* (*буд.* -мочу́, -мо́чишь) — leotama
поколоти́ть* (*буд.* -чу́, -тишь) — kolkima
помя́ть* (*буд.* помну́, помнёшь) — sõtkuma, muljuma
привяза́ть* (*буд.* -вяжу́, -вя́жешь) — kinni siduma
убёг (*наро́дное*) = убежа́л — jooksis ära
изловчи́ться* (*буд.* -чу́сь, -чи́шься) — muutuma osavaks
приго́ршня — kamal, ruhimik
ры́хлый — kohev, paisunud
сы́тый — täis söönud

Петербу́рге между тем пенсии ихние всё нака́пливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавило́нское столпотворе́ние, или это только так, одно иносказа́ние? — говорит, бывало, один генерал другому, поза́втракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объясни́ть, что на свете существуют разные языки?

— Стало быть, и пото́п был?

— И пото́п был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существова́ние допото́пных зверей. Тем более, что в „Московских Ведомостях“ повеству́ют...

— А не почитать ли нам „Московские Ве́домости“?

Сы́щут нумер, уся́дутся под тенью, прочту́т от доски́ до доски́, как ели в Москве, ели в Ту́ле, ели в Пе́нзе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит.

Долго ли, коро́тко ли, однако, генералы соску́чились. Чаще и чаще стали они припомина́ть об оста́вленных ими в Петербурге кухарках и втихомо́лку даже попла́кивали.

— Что́-то теперь делается в Подья́ческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! всё сердце изны́ло, — отвечал другой генерал.

нака́пливаться (-ваешься, -ва́ется) — kogunema, korjuma
вавило́нское столпотворе́ние — paabeli segadus
иносказа́ние — mõistujutt
пото́п — veeuputus
допото́пный — eelveeuputusaegne
повествова́ть (-ву́ю, -ву́ешь) — jutustama
сыска́ть* (*буд.* сыщу́, сы́щешь) — üles otsima, leidma
прочту́т от доски́ до доски́ — loevad algusest lõpuni
втихомо́лку — tasahilju
попла́кивать (-ваю, -ваешь) — nutma
всё се́рдце изны́ло — süda on hell, valus

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет, а всё, знаете, как-то нело́вко бара́шку без я́рочки, да и мунди́ра тоже жалко.

— Ещё как жалко-то! Особли́во, как четвёртого класса[1], так на одно шитьё посмотреть, голова закру́жится!

И начали они ну́дить мужика: предста́вь да представь их в Подьяческую. И что ж, оказа́лось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мёд-пиво пил, по уса́м текло́, в рот не попало.

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обра́довались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снару́жи дома, в ящике, на верёвке, и стену краской ма́жет, или по крыше, словно муха, ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на боба́х разводи́ть, как бы ему своих генера́лов пора́довать за то, что они его, тунея́дца, жа́ловали и мужицким его трудом не гнуша́лися. И выстроил он корабль — не корабль, а такую посу́дину, чтоб можно было океан-море перепли́ть вплоть до самой Подьяческой.

[1] Царские чиновники делились по чина́м на классы; имевшие чин первых четырёх классов прира́внивались в правах к военным генералам.

нело́вко — ebamugav
бара́шек — jäär
я́рочка — talleke
особли́во (*нар.*) = особенно — eriti
шитьё — õmblus, kaunistus
закружи́ться* (*буд.* -жу́сь, -жишься) — ringi käima
ну́дить (-жу́, -дишь) — sundima
предста́вить* (*буд.* -влю, -вишь) — esitama, viima
предста́вь (*повел.*) — vii
оказа́лось (*безличн.*) — selgus, osutus
мёд — *siin:* mõdu
пи́во — õlu
снару́жи — väljaspool
на боба́х разводи́ть — arutlema
жа́ловать (-лую, -луешь) — hindama, austama
гнуша́ться (-юсь, -ешься) — põlgama
посу́дина — nõu, „küna"
вплоть — kuni

— Ты смотри, однáко, канáлья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покáчивавшуюся на волнáх ладью́.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервóй, — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрáл мужик пу́ху лебя́жьего мягкого и устлáл им дно ло́дочки. Устлáвши, уложил на дно генералов и, перекрести́вшись, поплыл. Сколько набрáлись стрáху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичи́ну за его тунея́дство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт, да гребёт, да кормит генералов селёдками.

Вот, наконец, и Нева-мáтушка, вот и Екатери́нинский славный канал, вот и Большая Подьяческая. Всплеснýли руками кухарки, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да весёлые! Напились генералы ко́фею, наелись сдóбных булок и надели мундиры. Поехали они в казначе́йство, и сколько тут денег загребли́ — того ни в сказке сказать, ни пером описать.

Однако и об мужике не забыли — вы́слали ему рюмку водки да пятáк серебрá: весели́сь, мужичи́на!

канáлья — võllanägu
утопи́ть* (*буд.* -плю́, -пи́шь) — uputama
покáчивавшийся (*прич.*) — õõtsuv
волнá — laine
ладья́ — paat
не впервóй (*народн.*) — ei ole esimest korda
пух — udusuled
лебя́жий — luige-
устлáть* (*буд.* устелю́, усте́лишь) — katma, vooderdama
дно — põhi
набрáться стрáху — hirmu tundma
тунея́дство — mittemidagi tegemine, logelemine, jõudeelu
грести́ (гребу́, гребёшь) — sõudma
селёдка — heeringas
всплеснýть рукáми — käsi kokku löömа
сдóбный — piima ja võiga valmistatud tainast
казначе́йство — riigi rahaasutis, maksuamet, rentei
загрести́* (*буд.* -гребу́, -бёшь) — kokku riisuma, kahmama
вы́слать* (*буд.* вы́шлю, вы́шлешь) — välja saatma
пятáк — viis kopikat
серебрó — hõbe

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Н. Г. Чернышевский: Стр.
Из романа: „Что делать“ 5
Н. А. Некрасов:
Кому на Руси жить хорошо 32
Железная дорога 56
М. Е. Салтыков-Щедрин:
Господа Головлёвы 66
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил 185

Kaanejoonise valmistanud V. Tomassov.

Vastutav toimetaja Ed. Ertis.

Keeleline toimetaja V. Bergmann.

Ladumisele antud 23. X 1948. Trükkimisele antud 7. XII 1948. Trükiarv 5000. Paber 56 × 79, 1/16. Trükipoognaid 12,5. Trükitähti trükipoognas 31273. Arvutuspoognaid 9,77. MB-09511. Trükikoda „Hans Heidemann“, Tartu, Vallikraavi 4. Tellimise nr. 2086.

На русском и эстонском языках.

Trükivigade õiendus.

Lk.	Rida	On trükitud	Peab olema	Kelle süü läbi
3	8 ülalt tekstis	издания, 1947 г.	издания 1947 г.,	trükikoda
5	12 „ „	какую-нибуть	какую-нибудь	vast. toim., keel. toim., korrektor
18	18 „ „	учености	учёности	vast. toim.
24	6 alt sõnast.	вы́рвать	вы́рвать*	„
30	8 „ tekstis	поймешь	поймёшь	„
34	3 ülalt sõnast.	перекоря́ться*	перекоря́ться	„
36	5 „ „	переполоши́ться	переполоши́ться*	„
37	2 alt tekstis	перестает	перестаёт	„
40	8 „ sõnast.	перемеря́ть*	перемеря́ть	„
42	1 ülalt „	носи́ться* (*буд.*	носи́ться	„
46	1 alt „	lisandiga	lisandiga)	trükikoda
48	4 ülalt tekstis	ее	её	vast. toim.
53	3 alt sõnast.	жжечься	жечься	„
53	3 „ „	жгёшься	жжёшься	„
64	1 ülalt „	дасступа́ться	расступа́ться	trükikoda
76	4 „ tekstis	дяда	дядя	vast. toim., keel. toim., korrektor
80	8 „ „	тепер	теперь	korrektor
81	3 alt „	путем	путём	vast. toim.
86	5 „ sõnast.	позволю́	позво́лю	„
178	4 ülalt „	lidaga	lidaga	trükikoda
186	8 „ „	сни́шься,	(сни́шься,	„
187	2 „ „	kokku saama	— kokku saama	korrektor